

Илона Эндрюс

Магия горит

Ilona Andrews

Magic Burns

© 2008 by Andrew Gordon and Ilona Gordon

© Николенко Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Памяти Дэвида Геммела. Вы вдохновляли меня своими книгами. Я мечтала познакомиться с вами и глубоко скорблю о вашем уходе.

Посреди ночи зазвонил телефон.

Магическая волна разбушевалась, и телефоны не работали, но мой все равно разрывался снова и снова, будто негодовал, что на него не обращают внимания, пока я наконец не сняла трубку.

– Да?

– Проснись и пой, Кейт! – Казалось, вкрадчивый благородный голос в трубке принадлежит грациозному, изящному красавчику.

Вот только Джим, обладатель голоса, являл собой его полную противоположность. По крайней мере, в человеческом облике.

Я разлепила веки и взглянула на механические часы со светящимся циферблатом.

– Два часа. Некоторые по ночам спят.

– Есть халтурка, – заявил Джим.

Я тут же села в кровати – сна как не бывало.

Халтурка – это отлично, деньги нужны позарез.

– Половина вознаграждения моя.

– Треть.

– Половина.

– Тридцать пять процентов, – припечатал Джим.

– Половина.

В трубке повисло молчание: мой бывший партнер по гильдии обдумывал предложение.

– Ладно, сорок.

Я нажала на «Отбой». Спальня погрузилась в тишину. Оконные занавески были раздвинуты, и сквозь защитную решетку в комнату проникал лунный свет. Он служил катализатором, поэтому в местах, где серебро в сплаве металла взаимодействовало с защитным заклинанием, прутья переливались голубым. За стенами дома, словно огромный сказочный зверь, спала Атланта, такая же мрачная и обманчиво мирная. Магическая волна неизбежно схлынет, и чудище проснется: полыхнет электрическим светом, а может, и стрельбой. Пуля сквозь охранный купол, конечно, пройдет, но темная магия нет, и этого вполне достаточно.

Снова раздался сигнал телефона. Я дала ему прозвонить дважды и только потом сняла трубку.

– Ладно, – с рычащими нотками в голосе проворчал Джим. – Половина твоя.

– Где ты?

– На стоянке под твоим окном, Кейт.

Значит, Джим в телефонной будке, которая тоже не должна бы работать...

Я потянулась за одеждой, как раз на такой случай лежавшей прямо у кровати.

– Что за халтурка?

– Один чокнутый пироман.

Сорок пять минут спустя я пробиралась по подземному гаражу, шепотом проклиная

Джима. Магия вырубил свет напрочь, и даже под носом ничегошеньки не было видно.

Внезапно в крошечной тьме расцвел огненный шар. Громадный, переливающийся красно-желтым, он с ревом помчался прямо ко мне. Я отпрыгнула за бетонную опору, ладонь, сжимающая метательный нож, взмокла от пота. Меня окутал жар. Какое-то время я не могла вдохнуть, а затем файербол пронесся мимо, врезался в стену и взорвался, рассыпавшись снопом искр.

В глубине гаража раздалось радостное хихиканье. Я выглянула из укрытия в направлении звука. Ничего, лишь непроглядный мрак. Где же техноприлив, когда он так нужен?

И вдруг во тьме забрезжило и явно посветлело – в следующем ряду опор, из-за столба напротив, высунулась рука Джима и пальцами изобразила открывающийся и закрывающийся клюв.

Понятно. Переговоры. Джим просил отвлечь психа, поджарившего четырех человек. Ну это я могу.

– Ладно, Джереми! – гаркнула я в ночь. – Отдай саламандру, и я не стану отрезать тебе голову!

Джим прикрыл лицо ладонью и слегка затрясся. Засмеялся, наверное, но точно не скажешь. Я-то, в отличие от оборотня, преимуществ в виде обостренного ночного зрения не имела.

Хихиканье Джереми взмыло истерическим крещендо.

– Тупая сучка!

Джим выскользнул из укрытия и двинулся на голос Джереми, растворившись в темноте. При слабом освещении перевертыш видел куда лучше меня, но теперь даже его глаза не справлялись. Джим отслеживал добычу по звуку, а значит, нужно заставить Джереми говорить. Но пока мой напарник охотился за мелодичным голосом Джереми, его обладатель, в свой черед, охотился за мной.

Беспокоиться не о чем, подумаешь, убийца-пироман собирается спалить огнем саламандры из зачарованной сферы остаток города. Главное, позаботиться о самой зверюшке. Если стекло ловушки разобьется, я стану известней коровы миссис О'Лири.

– Черт, Джереми, пополни словарный запас. На свете куча ругательств, а ты способен только на «сучку»? Отдай саламандру, не то обожжешься!

– Отвали... шлюха!

Слева вспыхнула крошечная искра. Зависла в темноте, озарив чешуйчатые очертания саламандровой пасти и руки Джереми, нервно сжимавшие сферу. Через секунду магическое стекло распалось, и оттуда вылетела частица огня. Соприкоснувшись с воздухом, она напиталась его энергией и раздулась до размеров шара. Я едва успела спрятаться за опору, когда файербол врезался в бетон, и с обеих сторон от меня вспыхнули языки пламени. В нос ударило зловоние серы.

– Промахнулся почти на милю. А в койке ты такой же снайпер, Джереми?

– Хлебни дерьма и сдохни!

А Джиму давно пора к нему подобраться. Я выскочила из укрытия.

– Давай, трусливое ничтожество. Ты хоть на что-то способен?

Полыхнуло пламя, я бросилась в сторону и покатила по полу. Надо мной, как разъяренный зверь, взревел огонь. Рукоять ножа жгла пальцы. Легкие опалило, глаза налились слезами. Я вжалась лицом в пыльный бетон, молясь, чтобы не стало жарче, и вдруг все прекратилось.

Я вскочила на ноги и бросилась к пироману. В сфере ярко горела саламандра.

Мелькнула кривая ухмылка Джереми, но тут темные руки Джима вцепились в горло пиромана, и ухмылка увяла. Он обмяк, как тряпичная кукла, из ослабевших пальцев выскользнуло стекло... Я нырнула следом и поймала сферу в трех дюймах от бетона, оказавшись лицом к лицу с саламандрой. На меня с любопытством уставились рубиновые глазки, черный рот раскрылся, из пасти выскользнул длинный тонкий, будто волосок, язык и лизнул отражение моего носа.

Привет, ты мне тоже нравишься.

Я с опаской опустилась на колени, после чего поднялась на ноги. Присутствие саламандры давило на мой разум, жаждавший ей угодить, будто игривый котенок, лениво выгибающий спину и сразу же бросающийся на добычу. Перед глазами возникли видения жара и пламени. «*Давай что-нибудь спалим!*» Я захлопнула створки сознания, выбрасывая исчадие из головы, – давай не будем.

Джим ослабил хватку на шее поджигателя, и тот мешком осел на землю. Лицо Джереми разгладилось, пустые глаза бессмысленно уставились в потолок: смерть застала его врасплох. Даже пульс проверять ни к чему.

Пожалуй, премиальных нам не видать.

– Ты говорил, что клиента предпочтительнее взять живьем, – пробормотала я.

Живой Джереми стоил куда больше, чем его труп. Нам все равно заплатят, но с третьей частью заработка придется попрощаться.

– Верно.

Джим перевернул тело на бок, и я посмотрела на спину пиромана. Между лопатками торчала тонкая металлическая стрела с тремя черными перьями. Не давая себе времени на обдумывание, я рухнула на пол, прижимая саламандру к груди. Джим каким-то образом оказался там раньше меня.

Мы таранились во тьму, мрачную и безмолвную.

Кто-то всадил в нашего подопечного арбалетный болт. Легко мог бы прошить и нас: мы стояли над трупом не меньше четырех секунд. Для пары выстрелов более чем достаточно. Коснувшись Джима, указала ему на свой нос, но оборотень покачал головой. В воздухе до сих пор висел серный зловонный запах. В таком смраде даже если скунс выпустил бы струю Джиму в лицо – тот бы не учуял.

Я замерла и затаила дыхание. Оставалось лишь ждать, наострив уши.

Потянулись минуты, тягучие и безмолвные. Джим присел на корточки и мотнул головой влево. Я вроде как припоминала, что дверь осталась в другой стороне, но где-то во мгле нас поджидал стрелок, поэтому предпочла довериться напарнику.

Он схватил труп Джереми, перебросил через плечо, и мы, пригибаясь, помчались вперед. Оборотень впереди, я, полуслепая от мрака, сзади. Мелькали бетонные опоры: одна, вторая, третья, четвертая. Люминесцентные лампы на потолке заморгали и с дребезжанием вернулись к жизни, заливая гараж слабым искусственным светом: началась власть обычной техники. Не успела я опустить ногу на пол, а из мира уже утекла магия, пробуждая уснувшие технологии. Впереди, в десяти шагах, зиял прямоугольник выхода. Джим нырнул внутрь. Я бросилась влево, за ближайший столб. Саламандра в шаре уже не светилась. Спала, как безобидная черная ящерка. Дальнобойное оружие вымоталось. Я положила сферу на пол и вытащила из ножен «Погибель».

Саламандр, однако, переоценивают...

В дверном проеме возник Джим и ткнул пальцем мне за спину:

– Он ушел.

Я обернулась. Бетонная стена позади рухнула, вместо нее появился узкий проход, кажется, ведущий на улицу. Все верно: если стрелок хотел избавиться от нас, времени у

него было достаточно.

– Просто подстрелил нашего клиента и свалил?

– Похоже на то.

– Не понимаю...

– Вокруг тебя вечно какой-то кошмар творится.

– Халтурка-то была твоя.

Над дверью снова зажглась зеленая табличка выхода, рассыпав сноп искр. Джим какое-то время таращился на нее, черты лица его приобрели отчетливое кошачье выражение, где слилось воедино отвращение и смирение с судьбой. Наконец оборотень покачал головой.

– А болт отдай мне, – сказала я.

– Забирай.

У Джима запищал пейджер. Оборотень проверил сообщение, и его физиономия опять стала безразличной.

– Только не это! Я не дотащу труп в одиночку.

– Дела Стаи, – и он направился к выходу.

– Джим!

Мне ужасно захотелось швырнуть что-нибудь ему вслед, но я сдержалась. Поделом: сама подвизалась на работу с парнем из Совета Стаи. Он вовсе не плохой напарник. Просто у оборотней дела Стаи всегда в приоритете.

По шкале от одного до десяти Стая получит одиннадцать, а все остальное – только единицу.

Я уставилась на Джереми: он валялся на полу, словно мешок с картошкой. Убойный вес – фунтов сто пятьдесят. Мне ни за что не справиться одновременно с трупом и саламандрой. Ту бросать нельзя: в любой момент может снова накатить магическая волна, и ящерка вспыхнет. Да и стрелок, вероятно, еще поблизости. Надо убираться отсюда, и побыстрее.

Джереми и саламандра стоили по четыре куска. Я давно не работала на гильдию, прибыльные дела попадались редко. Даже если отдать половину Джиму, денег хватит, чтобы оплатить две ипотеки на пару месяцев. При мысли оставить четыре штуки на полу меня затошнило.

Я посмотрела на Джереми, потом на саламандру... Сложный у меня выбор.

Бухгалтер гильдии наемников – невысокий опрятный мужчина с темными волосами – уставился на голову Джереми. Я водрузила ее на стойку.

– А где остальное? – осведомился он.

– Проблемы с логистикой.

– Джим тебя кинул? – расплылся в улыбке бухгалтер. – Квитанцию одну выписывать?

– Две.

Джим тот еще урод, но я не стану его грабить. Пусть забирает квитанцию и половину вознаграждения.

– Тряпка ты, Кейт.

Я оперлась на стойку и подарила служащему самую безумную ухмылку из своего

арсенала.

- Повтори еще разок?

- Нет уж, спасибо. - Он бухнул передо мной пачку бланков: - Заполняй.

Кипа толщиной в дюйм заняла бы у меня не меньше часа. Правила в гильдии соблюдались довольно небрежно: организацию наемников интересовала прибыль. Однако данные о трупах передавали копам, поэтому требовалось соблюсти формальности. Смысл жизни Джереми низвели до цены за его голову да тщательно заполненных граф на клочке бумаги.

Я злобно покосилась на стопку.

- R-20 заполнять не нужно.

- Верно, ты ведь работаешь и с орденом, - он отсчитал восемь страниц сверху. - Держи, у тебя ВИП-обслуживание.

Я схватила листы:

- Ура!

- Погоди, Кейт. Позволь задать вопрос...

Все, чего я хотела - заполнить документы, отправиться домой и завалиться спать.

- Выкладывай.

Он нырнул вниз, достал бутылку темного стекла и водрузил ее передо мной вместе с парой стопок. Гильдия наемников обосновалась в старом отеле «Шератон» на окраине Бакхеда. В прошлой жизни бухгалтерская стойка была лобби-баром.

- Не собираюсь я пить твоё любовное зелье.

- «Хеннеси», - хохотнул он. - Отличный коньяк - плата за информацию.

- Спасибо, не пью.

Я этим не балуюсь. Правда, в офисе на крайний случай припасена бутылочка сидра «Бунз фарм», но крепкие напитки - табу.

- И что за вопрос?

- Каково тебе работается в ордене?

- Вступить собираешься?

- Нет, мне и здесь неплохо. Но у меня есть племянник, он мечтает стать рыцарем.

- Сколько ему?

- Шестнадцать.

Идеально. Орден любит молодых - им легче промыть мозги. Я придвинула стул.

- Не откажусь от стакана воды.

Через несколько мгновений мне принесли полный стакан.

Я пригубила воды.

- В основном орден занимается тем же, чем и мы: устраняет вред от магии. Предположим, после волны ты обнаружил у себя на дереве гарпию. Первым делом звонишь копам.

- Если ты идиот, - усмехнувшись, вставил бухгалтер.

Я только плечами пожала.

– Они ответят, что заняты – пытаются нейтрализовать гигантского червя, пожирающего здание Федерального суда. Посоветуют держаться от гарпии подальше и сообщат, мол, приедут как только, так сразу. Ничего необычного. Поэтому следующий шаг – звонок в гильдию. Зачем ждать, ведь за три сотни баксов пара наемников устранил гарпию без шума и пыли, а напоследок подарит твоему малышу симпатичное перышко с хвоста этой твари, верно?

– Верно.

– А теперь представь, что трех сотен у тебя нет. Или у задания двенадцатый код – гильдия за подобные мерзости не берется. Но гарпия все еще торчит на дереве, и тебе надо от нее избавиться. Тогда ты звонишь в орден, они берут совсем недорого. Тебя просят проехать к ним в отделение, где с тобой беседует любезный рыцарь. Выспрашивает о доходах и сообщает отличные новости: за работу возьмут всего пятьдесят долларов, поскольку орден понимает, что больше ты заплатить не в состоянии. Это судьба!

– И в чем подвох?

– Нужно поставить свой автограф на бумагах, короче, на официальном прошении к ордену. А там крупными буквами напечатано, что ты уполномочиваешь рыцарей устранить любую угрозу человечеству, возникшую в связи с твоим делом.

Орден рыцарей милосердной помощи выбрал себе прекрасное название. Парни дарили просителям милосердие – обычно мечом или пулей. Проблема в том, что порой ты получал гораздо больше, чем рассчитывал.

– Допустим, бумаги подписаны. Ребята из ордена начинают вести за гарпией наблюдение. Примерно тогда же ты замечаешь странную вещь: каждый раз, когда появляется тварь, исчезает твоя пожилая тетушка. Принимаешься следить за старушкой и выясняешь, что магическая волна превращает ее в гарпию. Бежишь к рыцарям и просишь все прекратить – ведь ты любишь тетку. Подумаешь, сидит на дереве, вреда от нее никому нет. А рыцари отвечают, что пять процентов гарпий переносят на своих лапах смертельную болезнь. Посему твоя родственница – угроза человечеству. Ты злишься, поднимаешь крик, вызываешь копов, но те объясняют: все законно, они ничего не могут поделать. Кроме того, орден входит в состав правоохранительных органов. Ты обещаешь накрепко запереть тетушку. Пытаешься дать взятку. Тычешь им в нос своими детьми и объясняешь, как ребятишки любят бабульку. Плачешь и умоляешь, но ничего не помогает. – Я осушила стакан. – Вот какво работается в ордене.

Бухгалтер налил себе коньяка и опрокинул стопку.

– Это на самом деле произошло?

– Ага.

– Они прикончили старушку?

– Именно.

– Господи!

– Если твой племянник решит, что способен на такое, пусть поступает в Академию. Возраст у него как раз подходящий. Занятия по физподготовке выматывают, да и нагрузка велика, но при должном упорстве все получится.

– А ты откуда знаешь?

Я забрала свои бумаги:

– Когда я была ребенком, меня записал опекун. Он был прорицателем в ордене.

– Вау! И сколько ты продержалась?

– Два года. Со всем справлялась, кроме психологической подготовки. Подчиняться не умею.

Помахав бухгалтеру, я расположилась за одним из столиков – в полумраке.

По правде говоря, я не просто со всем справлялась, а была в числе первых. Меня сразу испытали и выдали сертификат адепта-электрума. Однако вскоре мне стало невмоготу. Орден требовал абсолютного повиновения, а у меня имелась причина противиться. Я хотела убить самого могущественного человека в мире, а такие желания связывают по рукам и ногам. Я бросила Академию и вступила в гильдию наемников. И разбила Грегу сердце.

Грег оказался прекрасным опекуном и самоотверженно меня оберегал. Он считал орден безопасным местом. Узнай тот самый могущественный человек о моем существовании, он покончил бы со мной. Ни я, ни Грег не могли ему противостоять. По крайней мере тогда. А если бы я присоединилась к ордену, рыцари встали бы на мою защиту. Но я решила, что овчинка не стоит выделки, и наши пути разошлись.

А потом Грега убили. Пришлось связываться с орденом и присоединяться к расследованию. Я отыскала убийцу и прикончила его. Дельце было мерзкое и грязное.

Теперь его называют делом сталкера из Ред-пойнта. В процессе всплыла информация о моих успехах в Академии, и орден отчаянно возжелал моего возвращения. Мне предложили работу посредника между рыцарями и гильдией наемников, пообещали отдать кабинет Грега, все его записи, заявили, что будут регулярно платить жалованье и надбавок наделят полномочиями для ведения незначительных расследований. Я согласилась. С одной стороны, меня терзало чувство вины: ведь я избегала опекуна, когда бросила Академию. А с другой – возобладал здравый смысл: мне предстояло выплачивать долги и за дом отца под Саванной, и за квартиру Грега в Атланте. Отказаться от любого из жилищ – все равно что отрезать себе руку или ногу. Гильдия не жалела денег, но я отвечала только за небольшой участок возле Саванны, а там солидные задания попадались не чаще чем раз в полгода. В общем, соблазн получать стабильный доход оказался слишком велик.

Сотрудничество с орденом вряд ли продлится долго, но пока все шло отлично. Я порядком задолжала по ипотеке, но когда заполню формы, рассчитаюсь за пару месяцев.

Написав по десять раз на каждой бумажке свой идентификационный номер, я занялась опросником из разряда «Подчеркните нужное». Да, я действовала в целях самообороны. Нет, я не считаю, что при задержании подозреваемого использовалось чрезмерное превышение силы. Да, я воспринимала подозреваемого как непосредственную угрозу для себя и окружающих. Дойдя до пункта «Заполните пропуски», я устала так, что глаза отказывались смотреть. В разделе «Опишите, как вы понимаете намерения подозреваемого» написала: «Совершенно сбрендил: собирался спалить город дотла».

Наконец я закрыла за собой тяжелые, армированные сталью двери здания, где располагалась гильдия наемников. Небо уже окрасилось бледно-серым цветом, предвещающим восход солнца. Ну и пусть: зато болт остался у меня, а я разбогатела на три сотни баксов. Остаток суммы выдадут позже, когда копы признают убийство законным. Добравшись до перекрестка, я уже мысленно распределила, куда потрачу аванс. Купюры еще лежали в моем кармане, я даже могла нащупать четыре потрепанных полтинника и пять двадцаток, а их, считай, уже не было. Великая тайна вселенной.

Спустя два часа я доплелась до капитула ордена в Атланте. Взгляд сонный, в руке здоровенный стакан кофе, загадочный арбалетный болт завернут в бумажный пакет и надежно прижат локтем. Офис встретил привычным буйством цвета: бесконечный коридор с серым ковром, серые стены, тусклые светильники. Бр-р...

И вдруг опять нахлынула магическая волна. Электрический свет погас. Заряженный воздух внутри колдоламп соприкоснулся с чарами и сразу вспыхнул голубым сиянием.

Третья волна за последние двадцать четыре часа. Последние пару дней магия просто сходила с ума: набегала и отступала, наверное, никак не могла определиться.

Из уголка секретаря у кабинета рыцаря-заступника доносилось щелканье клавиш допотопной пишущей машинки.

– Доброе утро, Максин.

«Доброе утро, Кейт, – отозвался женский голос у меня в голове. – Ночка выдалась нелегкая?»

– Можно и так сказать...

Я отперла дверь своего кабинета. Рыцари всегда прилагали массу усилий, чтобы их владения не бросались в глаза, но мой офис был крошечным даже по их меркам. Он с трудом вмещал стол, пару стульев, ряд картотечных ящиков и несколько книжных полок. Стены демонстрировали очередной лучезарный оттенок серого.

Я застыла на пороге. Кабинет мне достался в наследство от опекуна. После его смерти прошло уже четыре месяца. Пора бы смириться, но иногда, вот как сегодня, просто... не могла заставить себя открыть дверь. Казалось, войдешь, а там Грег – стоит с книгой в руке, темные глаза смотрят с укоризной и одновременно ласково. Как обычно, готов вытащить меня из любых неприятностей. Но это самообман. Он мертв. Сначала мать, за ней отец, а потом и Грег.

Мои близкие скончались в тяжких муках. Хватит воспоминаний, не то завою, как волк на луну. Закрыла глаза и попыталась прогнать эти мысли прочь, но образ Грега только стал еще более живым.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я отправилась в оружейную. Трусиха. Засудите меня за это.

Андреа сидела на скамейке и чистила пистолет. Она была невысокого роста, с твердым характером, а лицо такое, что даже посторонним хотелось излить ей душу. Устав ордена она знала вдоль и поперек и могла с ходу выдать любое самое маловразумительное правило внутреннего распорядка. Она всегда была на связи, ее магические сканеры работали исправно, а если вы приносили ей сломанный прибор, на следующий день Андреа возвращала его чистым и в рабочем состоянии.

Она подняла белокурую голову и приветственно махнула рукой. Я слегка пожала плечами, ощутив обнадеживающий вес «Погибели», моей сабли, в ножнах на спине, и помахала в ответ. Я понимала тягу подруги к металлу. После приключения, обеспечившего меня работой в ордене, не хотелось расставаться с клинком даже на пару минут: без него я начинала нервничать.

Андреа заметила, что я до сих пор на нее смотрю.

– Что-то нужно?

– Максимум информации об арбалетном болте.

– Дай сюда, – свободной рукой поманила меня Андреа.

Я передала ей сверток. Вытащив оружие убийства, она восхищенно присвистнула.

– Ничего себе.

Кроваво-красный болт с тремя черными перьями в длину был примерно два фута. По три черных дюймовых линии располагались на каждой грани у самого оперения. Всего девять меток.

– Древко из углеродного сплава, погнуть невозможно. Очень прочное и дорогое. Похож на модель 2216, а та годится для некрупной дичи – оленей, некоторых видов медведей.

– И человека. – Я прислонилась к стене и пригубила кофе.

– Угу, – кивнула Андреа. – Мощный, с равномерной траекторией полета, в скорости теряет незначительно. Разит наповал. Взгляни на наконечник: небольшой, трехгранный, весит грамм сто. Напоминает серию Wasp Boss. Некоторым нравятся автоматические

наконечники, но хороший арбалет дает такую начальную скорость, что лезвия у них раскрываются еще в полете. Соответственно страдает точность. Если бы мне пришлось выбирать, я бы взяла что-то вроде этого, – она покрутила болт, и свет, падающий из окна, сверкнул на острие. – Вручную заточено. Где ты его раздобыла?

Я объяснила. Андреа нахмурилась.

– Ты не слышала выстрела, значит, использовали рекурсивное оружие. Блочный арбалет в момент спуска издает резкий, звенящий звук. Можно я попробую? – Андреа кивнула в сторону дальней стены, обшитой несколькими слоями пробковой доски, где была припилена мишень в форме человека.

– Конечно.

Она натянула перчатки, чтобы не оставить магического следа, взяла со скамейки небольшой арбалет, зарядила, вскинула и сразу выстрелила. Очень быстро, не целясь. Болт просвистел в воздухе и вонзился мишени прямо в центр лба. Андреа была без промаха. Я даже с десяти ярдов из пистолета и в корову не попаду.

Колдолампы вспыхнули и погасли. На стене загорелся мягким желтым светом пыльный электрический фонарь. Магия отступила.

Мы переглянулись. Длительность периодов предсказать невозможно: магия появлялась и пропадала по своему усмотрению. Однако волна редко владела миром меньше часа. А эта задержалась не более чем на пятнадцать минут.

– Мне кажется... или перепады и правда стали происходить чаще?

– Не кажется. – Лицо Андреа приняло взволнованное выражение. Она вытащила болт из мишени. – Просканировать на наличие магии?

– Если не затруднит.

Есть у магии одна раздражающая особенность: со временем она исчезает. Чем быстрее протестируешь улики, тем больше шансов найти отпечаток энергии.

Андреа повернулась ко мне.

– Затруднит?! Я два месяца без работы. Просто подыхаю. Мозги вконец паутиной заросли, – она прижала палец к глазу и сдвинула нижнее веко. – Вот, сама убедись.

Я рассмеялась. Она работала на западное отделение ордена и влипла в неприятности: стая люпусов нападала на скотоводческие фермы. Люпусы – безумные каннибалы, утратившие человеческую сущность. Насилуют, убивают, творят бесчисленные зверства, пока кто-нибудь не прекратит их бренное существование, избавив от страданий. К несчастью, они ужасно заразны. Напарница Андреа была инфицирована и переродилась.

Андреа – отличный стрелок. Ей пришлось всадить две дюжины пуль в голову пострадавшей – такие раны не залечит даже оборотень. В итоге мою подругу перебазировали в Атланту. И хотя в крови не обнаружили вируса ликантропии, а это означало, что она не обзаведется шерстью и клыками, Тед все равно держал ее на скамейке запасных.

Она подняла стеклянный куб магического сканера, положила стрелу на керамический поддон, затем опустила куб и повернула рычаг. М-сканер начал вращаться.

– Андреа...

– Что?

– Техносдвиг, – напомнила я, чувствуя себя идиоткой.

– Господи! – поморщилась она. – Наверное, ничего не получится. Впрочем, кто знает? Иногда можно снять отпечатки, даже когда волна уже спала.

Мы посмотрели на куб, хоть обе знали: все тщетно. Предмет, опускаемый в м-сканер в период техноприлива, должен прямо-таки фонить магией. Как, например, часть тела...

Прибор изучает остаточный след владельца, после чего распечатывает, помечая разными цветами: человека – голубым, оборотня – зеленым, вампира – фиолетовым. Тон и яркость цветов обозначают различные виды магии. Верная интерпретация результатов сканирования возводится практически в ранг искусства.

На болте, который, вероятно, держали в руках совсем недолго, оттиск наверняка минимальный. Вообще-то я знала единственного в этом городе обладателя продвинутой модели м-сканера. Тот способен уловить самые ничтожные остатки ауры даже в самый мирный период. Хозяина прибора звали Саймоном. Имелась одна проблема: его услуги обходились баснословно дорого.

Застрекотал принтер. Андреа вытащила распечатку и повернулась. Лицо ее побледнело. На бумаге светился широкий серебристо-синий росчерк: служитель бога. Сам по себе данный факт ничего не значил. Любой, кто черпал силу в поклонении божествам или религии, определялся как священнослужитель – будь то папа римский, шаолиньский монах или даже Грег, прорицатель. Просто в технопериод мы не должны были бы вообще получить такой результат.

– И как это объяснить? Выходит, отпечаток очень сильный?

Андреа покачала головой.

– В последнее время волны совершенно непредсказуемы.

Мы переглянулись. Всем известно, что означают безостановочные волны магии: Вспышка. Которая была нужна мне примерно так же, как дыра в голове.

«К вам проситель», – произнес голос Максин у меня в голове.

Я взяла распечатку и отправилась к себе.

Придя в кабинет, я уселась за стол. Итак, грядет Вспышка. Если обычные смены периодов можно назвать магическими волнами, Вспышка – это цунами. Она начинается с незначительных колебаний. Они накатывают и отступают, но не до конца. В такие периоды магия не исчезает полностью, а возвращается все более сильной, пока наконец не затапливает мир девятым валом.

Существует гипотеза, что когда-то магия и технологии пребывали в равновесии. Как маятник старинных напольных часов, который едва двигался. Но затем пришла эпоха человека, а вместе с ней прогресс. Сначала люди перенасытили мир магией, отталкивая маятник все дальше в одну сторону. Наконец он сорвался и принялся бешено раскачиваться, принося с собой буйство техноволн.

Таким образом, под влиянием настырного человечества Землю захлестнула технология, а потом волны схлынули, и пришел черед магии.

Предыдущий сдвиг к технологиям произошел где-то в начале железного века. Нынешний официально начался почти тридцать лет назад со Вспышки. С каждым последующим разом магия все больше покоряла наш мир.

В такие периоды творится что-то странное. Длятся они два-три дня, но дни эти просто убийственные. Ненадолго я даже пожалела, что ушла из наемников. Отправилась бы домой и переждала безумие.

На пороге возникла девушка, та самая просительница. Изящная и утонченная, как все высокие и стройные от природы люди, она была не просто привлекательна – великолепно. Прекрасные раскосые глаза, кожа без малейшего изъяна, пухлые губы, волосы цвета воронова крыла, глянцево-волной спадающие на плечи. Платье – черное и в обтяжку, а туфли с такими каблучками, что у меня заломило икры.

Она показалась мне знакомой, но хоть убейте, я не сумела вспомнить, где с ней встречалась.

– Кейт Дэниелс?

Это верно.

– Слушаю вас.

– Меня зовут Мьонг Уилльямс.

Последовало неловкое рукопожатие.

– Присаживайтесь.

Она устроилась на стуле для посетителей и, шурша платьем, закинула ногу на ногу.

– Чем могу быть полезна?

Гостья помедлила, неосознанно сдвинув ноги так, чтобы выставить их в лучшем виде.

– Я бы хотела попросить об одолжении.

– Каком?

– Личного характера.

И замолчала.

Мы почти зашли в тупик, но вдруг у меня в мозгу что-то щелкнуло.

– Я вас вспомнила! Вы... – я замялась, подбирая определение: любовница, содержанка, игрушка... – подруга Кэррана.

И чего от меня надо наложнице Царя Зверей?

– Мы расстались, – сказала Мьонг.

Ага, то есть дело не в Кэрране. Боже, счастье-то какое! Чем дальше мы с вожаком Стаи друг от друга, тем лучше для всех. Работая вместе над делом сталкера из Ред-пойнта, мы чуть не поубивали друг друга.

Мьонг уселась поудобнее, обыденным движением поправила подол и нахмурила аккуратно выщипанные брови.

– Вы и Максимилиан...

Упоминание имени Макса меня слегка насторожило, а ведь казалось, я уже оставила парня в прошлом. Мы познакомились во время расследования – после убийства Грега. Привлекательный, умный, а иногда и добродушный, Макс очень мной увлекся. А я хотела...

Черт побери, не знаю, чего именно я хотела. Близости, секса... Чтобы было к кому возвращаться домой. Закончилось все плохо. Наверное, он меня возненавидел.

– Мы с Максом тоже расстались.

– Знаю, – кивнула Мьонг. – Мы помолвлены.

– Кто? – тупо переспросила я.

– Мы с Максимилианом Крестом. И собираемся пожениться.

Мир перевернулся вверх тормашками.

– Давайте проясним. Вы и... – бывшим Макса не назовешь – мы толком и не встречались, а условно бывшим – как-то глупо. – Вы теперь вместе?

– Да.

Мягко говоря, неловко. Я не ревновала, но беседа, неясно почему, получилась неприятной. Натянута улыбнувшись, я откинулась на спинку стула.

– Поздравляю. А от меня вы чего хотите?

Вид у Мьонг сделался растерянный.

– Желающие сочетаться браком должны получить у Кэррана разрешение.

– То есть ему предстоит одобрить вашу свадьбу с Крестом, хотя вы с Кэрраном уже не вместе?

– Конечно. Я ведь член Стаи.

Понятно. Кэрран правил оборотнями железной лапой. Каждый перевертыш на юго-востоке звал его господином. Кроме люпусов, но тех вожак сразу разрывал в клочья, не давая вымолвить ни слова.

Я смерила гостью внимательным взглядом и приподняла бровь.

– Лисица?

– Все так думают, – вздохнула та. – Я – норка.

Я тщетно попыталась вообразить норку-оборотня. Хотя, наверное, Кресту это нравилось.

– Вы еще толком не объяснили, зачем пожаловали, – потянула время я.

– Я спрашивала разрешения...

– Кэрран отказал?

– Ничего не ответил. Прошло уже два месяца. – Мьонг подалась вперед, молитвенно сложив руки. – Альфа не желает обсуждать с Кэрраном мою просьбу. Я надеялась, вы

поговорите с господином вместо меня.

– Я?!

– К вам он прислушается – ведь вы спасли ему жизнь.

Я должна попросить ее бывшего любовника тире оборотня-убийцу, который пугает меня до смерти, позволить ей выйти за моего условно бывшего приятеля? Да она прикалывается!

– По-моему, вы переоцениваете мое влияние.

– Пожалуйста! – закусила губу Мьонг, выкручивая себе пальцы.

На ее правой руке проступил тонкий шрам.

Левша. Резала вены, возможно, серебряным лезвием – жест мелодраматичный и совершенно бесполезный. Чтобы оборотень истек кровью, трехдюймового пореза недостаточно. Мьонг по-прежнему смотрела на меня и, похоже, не осознавала, что вытворяют ее руки.

– Макс сказал, вы поймете!

А лично, значит, явиться не соизволил.

Я глазела на нее. Мьонг словно потеряла почву под ногами, точно запнулась, но еще не успела упасть. Я уже видела у нее такой взгляд три месяца назад. Это случилось сразу после того, как сталкер из Ред-пойнта позвонил в крепость Стаи. Мы с Кэрраном наконец-то выяснили, кто он такой. Убийца совсем не обрадовался. Он резал жертву на кусочки, держа телефон возле рта несчастной, чтобы Кэрран слышал каждый стон девушки (она была одной из прежних любовниц Царя Зверей).

Я присутствовала при разговоре, а потом, когда направлялась к себе в комнату, пытаюсь не разрыдаться, в проеме двери заметила Мьонг. Она обнимала себя за плечи, а на лице отражалась полнейшая беспомощность.

И меня снова захлестнули эмоции. Я оказалась слишком глупа и не видела, что творится у меня прямо перед носом. Вдобавок была напугана, затравлена и одинока. Носилась по осажденному городу, совершала ошибки одну за другой, а вокруг гибли люди. Горло сжалось, сердце пустилось вскачь, и я тяжело сглотнула, напоминая себе, что все кончилось. Я тогда едва не погибла, и Крест подал мне руку, а я чуть не утянула его за собой. Он заслуживает счастья. Без меня.

– Хорошо, я поговорю.

– Спасибо, – с облегчением выдохнула Мьонг.

– Не знаю, получится ли у меня убедить Кэррана. Мы с вашим Царем доводим друг друга до белого каления.

И каждый раз после наших встреч у меня что-нибудь ломается: то ребра, то крыша, то молоток...

Последние мои слова Мьонг проигнорировала.

– Уверена, все получится. Огромное спасибо! Мы вам так благодарны...

«Посетитель!» – предупредил меня голос Максина.

На пороге возник долговязый парень в джинсах и светлой футболке. Коротко стриженные каштановые волосы, свежевыбритое лицо, бархатный взгляд карих глаз в обрамлении неприлично длинных ресниц... Если бы не мужественный квадратный подбородок, гостя можно было бы считать почти миловидным. Зато, случись ему пробиваться через толпу девчонок-подростков, он бы просто моргнул разок, и все они мигом бы сомлели.

Однако смазливая внешность и взгляд с поволокой лишь вводили в заблуждение. Дерек

был убийцей. За свои восемнадцать лет он видел больше страданий, чем многие за полвека. Испытания закалили его, словно клинок. После Ред-пойнта мы не виделись. Я тогда кое-что необдуманно ляпнула, а Дереку пришлось поклясться на крови, что он будет меня защищать. Кэрран потом освободил его от клятвы, но обет никуда так просто не исчезает. Последствия еще могут заявить о себе. Ни за что не полезу в иерархию Стаи.

– Привет, Кейт, – добродушно поздоровался он. – А ты, Мьонг, что здесь делаешь?

Та вскочила со стула и съежилась. Ссутулилась, словно ждала пинка, поникла. Даже колени подогнулись. Мьонг уставилась в пол. Окажись она сейчас в животной ипостаси, без сомнения, обмочилась бы.

Итак, полагаю, порядок подчинения в Стае мы выяснили.

– Вы не обязаны отвечать, – заметила я. – Информация, переданная представителю ордена, конфиденциальна, пока не будет затребована судом.

Мьонг, не двигаясь, созерцала пол. Хватит.

– Можете идти, – подсказала я.

Она улизнула из кабинета. Секунду спустя за ней захлопнулась дверь, ведущая на лестницу. Готова поклясться: по ступеням Мьонг мчалась как угорелая. Надеюсь, не переломает ноги на своих высоченных каблуках. Иначе кости будут сростаться не меньше двух недель.

– Я войду? – осведомился Дерек.

Я приглашающим жестом указала на один из стульев для посетителей.

– Почему Мьонг тебя боится?

– Могу только предположить, – он пожал плечами и уселся.

– Не держи в себе.

– Я работаю на Кэррана. И догадываюсь, зачем она приходила. Наверное, боится, что я ему донесу.

– А ты донесешь?

Он снова пожал плечами.

– Это ее личное дело. То, что не во вред Стае, меня не заботит. В любом случае Мьонг сюда явилась не по своей воле. Она жутко ленивая.

– Неужели?

– Угу, – кивнул Дерек. – Ее этот урод заставил. А я всегда говорил, что он мразь.

– Приму к сведению.

Спасибо за ценное мнение о моем условно бывшем, вундеркинд. И как бы я жила без нравоучений оборотня-подростка?

– Почему он сам к тебе не пришел? Сказал бы, мол, знаю, у нас ничего не вышло, но мне нужна твоя помощь... Почему Крест послал невесту к своей бывшей подружке умолять ее устроить им свадьбу? Эго мешает явиться самому? Не находишь, что это поступок слабака?

Вообще-то нахожу.

– Заткнись!

Дерек чуть выпрямился на стуле. Глаза оборотня загорелись желтым и погасли. Что за черт?

Я вытащила из ножен «Погибель» и пробежалась по лезвию пальцами. Матовый, почти белый металл тотчас отозвался слабым покалыванием магии. Определенно Вспышка. А оборотни в данный период с трудом держат себя в руках. Замечательно. Может, Кэррану плевать на эту свадьбу? Ха, да кого я обманываю...

– Неплохо выглядишь, – сказала я Дереку.

– Благодарю.

– Раньше ты меня не навещал. У тебя неприятности?

– Нет. Твой кабинет хорошо защищен?

– Ты в ордене. Сам понимаешь.

Звереныш потянулся и, не вставая с места, захлопнул дверь.

– Пришел продлить сотрудничество.

«Не хочу работать с Кэрраном, не хочу работать с Кэрраном, не хочу работать с Кэрраном», – готова повторять это бесконечно.

– Прости, должно быть, мне послышалось. Значит, Стае нужна моя помощь?

– Да, – в глазах Дерек заплескались искорки. – Он отодрал нас на сухую.

– Как пошло звучит. А кто это «он»?

– Все еще только предстоит узнать, – осторожно ответил Дерек, – но у тебя на столе – его болт.

Я заинтересованно подалась вперед.

– Выкладывай.

– Допустим, утром на одну из наших групп напал человек, который использует подобное оружие. Он украл собственность Стаи, и мы хотим ее вернуть.

– Ясно. А почему я?

В последний раз я убедилась, что проблемы Стая предпочитает решать самостоятельно. Да они вообще не признают наличие у себя каких-либо проблем!

– У тебя есть связи. – Он позволил себе вежливую улыбку. – К тому же, если мы начнем переворачивать город с ног на голову в поисках этого типа, кое-кто заинтересуется. А мы дорожим своей репутацией и не хотим полоскать грязное белье на публике. Орден всегда помогал нам без лишней огласки.

Супер. Можно даже не дергаться. Грег являлся единственным человеком в ордене, заслужившим доверие Стаи. После смерти опекуна я заработала статус друга оборотней, и их доверие распространилось на меня. Рыцари хотели приглядывать за Стаей. А значит, орден непременно воспользуется ходатайством перевертышей как отличным шансом держать руку на пульсе.

– Что забрал стрелок?

Парень заметно колебался...

– Дерек, я не собираюсь искать неизвестно кого, чтобы вернуть неизвестно что. Отвечай.

– Он напал на группу разведчиков и украл наши карты.

Я сложила губы трубочкой, но одумалась: услышь мой русский папочка свист в помещении, восстал бы из гроба и всыпал дочурке по первое число. Карты Стаи славилась качеством и точностью. Они соответствовали времени, четко отражали новые районы и зоны силы, каждая улочка на них была изучена, отмечены мелкие и крупные объекты инфраструктуры.

Я знала по меньшей мере полдюжины человек, готовых отдать левое яйцо за возможность снять с этих чертовых карт копию.

- А парнишка-то не трус, - пробормотала я.

- Выглядит как мужик.

- Есть описание?

- Он шустрый.

- И все?

- Меткий стрелок.

- И кого же он зацепил? - вздохнула я.

- Джима.

Вот дерьмо!

- Джим в порядке?

- В него стреляли четыре раза за две секунды. Поэтому он не слишком-то счастлив. Теперь он местами... немного чувствителен. Однако поправится.

Я сложила кусочки пазла.

- Итак, после убийства пиромана Джима вызвала группа разведчиков. Он отправился к ним, стрелок сел ему на хвост, напал, а потом обезоружил остальных и стащил карты.

Лицо Дерека скривилось, будто он жевал лайм.

Выследить моего бывшего напарника - фокус чертовски сложный.

- Просто любопытно: сколько было разведчиков?

- Четверо.

То есть с Джимом - пятеро.

- И вы позволили нападавшему скрыться?

- Он исчез.

- Кажется, оборотни теряют нюх...

- Ты не поняла, Кейт. Он испарился.

- Как ниндзя, в клубах дыма? - не устояла я.

- Да.

- И я должна поймать неуловимого снайпера, способного растаять в воздухе, и вернуть карты, причем так, чтобы никто не заподозрил, чем я занимаюсь?

- Верно.

Я тяжело вздохнула.

- Пожалуй, подготовлю-ка документы.

Если не знаешь, что делать, вернись к истоку. У меня не было ни имени, ни описания внешности, ни места, откуда начинать поиски загадочного снайпера, поэтому я не придумала ничего лучше, чем отправиться в гараж, где Джереми нас едва не поджарил. Магические колебания продолжались, а попасть в переpleт мне совершенно не хотелось. Поэтому я решила пройтись квартал до конюшен ордена и отправиться верхом.

Вскоре выяснилось, что безумие флуктуаций заметила не только я. Стойла почти опустели, лошадей, что я брала обычно, взял кто-то другой. Я остановила свой выбор на рыжем муле по имени Нинни. Он был невысок: максимум пятнадцать ладоней, но городского движения совершенно не боялся, и я начала понимать, зачем разводят мулов.

Кратчайший путь к гаражу пролегал по восьмьдесят пятой автомагистрали через центр Атланты. В прежние времена вид здесь был захватывающий. Но теперь Мидтаун и Даунтаун превратились в руины. Из-под развалин, как выбеленные кости ископаемых монстров, торчали искореженные остовы некогда величественных небоскребов. Кое-где несломленные одиночки еще сражались за жизнь, но в основном царил разруха. Среди бетонных глыб блестели осколки сотен разбитых окон.

Город то ли не желал, то ли не имел возможности избавиться от мусора и продолжал по-своему разрастаться. Вдоль шоссе на двенадцать полос стояли ларьки и палатки, где продавалась всякая всячина: от фальшивых яиц монстров до ультрасовременных карманных компьютеров и огнестрельного оружия.

Компьютеры работали редко, даже в спокойные периоды, а вот монстры иногда вылаплились.

Лошади, мулы, верблюды, причудливый автотранспорт прокладывали путь по запруженной трассе, сливаясь в нескончаемую разноцветную вереницу, в которой ехала и я. Меня окутывали запахи животных, душили автомобильные выхлопы, оглушали хриплые вопли продавцов, старающихся перекричать самое себя.

- Зелья, зелья, средство от больных суставов...

- ...лучшее! Первые два - даром...

- ...очиститель воды, в год экономит тысячи долларов...

- ...вяленая говядина!

Ага, как же.

Двадцать минут спустя гул шоссе остался позади. По деревянному пандусу мы спустились в клубок улочек, известных как Крольчатник.

С одной стороны он граничил с Лейквуд-парком, с другой - с кладбищем Саутвью и дальше тянулся почти до бульвара Макдоно. Несколько десятилетий назад район включили в проект городской реконструкции и перекроили под размещение нескольких крупных жилищных комплексов и новых офисных зданий в два и три этажа.

За годы, прошедшие после Большого Сдвига, когда на мир обрушилась первая магическая волна, Крольчатник стал изолированным бедным местом, где всю власть взял себе криминал.

По неизвестным причинам аппетит у магии избирателен. Некоторые здания она пережевывала в щебень, прочие оставляла нетронутыми. Прогуливаться здесь - все равно что пробираться по полю боевых действий после бомбежки, одни дома разрушены до основания, другие практически не повреждены.

Гараж, где Джереми расстался с жизнью, был зажат между банком и заброшенной католической церковью. Три этажа в высоту и три в глубину, в пятнах копоти, с отсутствующей крышей, гараж смахивал на спичку с обугленной головкой.

Я спешила и привязала Нинни к металлической балке, выпирающей из стены. Никто в здравом уме не станет красть мула с клеймом ордена на крупе. У рыцарей имелась отвратительная привычка пометать собственность магическим способом. Кому захочется повстречать у порога стражей порядка, исполненных праведного гнева?

В гараже разило известкой – привычная сухая вонь бетона, стертого в пыль жерновами магии. По лестнице я спустилась в полуподвальный этаж. Некоторые перекрытия обвалились, и сюда проникало немного света, разгоняя мрак. В нос ударило зловоние серы. Я отыскала большое черное пятно на стене и пошла прямо на него, пока не наткнулась на безголовое тело Джереми.

Должно быть, сегодня у труповозки на очереди куча мертвецов, иначе покойника давно забрали бы в морг.

Я обошла помещение по периметру и обнаружила пробоину, которую мы видели прошлой ночью. Сунула голову внутрь: темно, узко и пахнет сырой почвой. Стрелок наверняка сбежал именно этим путем. Я вытащила саблю и нырнула в туннель.

Торчать под землей я никогда не любила. А битый час скитаться по катакомбам, когда грязь сыпется на голову, стены давят на плечи, а у выхода, скорее всего, караулит снайпер... Это все равно что вымазать лицо в блевотине гигантской жабы – как-то раз мне довелось с ней столкнуться. Кошмары до сих пор мучают.

Я добралась до поворота, за которым наконец-то забрезжил свет. Помедлила, вслушиваясь. Ни металлического щелчка спущенного предохранителя, ни голосов. Я замерла. Проход впереди обрывался громадной пропастью не меньше мили шириной и приблизительно четверть мили глубиной. Она начиналась в паре ярдов от моих ног и простиралась на добрых две мили, затем поворачивала налево и терялась вдали. На дне ямы грудками валялась металлическая рухлядь, придавая стенам уклон. То здесь, то там из мусора торчали пучки толстых железных штырей. Блестящие и острые как бритва, они изгибались вверх, словно когти громадного медведя, погребенного под кучами хлама. А над этим зародышем Гранд-Каньона в воздушных потоках ущелья реяли две большие, похожие на аистов птицы, будто плывущие на парах невидимой каллиопы.

И куда, спрашивается, меня занесло?

Внизу, на самом дне пропасти, поверх железного мусора лежала металлическая конструкция. С моего места она выглядела так, словно какой-то великан-сладкоежка схватил ангар и сжал его с боков, чтобы посмотреть, нет ли внутри начинки. Лучшего укрытия не найти.

В мою сторону устремилась одна из птиц. С оранжевых крыльев сорвалась яркая искра, полетела вниз и с тяжелым бряцаньем воткнулась в землю. Я перелезла через связку кривых ржавых труб и подобралась к месту падения загадочного предмета. Перо! Идеальной формы, у стержня красное, а по краям – изумрудно-зеленое. Щелкнула по стволу пальцами – раздался звон. Ого! Да оно металлическое, напоминает нож и острое, как скальпель. Перышко стимфалийской птицы...

Я вытащила клинок из ножен и вдела в свободную петлю на поясе, после чего достала перо, стараясь не порезаться, и спрятала его в ножны. С ума сойти, птаха из греческих мифов. По крайней мере, не гарпия. Я начала спускаться по склону. Мифические создания обычно жили рядом с себе подобными. Если вы наткнулись в лесу на русского лешего, в ближайшем пруду, вероятно, отыщется русский же водяной. Ну а поскольку здесь летают греческие птицы, наверняка попадется еще какая-нибудь греческая тварь. Мне не стоит рассчитывать на удачу: божества, что ищет себе любовь до гроба (или хотя бы на пару часов), мне тут не повстречать. А вот какого-нибудь Цербера или горгону Медузу – запросто. Я подозрительно покосилась на ангар. Насколько мне известно, в Греции – куча народа, отрачивающего на голове змей вместо волос.

На полпути вниз вселенная угостила меня очередной волной магии. Поднявшийся ветер отдавал едким смрадом. Вдали раздавался гул, словно где-то оглушающе мерно били кувалдой в барабан.

«Ву-у-ум-м-м, вум-м-м, вум-м-м...»

Через пять минут, вся в поту и пятнах ржавчины, я добралась до ангара. Посмотрела на металлическую дверь, из-за которой доносились негромкие голоса. Слов не разобрать, но внутри точно кто-то был.

Я прижалась ухом к стене.

– А как же моя мама? – голосок тонкий, высокий.

Юная девочка, возможно, подросток.

– Я сматываюсь, – голос чуть глубже, мужской. Вроде бы я уже его слышала раньше...

– Но ты обещал!

– Магия прет, ясно? Надо валить.

Оба собеседника молодые, парень и девушка, судя по речи – беспризорники.

Единственная дверь криво висела на петлях и при попытке ее открыть заскрежетала. Ударом ноги я распахнула створку и вошла.

Внутри – пусто, только в углу громоздилась огромная куча разбитых деревянных ящиков. Свет попадал внутрь сквозь дырявую крышу. Пол представлял собой жалкое зрелище – помятый каркас покоился на утопанной грязи. В самом центре ангара еле различимые белые камушки образовывали идеальный круг. Они слабо мерцали, как будто старались сделаться невидимыми, слиться с фоном.

Маскирующие охранные чары. И неплохие!

– Есть кто дома?

Из-за ящиков вылез мальчишка, держа за хвост дохлую крысу. Мелкий заморыш, к тому же чумазый. Лохмотья одежды, порванной, залатанной и опять порванной, висели на парнишке мешком. Каштановые волосы торчали в разные стороны, как иголки ошестинившегося ежика.

Парень поднял правую руку, вертя в пальцах запутанный пеньковый жгут, с которого свисали дюжина костей, перьев и бус. Костлявые плечи, тонкие руки, но в глазах горел вызов. Секунда – и я его вспомнила.

– Рэд, – протянула я. – Какая необычная встреча.

Во взгляде местного обитателя мелькнуло узнавание. Он опустил руку.

– Не бойсь, свои.

Из-за груды ящиков высунулась перепачканная голова, а потом на свет показалась худенькая девочка. Десять, может, одиннадцать лет, вид несчастный, но дело не в миниатюрности и общей заморенности. Узенькое личико обрамляло косматое облако немытых волос, отчего темные круги под глазами казались еще глубже. Уже нахваталась взрослого недоверия, но до конца оно ее пока не одолело. Жизнь потрепала малышку, и теперь она сперва кусала протянутую руку, а затем проверяла, нет ли там еды.

Девочка сжимала нож. Ее глаза говорили: она не прочь пустить его в ход.

– Ты еще кто?

– Наемница, – отозвался Рэд.

Он полез под рубашку и вытащил пачку бумажек, связанных бечевкой. Покопался там чумазыми пальцами и вручил мне прямоугольник: визитку, сплошь заляпанную коричневыми отпечатками. Визитка принадлежала мне, а кровь – Дереку, моему волчку-вундеркинду.

Мы с Дерекем пытались добраться домой после нешуточной драки. Парень серьезно пострадал, и вирус Лус-V, которому оборотни обязаны своим существованием, заживляя раны, отправил Дереку в отключку. Когда мы повстречали Рэда, я как раз безуспешно

пыталась затащить своего истекающего кровью приятеля на лошадь. Сам он давно лишился чувств. Нам помогли Рэд и его маленькая банда детей-шаманов.

В ответ я подарила Рэду визитку и обещала любую помощь.

– Ты обещала помочь. Ты мне должна!

Момент неподходящий, но разве нам дано выбирать, когда возвращать долги?

– Верно.

– Защити Джули, – он повернулся к девочке. – Топай с ней, лады?

Рэд бросился в сторону и исчез за дверью. Я выглянула наружу и увидела, как он карабкается по склону, словно волки кусают его за пятки.

– Ублюдок! – завопила девочка. – Ненавижу!

– И куда он так торопится?

– Не знаю. – Со страдальческим видом она уселась на ящики, скрестив ноги.

Ладненко.

– А ты Джули?

– Очень умно. Сама догадалась?

Я вздохнула. По крайней мере, из вежливости она не говорила со мной на уличном жаргоне.

– Рэд с чего-то взял, что ты можешь помочь. Думаешь, теперь я буду тебя слушаться? Как ты собираешься меня защищать? У тебя даже пистолета нет!

– Он мне и не нужен. – В груди ящиков блеснуло что-то металлическое, и я подошла поближе. – Догадываешься, от чего тебя нужно защищать?

– Нет!

Я заглянула в пространство между ящиками. В доске намертво застрял обломок стрелы – кроваво-красного болта. Оперение отсутствовало, однако спорю на что угодно: прежде оно состояло из трех черных перьев. Здесь побывал мой стрелок и оставил визитку.

– Что ты делаешь?

– Ищу.

– Что?

Я направилась к кругу из камней, присела на корточки и потрогала ближайший. Пальцы прошли насквозь. Кто бы ни наложил чары, он постарался, чтобы тайник не потревожили. Но в охранных заклинаниях имелся подвох: иногда они не только прятали нечто – они еще и подавляли. А чары такой мощи наверняка подавляли какую-нибудь мерзость.

– Где мы?

– Ты совсем тупая?

Я пару секунд сверлила ее взглядом.

– Я пришла по туннелю из Крольчатника. Понятия не имею, в каком мы районе.

– Мы в расщелине под Улем. Раньше здесь был Саутсайд-парк. Теперь место притягивает к себе металл. Собирает железо отовсюду – из Блэр-Виллидж, Планкеттауна... Как трясина засасывает отовсюду: из «Гилберт хайтс», со всех предприятий, с завода «Форд мотор», автохлам со свалок «Джошуа джанкъярдс»... Улей прямо над нами. Чувешь вонь?

Улей... Та еще помойка.

– Что ты здесь делаешь?

– Я не обязана объяснять, – задрала нос Джули.

– Воля твоя.

Я вытащила из ножен «Погибель».

– Ого! – Джули забралась на самый верх кучи и ради лучшего обзора плюхнулась на живот.

Я положила ладонь на лезвие. Кожу пронзила магия, впиваясь в плоть мелкими острыми иглами. Вложив в металл немного силы, я направила кончик сабли к камню. В паре дюймов от цели острие «Погибели» во что-то уперлось. Над поверхностью клинка закудрявились тонкие усики бледного пара. Волшебная сталь запотела. Я поделилась с ней еще каплей магии. Лезвие продвинулось вперед на полдюйма и застряло.

– Я ищу маму, – сказала Джули. – В пятницу она не вернулась домой. Она – ведьма в ковене.

Какие-нибудь дилетанты, наверное. Дочери профессиональных ведьм не такие тщедушные, да и одеты получше. Нет, ковен, должно быть, любительский. Кучка дамочек из бедного квартала, грезящих о власти и богатстве.

– Как называется ковен?

– «Вороньи сестры».

Точно, развели самодеятельность. Ни одна истинная ведьма не назовет ковен так обобщенно. Мифология кишит воронами. В колдовстве совершенно необходимо расставлять галочки над «й» и палочки над «т». Чем больше конкретики, тем лучше.

– Они встречались здесь, – продолжила Джули.

– Прямо здесь? – Я вложила в клинок еще немного силы. Он не шелохнулся.

– Ага.

– Ты не поинтересовалась у остальных ведьм, куда могла отправиться твоя мама?

– Свежая мысль! Я бы с удовольствием, да только ни одна из них не вернулась.

Я помедлила с ответом:

– Ни одна?

– Ага.

Плохо дело. Не мог целый ковен просто взять и растаять в воздухе.

– Я хочу взломать эти охранные чары. Если оттуда вырвется что-нибудь мерзкое, беги. Не говори с ним, даже не смотри на него. Удирай. Понятно?

– А то.

Голос Джули подразумевал: надо быть идиоткой, чтобы слушаться чокнутую, у которой нет даже пистолета.

Я уперлась ногами в землю и надавила жестче, перенося на рукоять весь свой вес. Клинок задрожал от напряжения. Это было все равно что пытаться впечатать бейсбольный мяч в плотную резиновую стену, но передай я «Погибели» еще хоть немного силы – сама бы оказалась истощена и незащищена перед магической атакой.

На лбу выступил пот. Ладно, держись.

И я шарахнула в лезвие всю свою энергию. С мелодичным шипением «Погибель» вспорола невидимый барьер. Громко лязгнув, сталь ударилась о белый камень, и тот на дюйм соскользнул с места.

По кругу пробежала дрожь, каменный круг замерцал и приобрел более реальные очертания. Я поднялась на ноги.

В воздухе над распавшимся кругом вспыхнул яркий переливчатый свет, подобный северному сиянию. Он безумствовал – плененные силы сорвались с цепей. Зарево сверкнуло и белоснежным потоком устремилось к земле. Заклинание разрушено. Отголоски магии пульсировали, захватывая меня в головокружительный водоворот. Застучали зубы, задрожали колени, я вцепилась в рукоять «Погибели», стараясь не упустить ее из дрожащей руки. Вскрикнула Джули.

Столько силы...

С клинка закапали тягучие капли, испаряясь на полпути. В воздухе ангара словно повеяло смрадом. То была магия нежити. Обычного человека давно бы стошнило. Я повернулась к кругу – посреди зияла темная дыра. Припав к краю образовавшегося колодца, я заглянула внутрь и скривилась: волглая почва источала затхлую вонь разлагающейся плоти. Как глубоко... и дна не видно.

Стенки колодца были гладкими и ровными, украшенными пунктирным узором аккуратно срезанных корней. Все тот же запах влажной земли и трупной гнили. Я взяла один из камешков: гладкая поверхность, сам круглый и тусклый, словно речной голыш. Ни знаков, ни символов, ни отголосков чар.

Просто белые камни, не скрывающие бездонную шахту. Похоже, ведьмы впустили в наш мир какое-то зло, а оно тотчас на них набросилось.

Джули резко вдохнула. Вокруг дыры появилась окантовка из темных пятен. На ближайшее из них с негромким жужжанием опустилась муха, за ней еще одна. Кровь. Сложно сказать, много ли ее было – основную часть впитала почва. Более подробно изучая следы, я заметила на грунте три ямки: квадратные отверстия. Мысленно их соединила – получился равносторонний треугольник с дырой в центре. Три ведьмы встали по углам, чтобы вызвать кого-то? Если так, куда они сами делись?

Куча ящиков содрогнулась, словно намеревалась рухнуть прямо вместе с Джули. И вдруг со слабой магической дрожью прямо там же материализовался скелет, пригвожденный к деревяшкам четырьмя арбалетными болтами.

– Жуть какая, – пробормотала Джули.

И правда. Во-первых, у него было слишком много ребер, но к грудной кости крепилось только пять пар. Остов пожелтел, на нем не осталось ни единого клочка плоти. Можно подумать, он пролежал пару лет на открытом воздухе. Наклонилась поближе изучить руки: суставные впадины мелковаты. Я не специалист, но похоже, этот тип мог сгибать руки в обратную сторону. Зато бедро ему я бы перебила одним пинком.

– Твоя мама о чем-нибудь таком рассказывала?

– Нет.

Болты, прошившие мертвеца, были красными с черным оперением. Один торчал из глазницы, два застряли в ребрах с левой стороны, где у людей располагается сердце, а последний – между ног. Снайперская работа – чтобы странный гуманоид не смылся, для верности стреляй ему в яйца.

Я взяла из груды ящик и вскарабкалась на него, чтобы получше изучить скелет. Шейные позвонки спаяны слабее обычного, что обеспечивает не только большую подвижность, но и хрупкость. Резцы и клыки отсутствуют, вместо них в челюсти три ряда острых зубов: длинных и конусообразных – ими удобно впиваться в сопротивляющуюся добычу.

С громким треском ящик подо мной сломался. Я повалилась вниз как мешок с картошкой и в попытках удержаться ухватилась за скелет. Кость рассыпалась, но пальцы зацепились за болт. С ним в руке, вся перепачканная прахом, я приземлилась на пятую точку прямо в кучу щепок.

На груди слева между третьим и четвертым ребрами возникла дыра, она ширилась, росла, а потом остов рассыпался пылью: контур скелета, будто дразня, на мгновение завис в воздухе, после чего истаял под порывом ветра. Прощай, улики!

– Дерьмо...

Спокойно, Кейт, спокойно.

– Так и было задумано? – сказала Джули.

– Нет! – рявкнула я.

Позади послышались восторженные аплодисменты. Я мигом вскочила на ноги. К стене ангара прислонился мужчина в кожаной куртке, смахивающей на броню. Из-за левого плеча выглядывал арбалет.

Привет, мистер лучник!

– Отличная реакция, – заявил он, продолжая рукоплескать. – И эффектное приземление.

– Джули, – как можно спокойнее велела я, – оставайся на месте.

– Не волнуйтесь, – сообщил лучник. – Я бы не стал обижать малышку – разумеется, без особой необходимости. Разве что вдруг страшно проголодался бы, а есть совсем нечего. Правда, она такая тощая, весь день пришлось бы кости из зубов выковыривать. Едва ли стоит возни...

Уж не знаю, шутил ли он.

– Что тебе нужно?

– Хотел посмотреть, кто тревожит мои болты. И что я вижу? Мышонка... – он подмигнул Джули, – и женщину.

Слово «женщина» чужак произнес так же, как я говорю «м-м-м, какая вкуснятина», когда просыпаюсь от голода и нахожу в пустом холодильнике плитку шоколада «Херши».

Я выхватила клинок и отступила назад, чтобы дыра в земле оказалась справа. Если он меня туда сбросит, наружу придется выбираться очень долго.

Стрелок приблизился. Высокий, минимум шесть футов и три-четыре дюйма, широкие плечи, длинные ноги в черных брюках. Темные волосы слишком растрепанные и неровные (может, он сам обрезал их ножом), падали на плечи. На лбу подхвачены кожаным шнурком, чтобы не мешались. Я перевела взгляд на его лицо. Красивый, убудок. Четкая линия подбородка, рельефные скулы, полные губы. Глаза полыхают мрачным огнем. Если женщине приснится такой незнакомец, наутро на своего мужа ей и смотреть не захочется.

– Нравлюсь, голубка? – беспощадно ухмыльнулся лучник.

– Не-а.

Я не трахалась около двух лет. Извини, парень, мне надо справиться с гормонами. Ему бы побриться, причесаться, приглушить сумасшедшинку во взоре, и от толпы поклонниц пришлось бы отбиваться арбалетом. Он выглядел так, словно бродил по самым темным закоулкам, и живущие там монстры разбежались, учуяв его запах. Любая женщина, если у нее есть хоть капля здравого смысла, увидев этого типа, вытащит нож и перейдет на другую сторону улицы.

– Не волнуйся, я не причиню тебе боли, – пообещал он, обходя меня по кругу.

– Я и не волнуюсь, – и тоже двинулась вперед.

– А стоило бы...

– Так стоило бы или нет? Ты уж определись.

По куртке незнакомца стекали капли воды, но, судя по свету, пробивавшемуся сквозь дырявую крышу, небо было ясным. Ни намека на осадки. Предположим, данные Дерека верны, и стрелок умел телепортироваться. Как тогда ему помешать?

Чужак развел руки в стороны. Мне не нравилось, как он двигался – поступь очень уж быстрая.

– Какая симпатичная штучка у тебя в волосах...

– Это? – Стрелок указал на кончик шнурка.

– Ага. Рэмбо звонил, просил вернуть повязку.

- Что за Рэмбо, твой друг?

- Какой еще Рэмбо? – влезла Джули.

Если парень не понял отсылку, какая в принципе разница?

Мне никогда не удавалось досмотреть фильм до конца – всегда вмешивалась магия, – зато я прочитала книгу.

Может, когда закончится Вспышка и на несколько недель воцарится мир и спокойствие, я откопаю диск и прокручу проклятый боевик с начала до самых титров.

Лучник двинулся вперед, и я наставила на него острие сабли.

- Не приближайся.

Он не послушался.

- Прости, нога подвернулась, – и сделал очередной шаг. – Ух ты, ботинки скользкие, сволочи, не удержался.

- Еще шаг, и он станет последним.

Стрелок качнулся вперед, и я чуть на него не набросилась.

- Ай-яй-яй... – изображая разочарование, покачал он головой. – Я ведь не всерьез.

Джули фыркнула.

Лучник примирительно поднял руку.

- Расслабься, голубка. Видишь, Мышка не дергается. Веришь мне, правда, Мышка?

- Ну уж нет!

- Как обидно! Никто меня не любит...

Разумеется, это просто передышка, дальше он нападет. Глаза его выдали. Так и случилось: чужак ринулся вперед, промахнулся, и «Погибель» ткнулась ему в спину.

- Шевельнешься – вырежу тебе половину печени.

Незнакомец крутанулся, и лезвие отскочило от металла. Под курткой оказалась кольчуга. Вот как, значит? Железная хватка сжала мою руку с саблей, не давая двинуться. Чужак повернулся и практически вонзил свои жесткие пальцы мне под дых. Я уклонилась, уменьшая силу удара, но боль все равно была чудовищной. Схватила его за предплечье и дернула на себя. На какое-то мгновение весь его вес переместился на одну ногу, и я как следует по ней пнула. Стрелок рухнул на землю и утянул меня за собой, не выпустив мою руку с клинком. Я грохнулась рядом и уронила «Погибель», зато сумела выскользнуть и откатиться.

Однако вскоре мы оба уже стояли на ногах.

- Славная сабелька, – заявил незнакомец, ловя лезвием «Погибели» солнечный луч. Тот упал на матовый клинок, отразился от него и утонул в черной кольчуге (теперь ее было хорошо видно под курткой). – Почему без охраны?

- Не нуждаюсь.

- А толк-то от твоего ножичка есть?

Я тронула ногой полоску кожи, которую срезала с его верхней одежды.

- Ты мне скажи.

Чужак отвлекся на проверку кольчуги, а я пнула его, целясь в горло. С рычанием он перехватил мою ногу, опрокинул меня навзничь и водрузил на шею свое колено. Расставил ловушку, а я и попалась. Свет померк – я едва могла дышать.

- Пинаешься как мул, - поморщился стрелок и надавил сильнее.

Воздуха не хватало. Мою правую руку он прижимал к земле, но левая была свободна. Я согнула ее, и из-под кожаных наручей мне в ладонь скользнула холодная серебряная игла.

- Я в этой каше варюсь куда дольше... - я вонзила иглу прямо ему в бедро.

Мускулы незнакомца сжались, он крикнул от боли и скатился с меня, а я тотчас вскочила и наподдала ему ногой в лицо. Удар вышел отличный. Стрелок опрокинулся на спину, из носа брызнула кровь. Я упала рядом и стиснула его руку своими ногами.

Захват. Классический болевой прием.

Незнакомец застонал. При этом мои собственные руки остались свободны, поэтому я расстегнула ему куртку и принялась обыскивать.

- Не та застежка, - пропыхтел он, - ниже посмотри.

- И не мечтай. - Я залезла во внутренний карман и вытащила пластиковый пакет. Карты! - Воровство - это преступление. Спасибо, что вернул собственность Стаи. Сотрудничество тебе зачтется.

Он посмотрел мне прямо в глаза, усмехнулся... и исчез. Я стала подниматься, и в грязь между моими ногами вонзился красный болт. Выпрямилась я очень медленно.

Лучник стоял в нескольких футах с заряженным арбалетом. Болт с заточенной вручную головкой был нацелен мне прямо в глаз. С такого расстояния я бы не смогла увернуться даже в лучшие дни.

- Руки держи на виду, - велел незнакомец.

Я продемонстрировала ему руки, надежно сжимая карты в правой.

- Обманщик! - раздался сверху возмущенный голос Джули. - Отстань от нее!

Нос у лучника уже стал как новенький. И, конечно, никакой крови. Чудесно. Парень не только умеет телепортироваться, но и шустро регенерирует. Если он еще и пламя примется изрыгать, волноваться станет вообще не о чем.

Не снимая меня с прицела, лучник, вздрогнув, вытащил из бедра иглу.

- Больно!

- Так тебе и надо! - крикнула Джули.

- А ты, выходит, на ее стороне?

Джули скривилась в презрительной, истинно подростковой манере и показала ему язык.

- Не заставляй меня к тебе подниматься.

В голосе незнакомца зазвенела сталь, и Джули нырнула за ящики.

- Оставь ребенка в покое!

- Ревнуешь? Хочешь, чтобы я был только твой? - Он немного сдвинул арбалет вправо. - Повернись.

Я подчинилась, ожидая, что в любой момент между лопаток воткнется болт.

- Очень мило. Давай обратно.

Я послушалась.

- Никак не решу, какой же вид симпатичнее: спереди или сзади? - задумчиво произнес лучник.

- Может, лучше рассмотришь поближе мой клинок?

- Это моя реплика, голубка.

Его ухмылка не оставляла ни малейших сомнений в том, какой клинок имелся в виду.

- Отвернись. Вот умничка.

Я услышала его шаги.

Давай, ближе... Я ведь так беспомощна, руки подняты вверх, обезоружена...

- И без фокусов... - Его горячее дыхание обдало мое ухо. - Или в следующий раз припилю твою девчужку к ящикам.

Я стиснула зубы и не шелохнулась.

- Ты разрушила мои чары. Я вне себя - эту мерзость прищучить нелегко. Придется начинать все заново. Свернуть бы тебе шею... - Он погладил меня по затылку, и по позвоночнику пробежала дрожь. - Но я славный малый. Лучше дам хороший совет: забирай ребенка и вали домой. Можешь отдать зверушкам карты, раз ты за них сражалась. Впредь держись от меня подальше. Это не твоя битва, она выше твоего понимания.

- Какая битва? С кем? Кто ты?

- Я - Бран. Герой.

- Говорят, скромность украшает.

- Как и терпение. Будь ты терпелива и удачлива, согрела бы мне прошлой ночью в городе постель.

И он стиснул рукой мою ягодицу.

Я развернулась, намереваясь врезать ему по носу, но ангар уже опустел. После незнакомца осталась лишь тонкая завеса тумана. Она немного повисела в воздухе и рассеялась от ветра.

Меня охватило сильнейшее желание что-нибудь пнуть.

Джули тарачилась сверху.

- П-ф-ф - и он ушел.

- Именно.

- Ты ему понравилась. Он на тебя запал.

- В следующий раз вырву ему руки. Посмотрим, сумеет ли отрастить их обратно.

Я посмотрела туда, где раньше висел скелет. Болтов на месте не оказалось. Как лучник умудрился их стащить?

Значит, бесценные улики пропали. Я даже не могла сосканировать место происшествия, чтобы понять, какая использовалась магия. В общем, все прошло так себе. Вокруг творилась какая-то чертовщина, а я общалась с парнем, у которого были ответы на вопросы, да так ничего и не выяснила. Кроме того, что зад у меня отличный. Здоровая самооценка - классная штука. Иначе я уже колотилась бы головой о ближайшую твердую поверхность.

- Ты уходишь? - спросила Джули из-за ящиков.

Нет, черт побери! Пропавшие женщины, бездонная яма, окропленная кровью, скелет негуманоида - дело, безусловно, дрянь. А мистер Хват явно желает, чтобы я держалась подальше. Интересно, почему.

- Хочешь найти маму?

- Еще бы.

- Не откажешься от моей помощи?

- Конечно.

- Тебе известно, кто в ковене верховная ведьма?

- Эсмеральда.

Час от часу не легче.

- Где она живет?

- В Улье.

Замечательно.

- Слезай. Давай ее навестим.

Мы взбирались на Эверест из металлолома. Я впереди, Джули позади. У нее сбивалось дыхание – еще бы, так недоедать. Она была чуть сильнее комарика. Впрочем, комар побольше мог и свалить ее с ног. Но малышка не жаловалась.

Где-то на середине горы она наконец сдалась.

– Далеко еще?

– Карабкайся давай.

– Просто хочу знать, сколько осталось.

– Не заставляй разворачивать тачку на полпути, мисси!

– Что это вообще значит? – она побормотала еще, но продолжила восхождение.

Приближалась граница расщелины, ритмичный гул – «ву-у-ум-м-м, вум-м-м, вум-м-м...» – становился громче и громче. Наверное, сигнальный маяк. Я взобралась на узкий выступ и потянулась к Джули:

– Дай руку!

Она подала тоненькую, как спичка, ручонку. Я ухватила ее за запястье, перенесла через покореженный остов холодильника и поставила на уступ рядом с собой.

– Передохнем чуть-чуть.

– Я могу идти!

– Не сомневаюсь. Но Улей – дрянное место. Вдобавок они наверняка знают о нашем приближении и готовят теплый прием.

– Ого! Устроят нам вечеринку! – Джули плюхнулась прямо в грязь.

Хм-м-м... Я уселась рядом.

– Ты, случайно, не здешняя?

– Нет, – покачала она головой. – Я – с Уайт-стрит.

Улица эта особенная. Снег, выпавший там в две тысячи четырнадцатом, отказывался таять три с половиной года. Если, несмотря на жару в тридцать семь градусов, на улице лежат трехдюймовые сугробы – в деле замешана серьезная магия.

Все, кто мог позволить себе переезд, смотрели удочки.

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать. А Рэд на два года старше.

Я бы больше одиннадцати и не дала.

– А матери твоей сколько? Как она выглядит?

– Тридцать пять. Выглядит она прямо как я, только взрослая. Дома есть фото.

– Расскажи о ковене. Кому они поклоняются? Какие практикуют ритуалы?

Джули пожала плечами. Ущелье перед нами, ошетилившееся штырями и ржавым железом, уходило вдаль. По крутому склону вились тонкие щупальца тумана. Откуда-то – слишком далеко, чтобы представлять угрозу, – донесся утробный пугающий рык. Хрипло закричали в ответ стимфалийские птицы.

– Ты знаешь, что эти твари – железные? – спросила Джули.

– Они родом из Греции, – кивнула я. – Слышала историю про Геракла?

– Да. Он был самым сильным человеком.

– В юности ему пришлось пройти двенадцать испытаний...

– Зачем?

– Жена его отца наслала на него безумие. Он убил свою семью и во искупление отправился на службу к царю. А тот жаждал прикончить Геракла, поэтому придумывал ему все более сложные задания. Одним из заданий было прогнать стимфалийских птиц от города. Их перья разили как стрелы, а клювы пробивали прочнейшую броню.

– И как же он это сделал? – изумилась Джули.

– Боги дали ему нечто вроде трещоток. Геракл обернулся в шкуру неуязвимого льва и шумел, пока птицы не улетели.

– Почему в легендах боги всегда вытаскивают героев из неприятностей?

Я встала.

– Они помогают, только если отец у тебя – верховное божество. Идем. Пора двигаться дальше, ведь твой папаша не был богом, верно?

– Он умер.

– Прости. Мой тоже. Подъем, кузнечик, прокачаем твоё кунг-фу.

Она отважно перебралась через помятую бочку.

– Ты такая странная!

Ты даже не представляешь, малышка.

Я учуяла Улей в двадцати футах от его границы. Прямо над нами хаотически струилось волшебство, так яростно кипя и неистовствуя, что едва не обжигало. Почувствовав меня, силовое поле перелилось через край и вытянуло щупальца. Сеть из невидимых, но вполне ощутимых лассо метнулась ко мне, но тотчас отдернулась. Все верно: никаких прикосновений.

Магия выжидала, будто что-то понимала. Выше, где все кипело, я создала бы дьявольский резонанс, а такое добром не заканчивается. Улей не мог до меня дотронуться, но я ему не нравилась, и он не успокаивался. Чем скорее я отсюда уберусь, тем лучше.

Взобравшись на помятый и сплюснутый, как алюминиевая банка, водонагреватель, я перелезла через край. Впереди виднелись слипшиеся вспученные трейлеры, деформированные, покрытые странными металлическими шишками. Некоторые объединились в соты. Другие достигали трех трейлеров в высоту, пара прилепилась к совершенно такой же: прямо-таки две клетки в стадии деления. Несколько вагончиков стояли друг на друге – конструкция сомнительная, но, похоже, устойчивая. Между прицепами тянулись длинные бельевые веревки, свежестыранная одежда развевалась на ветру.

Я затащила Джули наверх. Магия рванулась ей навстречу, и малышка вздрогнула. Течения задевали ее и... затихали. Словно она вдруг исчезла. Интересное дитя.

– Ты приходила сюда раньше?

– Так далеко не забредала, – сказала она, качая головой.

– Иди по моим следам, держись подальше от стены. Особенно если заметишь, что она становится расплывчатой.

Мы вошли в лабиринт из вагончиков. Когда-то Улей был коммуной для пенсионеров – трейлерным парком. Назывался он «В добрый путь» или что-то вроде того. Располагался

возле гольф-клуба «Браун миллс» напротив Джонсборо-роуд. Вначале поселок переносил магические волны довольно неплохо. Когда дешевые новостройки, что стояли с восточной стороны парка, обрушились, его медленно, но неуклонно заполонил ручеек бездомных. На ухоженных газонах разбили палатки, принялись нырять в общественный бассейн и жарить еду на открытом гриле. Полицейские гоняли скваттеров, но поток беженцев не иссякал.

Как-то ночью магия ударила слишком сильно. Дома деформировались. Некоторые вспучились, как стеклянные пузыри, другие покорежились, прочие срослись, слились в соты. Многие разделились и отрастили себе новые вагончики. Когда пыль наконец улеглась, пятая часть обитателей исчезла в стене, ограждающей поселок. Они очутились *на Изнанке*. Никто так и не сумел выяснить, что она собой представляет и где находится. Ясно одно: не в нормальном мире.

Пенсионеры спаслись бегством, но беженцам деваться было некуда. Они заселились в трейлеры. Время от времени кто-нибудь пропадал, ведь каждый новый прилив магии еще больше менял Улей. Жилось здесь довольно забавно, если вы любите такого рода штучки.

– Как мы найдем вагончик Эсмеральды? – пропыхтела позади меня Джули. – Мне сказали, что ее дом тут, а где именно – не знаю.

– Слышишь уханье? Улей постоянно перестраивается, значит, жители непременно установили какой-то маяк. Он, наверное, где-то около входа, а его кто-нибудь да охраняет. Мы пойдем туда и вежливо поинтересуемся, где поселилась Эсмеральда.

– С чего ты взяла, что они нам расскажут?

– Я им заплачу.

– А-а-а...

А если не ответят, предъявлю удостоверение ордена и саблю. В таком случае игнорировать меня будет весьма затруднительно.

Идея прогуляться по Улью с малышкой – не особо удачная, однако, учитывая обстоятельства, со мной Джули будет в относительной безопасности.

Для начала надо бы узнать, как она вообще попала вниз...

– Как вы оказались в ущелье?

– Шли пешком от Крольчатника. Там есть тропинка. – Огонек в ее глазах погас. – Но я ее, наверное, не отыщу. Если хочешь послать меня назад, я буду просто скитаться по округе без еды и питья...

За что мне все это?!

Наконец мы добрались до поворота и вышли к распахнутым воротам из сетки-рабицы. Прямо перед ними на перевернутой железной бочке сидел мужчина в изношенных джинсах и кожаной жилетке на голое тело. В углу рта повисла незажженная сигарета. Слева от незнакомца стоял старый военный грузовик: кузов почти упирался в ворота. Несмотря на вмятины и ржавые пятна, покрышки и тент были в приличном состоянии. Под тентом, вероятно, скрывалась крупногабаритная техника – пулемет Гатлинга или осадное орудие.

С правой стороны располагался огромный прямоугольный резервуар. Стеклянные стены заволокли пятна изумрудно-зеленых водорослей, и мутная вода была едва различима. От резервуара под искореженный трейлер тянулась железная труба.

Парень на бочке наставил на меня арбалет, похожий на допотопный фламандский лук-самострел. Зубцы блеснули голубовато-серым, характерным для стали оттенком, а вовсе не тем алюминиевым цветом, какой бывает у дешевых изделий. Сила натяжения у лука, похоже, фунтов эдак двести. Привратник мог свалить меня с семидесяти пяти ярдов и ясно обозначил намерения.

«Ву-у-м-м-м, вум-м-м».

Самострел – оружие серьезное, правда, перезаряжается долго.

Незнакомец сверлил меня глазами.

– Чего-то хотели? – Сигарета, прилипшая к его нижней губе, шевелилась в такт словам.

– Я – агент ордена. Расследую исчезновение ведьм из ковена «Вороньи сестры». Говорят, его глава живет в Улье.

– А это кто? – он кивнул на Джули, стоящую позади меня.

– Дочь ведьмы из ковена Эсмеральды. Ее мать пропала. Ничего не слышали?

– Нет. Удостоверение при себе?

Из-за пазухи я вытащила шнурок с кожаным футляром: там я обычно хранила документы. Незнакомец жестом велел приблизиться. Я послушалась и передала ему удостоверение. В нижнем правом углу карточки блеснул, поймав нечаянный луч солнца, небольшой серебристый прямоугольник.

– Настоящее серебро? – поинтересовался привратник.

Сигарета описала сложный узор в воздухе.

– Да.

На серебро чары ложились легче, чем на большинство металлов.

Окинув меня взглядом, незнакомец потер поблескивающий значок.

– Сколько он стоит?

Началось...

– Вопрос неверный.

– Неужели?

– Лучше поинтересуйся, стоит ли твоя жизнь кусочка заколдованного серебра.

Он еще раз небрежно глянул на карточку.

– Трепло.

Я не выдержала и хлопнула его по лицу, быстро вытащив сигарету у него изо рта.

Он дернулся, отшатнулся и тут же получил ее обратно.

– Никотин убивает.

Он снова сунул сигарету в рот и вернул удостоверение.

– Я – Кастер.

– Кейт Дэниелс.

Тент грузовика приоткрылся, и в кузове показалась худощавая латиноамериканка. Она стояла у черной баллисты. Оружие по строению напоминало гигантский арбалет, точный и удивительно мощный. С близкого расстояния таким можно пробить дверь автомобиля. Женщина смерила меня тяжелым взглядом. Такие глаза бывают у тех, из кого жизнь выбила всю кротость. Я его выдержала. В гляделки играют вдвоем.

– За информацию заплачу.

– Гони сотню.

Я передала Кастеру два полтинника. Прощай, плата за телефон.

– Двадцать третий трейлер. Желтый. Иди налево, на развилке – направо.

– Если мне придется что-нибудь забрать, я выпишу квитанцию.

– Это ваши с Эсмеральдой дела, нам дерьма орденского не нужно.

Я достала еще двадцатку.

– Что-нибудь знаешь про Эсмеральду? – спросила я у латиноамериканки.

Та кивнула.

– Она жаждала власти. Обожала пугать людей. Поговаривали, пыталась войти в один из древних ковен, но чересчур заигралась и попыталась его возглавить, поэтому ее вышвырнули. Она грозилась «показать им всем». Последнее, что я слышала, – Эсмеральда основала свой собственный ковен. Не знаю, как ей это удалось – ее недолюбливали. – Женщина взяла двадцатку и опустила тент.

Кастер бросил мне моток телефонного провода.

– Воспользуйся им. Здесь все слишком быстро меняется. К нам приезжали умники из университета Джорджии, собирались изучать «феномен». Они сгинули. – Его глаза зажглись насмешливым огнем. – Порой мы слышим, как они верещат в стенах. Ищут, как выбраться с *Изнанки*.

– Вы хотя бы пытались их отыскать?

– Вопрос неправильный. – Кастер довольно осклабился. Сигарета выполнила пируэт. – Лучше спроси, на что похожи их крики.

Я швырнула моток обратно.

– Нет, спасибо. Я даже в гробу буду слышать этот гул. Откуда вообще шум?

Кастер потянулся к баку и постучал. В непроглядной воде метнулась тень. Что-то глухо шмякнулось о дальнюю стену, и к стеклу припечаталась огромная башка, широченная, как обеденное блюдо. Слизкая, в черных пятнах, будто жабыя спина, тварь терлась тупым рылом о водоросли. Глазенки невидяще смотрели мимо меня. Вдруг голова разодралась пополам – оказывается, чудище просто-напросто раззявило свою громадную белую пасть. Складки по бокам морды задрожали, и по окрестностям прокатился низкий гул: «Вум-м-м...»

Тварь напоследок шаркнула носом по стеклу и ловко уплыла в сторону. Мелькнула когтистая лапа, кусок мускулистого хвоста, и в мутной воде уже ничего не было видно.

Японская саламандра. Большущая, ростом почти с Джули.

– Вopilка, – объяснил Кастер и пренебрежительно махнул мне рукой.

Извилистая тропа вела все дальше в лабиринт изуродованных трейлеров. Из окон вагончиков за нами явно наблюдали. Поздороваться никто не вышел. Никому не было дела до того, что меня сюда привело. Остановишься уточнить дорогу – ответа вряд ли дождешься. Если бы кто-то за уродливыми, похожими на кривые зеркала стеклами решил меня подстрелить, я бы ничего не смогла поделать.

Джули, охваченная схожим ощущением, вела себя тихо и шла след в след за мной, настороженно поглядывая на трейлеры.

Тропа упиралась в высокую башню из обломков железа и прочего хлама и разделялась надвое, обтекая ее. Сама башня – настоящий мусорный монстр – возвышалась почти на сорок футов. Широкое квадратное основание резко сужалось и уходило вверх, оканчиваясь конусом примерно пять футов в диаметре. Я остановилась, чтобы приглядеться. Пара пушистых зверьков размером с кошку, но с длинными «шиншилловыми» хвостами и рыльцами, как у землероек, прыснули в сторону и скрылись в норе.

Я отправилась дальше, мыслями то и дело возвращаясь к туннелю в земле на месте шабаша «Вороньих сестер». Яма меня очень беспокоила, как встревожила бы любая бездонная дыра, особенно в преддверии Вспышки. Боюсь, из туннеля все-таки вылезло нечто. И, конечно, не особо дружелюбное. Сестры нарушили первое правило ведьмовства: делай все как следует. Колдовать нужно или как полагается, или вообще этим не заниматься. Прежде чем наложить заклинание, надо подготовиться к его последствиям.

Если бы они почитали Богиню – олицетворение природы, своего рода воплощение доброжелательных женских божеств, популярных объектов поклонения, – вреда бы не было. Богиня, как и христианский Бог, вездесуща и милосердна. Но они молились Вороне или Ворону, а значит, чему-то мрачному и весьма конкретному.

Кстати, чем конкретнее божество, тем меньше свободы для маневров у его почитателей. Все равно что сказать ребенку – «не хулигань без меня» или «тронешь вазу – будешь сидеть три дня под замком», – тут ведь есть разница, правда?

Пока не пойму, кому именно они служили, придется работать вслепую. К сожалению, представители семейства врановых присутствовали в любой мифологии – от викингов до апачей. Вороны порождали или поглощали мир, доставляли послания горстке богов, пророчествовали и куролесили. Китайские, к примеру, были трехногими и жили на Солнце.

Ничто на месте происшествия не указывало на определенную легенду. Даже Бран – у него не было ничего, ни акцента, ни особенных деталей в одежде.

Мне нужна подсказка – четкая и понятная. Тайнственная записка с изложением событий. Языческий бог, который возник бы прямо из воздуха и все растолковал. Я бы согласилась даже на надоедливую старушку с талантом к решению загадок.

Я остановилась и подождала пару секунд: а вдруг и впрямь к ногам с неба свалится подсказка. Но вселенная не послушалась.

Трейлер двадцать три стоял в паре десятков ярдов от башни, первым в цепочке из трех фургонов. Цвет, вежливо описанный латиноамериканкой как «желтый», напоминал мутную утреннюю мочу. От него и пахло соответственно, хотя сложно сказать, исходил запах от трейлера или от гор мусора, его окружавших.

Вдоль стен тянулась надпись из черных и коричневых рун.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что коричневые знаки неровные и отслаивающиеся. Кровь. Какому несчастному созданию пришлось умереть ради столь эффектной демонстрации?

Ко входу вело ржавое крыльцо, выглядевшее так, будто в прошлой жизни служило канализационной решеткой. Под моим весом оно прогнулось, но выдержало, и я

добралась до двери.

– Стой, а как же руны? – показала на письма Джули. – Они волшебные. Мама говорила, Эсмеральда заколдовала свой трейлер. Если кто-то попытается войти, ему отрубят пальцы.

– Это отрывок баллады с последней страницы «Кодекса рун» – древнего скандинавского свода законов, очень известного. Здесь написано: «Прошлой ночью мне приснился шелк, гладкий, как мех». Поверь, если бы на трейлере были охранные чары, Улей давно бы с ним расправился.

Я внимательно изучила замок. Ничего сложного, но и мои таланты взломщика оставляли желать лучшего.

Вдруг послышались шаги. Судя по звукам, к нам пожаловали трое... Люди вместе с кем-то еще... Надвигалось нечто опасное, заставившее неустойчивую магию Улья вибрировать. Джули визитеров тоже учуяла и прибежала ко мне на крыльцо.

Я затаила дыхание и медленно обернулась. К трейлеру направлялись трое мужчин. Первый – коренастый и широкоплечий, позади держалась парочка его хлипких приятелей. Самый высокий из тощих волочил намотанную на руку длинную цепь, другой ее конец исчезал между двумя трейлерами. Вид у компании был угрожающий.

Парень с цепью отстал, обогнул вихрь магии и дернул за поводок.

Местная шайка вымогателей. Явились толпой, трое на одну, плюс кого-то притащили на цепи. Знали, куда я направляюсь, что у меня есть деньги и на кого я работаю, иначе не стали бы вдвоем стращать одну девицу.

Спасибо, Кастер. Я это припомню.

– Ларри, Мо и Керли? – спросила я.

– Пасть заткни, сука, – сказал тощий.

– Полегче, – улыбнулся коренастый головорез. – Давай повежливее. Я – Брайс. Это – Мори, а парня с цепью зовут Джеремайя. Просто хотим убедиться, что вы заплатили за вход, не то вам не поздоровится, понятно?

– Проваливай, – огрызнулась я. – Я уже дала денег.

– Маловато, как по мне. Гони еще два полтинника, один за вход, второй нам – за беспокойство. – Брайс опустил руку на полицейскую дубинку, торчащую у него за поясом. – Не стоит усложнять. С тобой маленькая девочка. Ты ведь не хочешь, чтобы с ней что-то случилось?

Джули сразу спряталась за меня.

Брайс оскалился, как питбуль перед схваткой.

– Чем больше доставишь хлопот, тем выше будет плата. Задумайся.

Цепь задребезжала. Из-за трейлеров послышалось жутковатое лязганье. Джеремайя дернул звенья на себя. В ответ раздался хриплый рык.

Цепь натянулась, и ноги парня немного заскользили.

Судя по выражению глаз Брайса, троица не отстанет, пока не прольется кровь. Но попытаться я обязана.

– Такие крутые? – поинтересовалась я, спускаясь с крыльца. – Ясно. Но я этим себе на хлеб зарабатываю. Пришлось много практиковаться. Денег вам не видать.

– Тут наша долбаная территория. – Крепыш притопнул ногой на случай, если до меня не дошло с первого раза. – Разинешь рот, сучка, и я в твою глотку что-нибудь забью.

Привязь ослабла, железные звенья с бряцаньем упали на землю. К нам направлялось

нечто громадное. Сперва из-за трейлера появилась когтистая лапа размером с мою голову, затем – нереально мускулистое плечо, вторая лапа, а следом – и весь пес. В холке он был побольше двадцати дюймов. На бочкообразной груди бугрились мышцы, отчего бедра создания выглядели непропорционально узкими. Квадратная голова «сидела» почти на самых плечах, и казалось, шея вовсе отсутствовала. С негромким металлическим дребезжанием, словно у кого-то в кармане зазвенела мелочь, псина потрусила вперед.

Под челюстью твари торчали серо-голубые шипы. Такие же проходили по всему хребту до хвоста, образуя гребень. Собака застыла и уставилась на меня пронзительными аквамариновыми глазами. Складки плоской морды задрожали от ярости. Пасть раскрылась, зверь обнажил острые зубы, насторожился, широко расставил лапы и выпятил грудь. Шипы с лязганьем встали торчком. Металлические иглы встопорщились по телу.

Ничто так не портит вечеринку, как железный дикобраз-переросток.

Брайс и Мори сдвинулись к флангам, предоставляя право действовать Джеремайе и его щеночку. Мори оказался вне досягаемости, зато крепыш занял позицию в восьми футах от меня. Они явно проделывали подобное раньше. Вот только в их плане был один просчет: между мной и собакой оставалось тридцать пять футов, к тому же пса тормозила цепь.

Щеночек мотнул головой и зарычал.

– Деньги гони, потаскуха, – велел Джеремайя.

– Нет.

Джеремайя бросил поводок. Звенья глухо упали в грязь, и пес рванулся вперед.

Я вытащила из ножен «Погибель», эфесом двинула Брайса по горлу и поставила ему подножку. Крепыш опрокинулся навзничь. Но не успел он упасть, как я достала из ножен перо стимфалийской птицы. Это стоило мне доли секунды – нельзя было позволить себе порезаться, когда вокруг клубилась магия Улья, однако мне удалось поймать собаку в прыжке и вонзить в полыхающий злобой глаз перо. Я увернулась от туши и пнула в живот Джеремайю. Тот попытался броситься вперед, но я скользнула ему за спину и приставила к его горлу лезвие сабли.

Мир на мгновение остановился.

Собака удивленно взвизгнула и рухнула. Цепь забренчала, как рассыпавшиеся монеты. Брайс, корчась, царапал ногтями землю и старался сделать вдох. Мори с разинутым ртом уставился на меня. Джеремайя сглотнул, и сабля чуть дернулась на кадыке. Джули на крыльце окаменела, лицо ее превратилось в потерявшую форму резиновую маску.

– Что за черт? – недоуменно спросил Мори. – Какого хрена?

– Такого, что вы, придурки, заставили меня без причины убить пса.

По темным волосам Джеремайи прокатилась капля пота и упала на небритую шею. Поменяй я угол наклона зачарованной сабли хоть на пару миллиметров, и он обретет крылышки. Я дьявольски разозлилась, и мне стоило больших усилий не дернуть рукой.

– За вход я заплатила. А вы, жадные ублюдки, решили еще раз стрясти с меня деньги, да еще и угрожали ребенку. Проклятье, да что с вами не так? Вы еще люди или Улей высосал из вас порядочность? – я почти рычала, хотя знала, что даром трачу время.

Брайсу наконец удалось вдохнуть, и он застонал.

– Ты убила мою собаку, – пропищал Джеремайя. Похоже, он не верил в случившееся. – Мою крошку! Господи помилуй, ты прикончила моего пса!

С ними было кончено. Я убрала саблю с его горла, а он с искаженным горем лицом шлепнулся в грязь и прикрыл глаза рукой.

Я подошла к мертвой псине. Та лежала грудой блестящего металла, огромные лапы не шевелились, поврежденный глаз кровоточил. Какая потеря.

Брайс встал на колени, затем, шатаясь, поднялся. Достав из кармана кусок тряпки, я вытерла «Погибель».

– Я ищу мать этой малышки и Эсмеральду, или как ее там зовут, поэтому-то собираюсь вломиться в трейлер. Прогуляйтесь пока за подмогой. Возьмите народа, сколько надо, и возвращайтесь. Я никуда не уйду. Только на этот раз сдохнет не псина, а кто-то из вас. А я получу массу удовольствия. По сути, вы сделаете мне одолжение.

Крепыш отступил.

– Пошли, – бросила я Джули.

Та опрометью бросилась на крыльцо. Я поднялась следом и врезала ногой по замку. Рама треснула, дверь распахнулась.

Джули шмыгнула внутрь, и я отправилась за ней в мрачный дом верховной ведьмы.

Трейлер благоухал гниющими цитрусами и грязными носками. Джули заткнула нос.

– Чем так воняет?

– Валерьянкой, – я показала на темное пятно на стене. Внизу валялись осколки. Вероятно, Эсмеральда швырнула флакон в стену. – Похоже, наша верховная ведьма страдала бессонницей.

Мрачный и тесный вагончик почти навевал клаустрофобию. Окна скрывали потрепанные занавески кроваво-красного цвета. Джули раздвинула их мухобойкой, которую взяла с узкой стойки, отделяющей кухню от остального пространства. Умница! Кто знает, что могло за ними притаиться.

В дневном свете трейлер выглядел совсем удручающе. Большую часть кухни занимал выдавший виды холодильник. Я открыла его. Как-то давно я купила штуковину, поддерживающую постоянный холод. Она была овальной формы – продавец назвал его яйцом ледяного эльфа.

Таких эльфов я ни разу не видела, хотя ходили слухи о канадском роде. А штуковина влетела мне в кругленькую сумму. Я убрала ее в мешочек и повесила в углу холодильника, и теперь даже в периоды магических волн мои продукты не портились. Эсмеральда прибегла к дешевому методу: приобрела в департаменте водоснабжения и канализации куски зачарованного льда. Конечно, они таяли в двадцать раз медленнее, чем обычно, однако делали свое дело, что в итоге сыграло с холодильником злую шутку. И, похоже, это случилось уже давно: талая вода залила среднюю полку и лежавшую там ритуально обезглавленную черную курицу. В нос ударил тошнотворно-сладкий дух разложения.

Я зажала рот и захлопнула дверцу, пока меня не вырвало на тушку.

Рубить голову пернатому, поклоняясь птице? Для этого требуется недюжинное мужество. Возможно, Эсмеральда решила использовать все шансы и на стороне практиковала другие обряды.

Не обнаружив на кухне ключей к разгадке, я направилась в противоположную часть трейлера. Оставив позади спальню, где царил порядок – постель заправлена, на полу не валяется одежда, – прошла мимо такой же чистой ванной комнаты и, наконец, очутилась в последнем помещении. Здесь поработал Улей: приподнял потолок и расширил стены. Грязный линолеум обрывался еще в коридоре, и пол покрывала утоптанная грязь с уклоном к центру, где красовался железный котел.

Выемка в полу и вздувшийся потолок делали помещение почти сферическим.

За котлом у противоположной стены скрывался плетеный ларь, рядом с ним – бетонный столик для пикника, сплошь покрытый пятнами крови.

Пока я осматривалась, Джули позади меня переминалась с ноги на ногу.

Магия над котлом завязалась в напряженный узел, но охранных чар я не заметила. Я ступила на грязь. Комната замерцала, но все осталось по-прежнему. Сняла с котла крышку, и сразу повеяло омерзительным запахом горелого жира и протухшего бульона.

– Фу! – отшатнулась Джули.

Глаза у меня заслезились, желудок взбунтовался, и к горлу подкатила желчь. Сглотнув комок, я сняла с ручки котла черпак и помешала тошнотворное зелье. На поверхность всплыли куриные кости в лохмотьях гнилого мяса. Не человечина, спасибо Господу за малые милости.

Вдруг магическая волна схлынула, и снова воцарился техноприлив.

Узел над котлом исчез.

Я водрузила крышку назад и направилась к алтарю. К крови присохли черные перья.

Рядом лежал длинный изогнутый нож, острый как бритва. На его рукоятке при помощи раскаленной проволоки были выгравированы черные руны. Кусочки пазла сошлись. Курица в холодильнике обрела смысл.

Джули отважилась подойти ко мне.

– Это человеческая кровь?

– Куриная.

– Тут что, обряды вуду устраивали?

– Куриц приносят в жертву не только вудуисты. В Европе издревле гадали на птичьей требухе.

Джули уставилась на меня непонимающим взглядом.

– Птицу обезглавливают, вспарывают ей брюхо, изучают внутренности и пытаются предсказать будущее. А еще жертву... – я подцепила ножом окровавленную веревку, валявшуюся за алтарем, и продемонстрировала Джули, – не всегда умерщвляют сразу.

– Да они просто больные. Кто на такое способен?

– Друиды, например.

– Но друиды добрые! – недоуменно заморгала Джули.

– Это современный орден друидов добрый. Но начиналось все не так. Ты когда-нибудь встречала среди них женщин?

Малышка покачала головой.

– Там только мужчины.

– Тогда зачем Эсмеральде попусту тратить время на друидские ритуалы?

– Не знаю...

– Вот и я тоже.

У меня возникло смутное ощущение, что Эсмеральдой кто-то руководил. Дурное предчувствие, которое заставило меня вздрогнуть у края ямы, вернулось. Чем глубже я увязала в деле, тем меньше оно мне нравилось.

Я присела у плетеного ларя и открыла его, в глубине души подозревая, что наткнусь на очередную дохлатину. Но обнаружила книги: «Словарь кельтской мифологии» Мак-Килопа, «Мифы и легенды Ирландии» Мак-Клина, «Пробуди в себе кельта» под авторством некоего колдуна по фамилии Сумара и «Мабиногион».

– Три книги о ритуалах кельтов и одна – о короле Артуре.

Я протянула Джули «Пробуди в себе кельта». Она читалась легче всего и была снабжена красивыми картинками. Сама я взяла «Мифы и легенды», понадеявшись, что Эсмеральда потрудилась подчеркнуть важные места. Открыла алфавитный указатель и обнаружила посередине списка на букву «М» три кровавых отпечатка. Ведьма вымазала пальцы в куриной крови и не вымыла руки перед тем, как взяться за книгу. Неужели не чувствовала, что они липкие?

Я внимательно изучила список имен: Монган, Монгфинд, Морк, Морриган...

Вот дерьмо! Я открыла статьи, начинающиеся с «М». Пожалуйста, только не Морриган, не надо.

Жирный кровавый отпечаток красовался аккурат на развороте с Морриган.

За что мне это?

Страшно захотелось швырнуть книгу в стену. Нашла кому поклоняться!

- *Bestoloch*.

- Что? – переспросила Джули.

- Значит «кретинка» по-русски. Похоже, ковен твоей мамы служил Морриган . Она не из добрых божеств.

Джули развернула ко мне книгу.

- А с ним что не так?

На картинке гигант махал огромным мечом. Мускулы бугрились, над одним плечом раздулась мышца, грозя заползти на голову, колени и ступни были вывернуты в обратную сторону, исполинские руки свисали до земли. Рот распахнут, левый глаз выкатился из орбиты. От головы великана исходило свечение, нарисованное короткими чернильными штрихами.

- Кухулин – великий герой древней Ирландии. Во время битвы впадал в неистовство и становился вот таким. Это называется «бешенство героя».

- Почему его голова светится?

- Поговаривали, во время приступа он ужасно раскалялся. После боя разгоряченному герою требовалось остыть, и его поливали водой. По одной из легенд, он прыгнул в кадку с водой, и та взорвалась.

Я задумчиво уставилась на котел в центре комнаты.

- Эй... – потянула меня за рукав Джули.

- Погоди-ка минутку.

Я подошла к котлу и взялась за ручки.

- Он слишком тяжелый, – запротестовала малышка.

Кряхтя от натуги, я приподняла котел и сдвинула его в сторону. Крышка чуть приоткрылась, протухшее варево пролилось. К счастью, не на меня.

Под котлом была вырыта яма. Узкая – с трудом бы пролезло небольшое животное, разве что собака размером с бигля. Края гладкие, идеально круглые, словно вырезанные ножом. Я заглянула в дыру, но увидела только тьму. Изнутри веяло запахом влажной почвы и разложения.

Дежавю.

Джули наскребла на полу грязи и направилась к дыре, однако я ее не пустила.

- Но я хочу проверить, глубокая ли она!

- Ни за что.

Она с усмешкой выбросила ком. Моя крутизна в ее глазах явно упала на несколько пунктов.

По сторонам ямы, образуя равносторонний треугольник, остались три отпечатка – следы ножек котла. Такие же были на месте сбора ковена в ущелье.

Но котла мы там точно не видели.

Брайс и компания от реванша отказались, поэтому мы спокойно покинули Улей, прихватив с собой библиотечку Эсмеральды. Кастер мудро решил не показываться. По пути от трейлера номер двадцать три до самых ворот нам не встретилось ни единой живой души.

Добрый час ушел на то, чтобы выбраться из Улья в Крольчатник к тому самому месту, где возле кучки конского навоза терпеливо дожидался Нинни.

Я подсадила Джули в седло. До Уайт-стрит оставалось пятнадцать минут пути, но малышка здорово вымоталась.

– Куда поедет? – спросила она.

– Домой. Назови адрес.

Она поджала губы и устала на луку седла.

– Джули?

– Там никого нет, – отрезала она. – Мама ушла. А больше у меня никого нет.

Ну и дела...

Близилась ночь. Что мне оставалось – выбросить на улицу голодного, усталого, потерявшего мать чумазого ребенка? Дайте-ка подумать...

– Мы заедем к вам домой и посмотрим, не вернулась ли она. Если нет, переночуешь у меня.

Мамочка не вернулась.

Домик Джули прятался в углу жилого комплекса – в стороне от Уайт-стрит. Новизной жилище похвастаться не могло, зато внутри было чисто, разве что в раковине на кухне громоздилась немытая посуда. Похоже, изначально здесь было две комнаты, но кто-то, наверное сама хозяйка, отделил часть гостиной деревянной перегородкой. В итоге получился небольшой закуток, где помещались старая швейная машинка, пара шкафов и маленький стол. На нем лежало почти законченное платье светло-голубого цвета, сшитое явно для дочери.

Я бережно погладила ткань. У ведьмы имелись свои недостатки, но она очень любила своего ребенка.

Малышка отправилась в спальню и принесла фотографию. С нее смотрела усталая женщина с распущенными светлыми волосами. У нее были карие глаза, точь-в-точь как у дочери, и бледное лицо. Она выглядела измученной и лет эдак на десять старше своих тридцати пяти.

Я велела Джули помочь мне вымыть посуду. На дне раковины обнаружилась бутылка «Уайт айриш роуз» с белой этикеткой. Из горлышка воняло спиртом. По слухам, напиток приводил людей в дикую ярость.

– Мама когда-нибудь на тебя кричала? Била тебя, когда пила?

Джули наградила меня злобным взглядом:

– Она хорошая!

Я выбросила бутылку.

Пару часов спустя мы оставили Нинни в конюшне ордена. После передышки магия снова принялась атаковать Атланту короткими очередями. День перетек в вечер, я устала и проголодалась. По нескончаемой веренице улочек мы отправились на север, в квартиру, когда-то принадлежавшую Грегу. Теперь, пока я находилась в городе, она служила мне домом.

По узкой лестнице мы с Джули поднялись наверх. Магическая волна опять разбушевалась. Толкнув дверь, я ощутила покалывание охранных чар, и все вспыхнуло голубым. Впустила Джули, закрыла за нами дверь и сняла обувь.

– Мило. А на окнах решетки... – сказала малышка.

– Чтобы держать злодеев подальше. – Недосып наконец меня настиг. Я чертовски вымоталась. – Снимай обувь.

Джули послушалась.

Порывшись в кладовке, я обнаружила коробку со своими старыми подростковыми вещами: я носила их, когда после смерти отца переехала к Грегу, а он ее сохранил.

В пятнадцать лет я была гораздо крупнее тринадцатилетней Джули, но одежда должна была подойти.

Я бросила ей спортивные штаны и футболку.

– Прими душ.

– Не буду.

– А есть хочешь? Кто не моется, тот не ест.

– Ну ты и отстой, – обиженно выпятила нижнюю губу Джули.

Я скрестила руки на груди.

– Мой дом – мои правила. Если что-то не нравится, выход вон там.

– Отлично!

И она направилась к двери.

Скатертью дорожка! Я стиснула зубы, надеясь, что не произнесла это вслух, и удалилась в кухню. Вымыла руки с мылом и полезла в холодильник в поисках еды, но нашла лишь миску лоукантри бойла.

Мне бы сошло и так: початки кукурузы и креветки хороши и в натуральном виде, сырой картофель с сосисками я бы тоже переварила без труда – очень уж проголодалась. А вот Джули, вероятно, предпочтет поесть горячего и, желательно, с маслом.

Разогреть или нет – вот в чем вопрос.

Звук льющейся воды возвестил о включенном душе. Значит, гостя решила остаться. Я водрузила кастрюлю с водой на газовую горелку. Магия вытворяла черт-те что со всеми привычными вещами, но природный газ пока не сбоил. Если и он подведет, выручит жаровня для пикника, что примостилась сверху холодильника, и бутылка керосина.

Я почти закончила выбирать креветки, когда в кухню вошла тоненькая ангелоподобная девочка. Личико с острыми чертами, разлетающиеся волосы цвета жженого сахара и огромные карие глаза. Целую минуту я таращилась на нее, не узнавая, и только потом расхохоталась.

– Что? – удивилось эльфийское дитя.

– Ты такая чистая!

Джули подтянула съезжающие штаны.

– Я голодная, у нас был уговор.

– Пригляди за водой. Дождись закипания и клади в кастрюлю все, кроме креветок. Только не ешь их, горячими они вкуснее. Не давай воде булькать слишком сильно – убавь огонь, а я пока приму душ.

Я взяла смену одежды и поплелась в ванную. После утомительного дня нет ничего лучше горячего душа. Разве что душ в придачу с горячим сексом, но я уже успела забыть, как это бывает.

Смыть с волос всю грязь удалось не сразу, поэтому когда я вернулась в кухню, вода забурлила вовсю. Кулинарной вилкой я подцепила кусочек кукурузы. Она испускала пар – сойдет. Бросила в кастрюлю креветки, дала чуток покипеть, вырубил газ и откинула варево на дуршлаг.

Снова включилась магия. Туда-сюда, туда-сюда, определилась бы поскорее!

– Ела когда-нибудь лоукантри бойл?

Джули покачала головой.

Я водрузила дуршлаг в центр стола, а рядом – соль и пачку масла.

– Креветки, сосиски, початки кукурузы и картофель. Попробуй. Сосиски из индейки и оленины, я видела, как их готовили. Гарантирую – в них ни собачатины, ни крысятины нет.

Джули откопала сосиску, попробовала и набросилась на нее, как оголодавший волчонок.

– Оффенно, – пробормотала она с полным ртом.

Я едва успела дожевать кукурузу, как раздался стук в дверь.

Посмотрела в глазок: Рэд.

Надо открыть.

Он взглянул на меня с прищуром:

– Еда?

Позвольте представиться: смертоносный мастер меча Кейт Дэниелс, между делом спасаю голодных сирот.

– Прошу. Руки помой.

Из кухни вылетела Джули и кинулась ему на шею. Парень словно окоченел, но обнял ее одной рукой. Малышка положила голову ему на плечо, и ее личико приняло мечтательное выражение. Исчезновение матери сильно по ней ударило, но потеря Рэда – просто сокрушит.

– Я ужасно по тебе соскучилась!

– Да, – невыразительно сказал он, – я тоже.

Двадцать минут спустя на кухне сидели сытые дети, и не осталось ни крошки бойла, то есть завтра предстоит очередная готовка. *Ой.*

Взглядом я пригвоздила Рэда к стулу.

– Поговорим?

Если требовали обстоятельства, я могла вести себя довольно жестко. Удивительно, но в основном оппоненты от моего взгляда не падали в обморок.

Рэд был молод и привык к издевательствам. Он застыл. Я не любила запугивать юных беспризорников, но подозревала, что, если ему потакать, парень даст деру при малейшей возможности.

– Расскажи все, что знаешь о ковене.

– Ничего.

– Ты отвел Джули на место их сбора. С чего ты взял, что надо идти именно туда?

- Клянусь, я не проболталась, – побледнела малышка.

Рэд пристально посмотрел на меня.

- Ладно. Я взял у них дома со щетки ее матери немножко волос, сотворил заклинание, пролил пару капель крови и дал ей меня направлять.

Наверное, когда он колдовал, мать Джули еще дышала. Чары шаманов привязаны к живым.

Чтобы ощутить мертвое тело, требуется более сложный ритуал и сила, которой юный шаман вряд ли обладает. Пока, по крайней мере.

- Сначала ты отправился туда один... – Это была просто догадка, но в его глазах я увидела подтверждение своей теории. – Что ты там нашел?

Пальцы мальчишки дернулись, он отвернулся, скрывая от меня правую сторону своего лица.

- Дай-ка я посмотрю, что у тебя на шее...

Он нервно сглотнул.

- Ну!

Он послушался. От мочки уха до самой шеи тянулись длинные порезы – три шутки. Края ран покраснели и опухли, а еще я заметила тонкую полоску желтого гноя.

Дрянь дело!

Я потрогала его лоб. Рэд отдернулся назад.

- Смирно сиди, дубина.

Похоже, у парня жар.

Я полезла в холодильник и достала баночку антибактериальной мази со средней полки.

Рэд покосился на склянку с бурым содержимым и снова повернулся ко мне.

- Что это? – спросила Джули.

- Антибактериальная мазь, известная как «Спасатель».

- Такое для людей, а я обойдусь. – Он поерзал на стуле и решительно задрал подбородок.

Ясно: взывать к его разуму нет смысла.

Поэтому я обратилась к Джули:

- Средство – на травах. Оно поможет победить инфекцию. Тихоокеанский вариант, самый лучший. Лечит даже некрозы, занесенные нежитью, да и вообще любую заразу.

Я поставила банку на стол. Настоящий корень перца опьяняющего, иглы кедрового джибанга и еще полдюжины компонентов. Дорого, но стоит того.

- Мне это не нужно, – твердил мальчишка.

- Шаманы, которые валяются с ног посреди улицы от температуры, до взрослого возраста не доживают.

- Возьми мазь, Рэд. – Джули подвинула к нему баночку.

Он уставился на лекарство, как на змею, потом взял и, поморщившись, нанес немного на шею.

- Кто тебя поцарапал?

- Какие-то твари. Странные. С ними что-то не так. Офигеть, какие могущественные.

«Могущественные» он произнес уважительно, почти благоговейно, с нотками тоски. Так алкоголик после долгого периода воздержания заказывает любимое пойло, перекатывая название на языке.

- Жажда власти - опасная вещь, - произнесла я.

Рэд оскалился, в его глазах зажглись дикие искорки.

- Ты так говоришь, потому что она у тебя есть. Такие, как ты, не желают делиться с другими.

- Но у тебя тоже есть власть, - подергала его за рукав Джули. - Ты ведь шаман.

- И что тут хорошего? - набросился на нее Рэд. - Отморозки до сих пор выбивают мне зубы и отбирают еду. Что плохого, если в ответ они у меня кровью ссать будут? Когда-нибудь меня просто убьют, и дело с концом. Я хочу настоящей власти! Силы! Чтобы никто и не думал со мной связываться.

- Я могу отдать тебе... - вполголоса предложила Джули.

- Рано еще, - отмахнулся парень. - Подрасти сначала.

Что между ними происходит? Они так посмотрели друг на друга, что у меня мурашки забегали.

- Расскажи о тех тварях, которые тебя ранили.

- Они очень быстрые, с длинными волосами. Их волосы хватили меня, как живые. Боятся лучника.

- А как насчет котла?

Рэд дернулся, точно от удара током, сорвался с места и помчался к выходу. Джули сидела ближе к двери, и ей удалось опередить меня на четверть секунды.

Спустя секунду малышка бросилась вниз по лестнице, а я заставила себя остаться.

Это всего лишь дети...

Жизнь обошлась с ними настолько жестоко, что ребята почти одичали. У них нет пристанища, они не доверяют никому, кроме друг друга. Будь я проклята, если пойду туда угрозами выбивать из Рэда правду. Хватит. Захотят вернуться - хорошо.

А я сама все выясню.

Я вернулась в кухню, доела сосиску и посмотрела в окно. На улице, почти касаясь головами - белокурой и темноволосой, стояли Джули и Рэд. Вернулся техноприлив. В гостиной зажглись электрические лампы, окутывая комнату уютным приглушенным светом. Единственный уцелевший фонарь на столбе осветил детей. Они отошли чуть левее, в тень.

Лица нового мира: уличный шаман и его подружка. Голодные, одичавшие и волшебные.

Пока я заканчивала трапезу, они разговаривали. Наконец Рэд достал что-то из кармана и повесил Джули на шею. Может, оберег?

Малышка обняла приятеля, обвила его руками за шею, а тот не шевелился и выглядел весьма непреклонно. Наверное, не хотел демонстрировать слабость у всех на виду.

Меня обуял страх. Почему, когда я наблюдаю за этой парочкой, меня терзает какое-то плохое предчувствие? Наверное, они напоминают нас с Максом Крестом.

Будь жив Грег, я не обратила бы на Макса внимания. Смерть опекуна сказала на мне куда сильнее, чем я думала. Одинокая и испуганная, я отчаянно искала кого-то сердечного и любящего, чтобы не возвращаться в пустой дом. Человека, на которого

можно опереться. Крест просто попался под руку. Наши отношения были обречены с самого начала, ведь нас сплотило горе. А оно, в отличие от любви, в итоге прошло. Острые углы сгладило время. Я не ревную к Мьонг, не страдаю по парню. Не тоскую по нему. Но, вспоминая о нем, терзаюсь неприятным чувством – не вины, но чем-то вроде смятения. Бр-р. Взять бы эту эмоцию, завернуть в тряпочку, засунуть в коробку и выбросить с пирса!

Не случись мне больше видеться с Максом, я бы совершенно не расстроилась, даже напротив. Но придется хлопотать о его свадьбе. Как я в такое вообще вляпалась?

Кстати, о свадьбе...

Я взяла телефон, дождалась длинного гудка и набрала номер, который оставил мне Дерек.

– Юго-восточный офис, – отозвался женский голос.

Или я не туда попала, или дела у моего вундеркинда пошли в гору.

– Дерек, будьте добры...

В трубке щелкнуло, и ответил сам Дерек:

– Да?

– Обзавелся секретаршей?

– Нет, это Мила, – рассмеялся он. – Фильтрует звонки. Чем могу помочь?

– Карты у меня.

– Улет! – не удержался он и продолжил более спокойно: – Когда я смогу его забрать?

– Завтра заброшу.

– Ты выбила дерьмо из уroda?

Ха! Под личиной волচারы из крутой стаи все-таки скрывался старый добрый Дерек.

– Вроде того. Ты прав, он умеет исчезать. И регенерировать во время перехода.

Вернулась Джули. На шее у нее красовалось монисто: ожерелье из монет и крошечных железных подвесок. В коридоре она помедлила, прощупывая почву – не злюсь ли я, а затем уселась на прежнее место и полезла проверять, не остался ли бойл: обнаружила лишь картофель. Взяла его рукой и принялась есть, облизывая пальцы.

– Окажи мне услугу, – сказала я Дереку, пододвигая гостье соль и масло.

– Все, что в моих силах, – отозвался он.

Малышка тайком следила за мной, вероятно, пытаясь понять, не намечаются ли проблемы.

– Аудиенция у Его пушистого Величества.

Поверить не могу, что попросила об этом!

– Поверить не могу, что ты об этом просишь! А сколько было крика, когда я пригласил тебя на Весенний Сбор... Твои слова: «не желаю видеть заносчивого ублюдка» и «только через мой труп»?

– Весенний Сбор – необязательное мероприятие.

После дела сталкера из Ред-пойнта я обзавелась статусом друга оборотней. Очевидно, на него распространялись такие привилегии, как посещение церемоний. Стоит мне перешагнуть границу территории оборотней, меня тут же, не колеблясь, порвут на кучку мини-Кейт!

- Дело в Мьонг? – голос оборотня прозвучал несколько неодобрительно.

- Отвечай, да или нет!

- Конечно, да, – успокаивающим тоном произнес он. – Время и место сообщу позже.

Мы распрощались, и я повесила трубку.

- С кем разговаривала? – спросила Джули.

- Мой юный приятель-оборотень. Мы увидимся с ним завтра.

- Ты знакома с оборотнями из Стаи?!

- Угу. Прогуляйся в ванную, там за ширмой...

- Что за ширма?

- Прикрытие для неблагоприятных дел, а еще так называют загородку. Там есть шкафчик, возьми в нем ничейную зубную щетку.

Лицо у малышки вытянулось.

- Это обязательно?

- Даже не сомневайся.

Я уступила Джули кровать и одеяло, а себе развернула на полу старый спальный мешок. Город вновь захватила магия. Колдолампы я погасила, и комнату освещало лишь сияние молодого месяца, да решетки на окне слабо поблескивали под воздействием защитных чар.

Где-то вдалеке завыл волк. От бездомного пса его отличить несложно – от волчьего воя по спине бежали мурашки. Я вспомнила о Кэрране: похоже, завтрашняя встреча меня волновала, и это тревожило.

Да что со мной не так? Наверное, дело в гормонах. Чистая физиология. Организм перенасыщен, рациональный ум захлебнулся, навевая странные фантазии о сероглазых маньяках-убийцах.

– Могу лечь на полу, – сонным голосом предложила Джули.

– Спасибо, но мне не привыкать, – пожала плечами я. – В детстве отец часто заставлял меня спать на полу. Боялся, что спина будет больная, как у мамы.

Я расстегнула молнию мешка и тщательно его расправила.

Охранные чары и решетки превратили дом в крепость, но чем черт не шутит? Вдруг кто-нибудь телепортируется прямо сюда и нашьпигует меня болтами, пока я выпутываюсь из спальника...

– Она хорошая?

– Кто?

– Твоя мама.

Я замерла с вязанным пледом в руках. Будто нож в груди провернули.

– Не знаю. Она умерла, когда я была ребенком. Отец любил ее, поэтому, наверное, она была хорошая.

– Значит, у тебя и мама, и папа умерли? И никого не осталось?

– Ага.

– Вроде меня, – пробормотала Джули.

Бедняжка...

Я поднялась и присела на край кровати.

– Я знаю о ее смерти потому, что папа видел, как это произошло. А о смерти отца знаю потому, что мы похоронили его на холме позади дома. Часто навещаю его могилу. Но о твоей маме ничего наверняка не известно. Я не видела ее тела. А ты?

Малышка покачала головой и уткнулась в подушку.

– Вот и ответ. Нет тела – нет доказательств, что она мертва. Может, придурок Бран каким-то образом телепортировал ее, и ей пришлось добираться домой пешком. Вдруг она уже там? Не опускай руки.

Джули всхлипнула, как котенок.

Что я вообще делаю?

Я сгребла малышку вместе с подушкой и одеялом и крепко обняла.

– А если Племя обратило ее в вампира? – захныкала она.

Я погладила ее по голове.

– Нет, милая. Никто из Племени не хватает женщин на улицах и не обращает их. Это незаконно. Если они начнут вытворять подобное, полиция и военные мигом их истребят. Племя отчитывается за каждую особь и берет себе только конкретных людей. Не волнуйся, твоя мама не вампир.

– А если она все-таки кровосос?

Тогда я отправлюсь в «Казино», устрою там ад на земле.

– Нет. Но если хочешь, я завтра позвоню в их офис и проверю.

– А вдруг они соврут?

Господи, ребенок помешался на упырях.

– Запомни, эти твари безмозглые, как тараканы. Для повелителей мертвых они просто орудия. Если кровосос не набрасывается на всех подряд, разрывая людей на куски, значит, им управляет реальный человек. И у него есть семья, возможно, даже дети, милые малыши повелителя мертвых.

Джули вытерла слезу и несмело улыбнулась.

– В распоряжении Племени куча нежити. Незачем кого-то похищать. Список заявителей длиной с милю.

– Зачем кому-то становиться упырем?

– Из-за денег. Допустим, у тебя неизлечимая болезнь. Вампиризм вызывает бактериальная инфекция. Тело в итоге меняется настолько, что организму любые заболевания нипочем. Даже если у человека был рак кишечника, представляешь? Через месяц после обращения кишки нежити иссыхают и превращаются в бечевки. Чтобы стать вампиром, сначала нужно подать заявление. Если тебя выберут, предложат подписать контракт, разрешающий заразить тебя вирусом *Vampirus Immortuus*. Фактически ты позволяешь себя убить и использовать тело после смерти. Взамен Племя выплатит вознаграждение твоим наследникам. Множество бедняков считает это неплохим способом оставить семье немного денег. Неделя и пачка документов – и вот упырь готов. Данные подают в государственную комиссию по учету нежити. Обращать жертву против воли – незаконно. Никто не захочет из-за единственного кровососа загреметь за решетку. Слушай, давай поговорим о твоей маме? Мне будет легче ее искать.

Джули обняла подушку.

– Она милая. Иногда читает мне книжки. Но от выпивки сильно устает, и тогда ее лучше не трогать. Погулять пойти или еще куда-нибудь. Она не алкоголик, не подумай! Только скучает по моему отцу. Да и пьет только по выходным, когда не надо работать.

– А где она работает?

– В гильдии плотников. Она была кухаркой, но то место закрылось. Пока в подмастерьях. Говорит, когда-нибудь станет плотником, и уж тогда мы по-настоящему заживем. Но про ковен мама тоже так сказала, а потом исчезла. Мы давно без денег, с тех пор, как папа умер. – Джули нарисовала рукой на подушке круг жизни. Шаманы так делают при упоминании покойников. У Рэда нахваталась. – Раньше он возил нас на побережье, в Хилтон-Хед. Там здорово. Мы купались в теплой воде. Папа был плотником. На него свалился кусок эстакады и просто его раздавил. Почти ничего не осталось.

Жизнь иногда без конца сбивает тебя с ног, как ни пытаешься подняться.

– Со временем полегчает, – сказала я. – Болеть будет всегда, но не так сильно.

– Все так говорят... – Джули на меня даже не посмотрела. – Я, наверное, невезучая.

Едва ли не самое худшее для ребенка – потеря родителя. Когда умер отец, мне казалось, что мир раскололся. Словно умер Бог. В глубине души я отказывалась в это верить. Мне отчаянно хотелось, чтобы жизнь стала такой, как раньше.

Все бы отдала, лишь бы провести с папой еще хоть денек. Сходила с ума от того, что Грег не мог взмахнуть рукой и как-нибудь все уладить. Затем мало-помалу осознала: отца уже нет. И не будет никогда. Никакая магия его не вернет. Но только показалось, что боль притупилась, память меня предала, воскресив папу во снах. Иногда, едва проснувшись, я понимала, что он мне лишь снился. Ощущение возникало такое, будто тебя ударили в живот. А порой я еще во сне догадывалась, что сплю, и пробуждалась в слезах.

Но у меня оставался Грег. Рыцарь, посвятивший моему благополучию всю свою жизнь. Он забрал меня к себе – мне не пришлось скитаться по улицам или переживать о деньгах.

У Джули и ее матери такой роскоши не было. Квалифицированные плотники отлично зарабатывали, поскольку изделия из дерева устойчивы к магии. Смерть отца и мужа разрушила жизнь маленькой семьи. Швырнула вниз, и с тех пор они все падали и падали. Так бы и катились, пока не достигли бы дна.

Я крепко обняла Джули.

Должно быть, мать очень ее любила, раз взяла себя в руки и попыталась выкарабкаться. Пробилась в гильдию, где царит жесткая конкуренция. Стала подмастерьем, куда тоже нелегко выдвинуться из учеников. Все – лишь бы уберечь дочь от улицы.

– Ты не сказала, как ее зовут.

– Джессика Олсен.

Держись, Джессика. Я тебя найду. И позабочусь о твоей дочери, будь уверена – с Джули ничего не случится.

Словно угадав мои мысли, девочка прижалась ближе. Мы тихо сидели, укутанные теплой ночью.

– Расскажи о ковене. Твоя мама долго там была?

– Нет, пару месяцев. Она говорила, что они поклоняются великой богине. Мы, мол, скоро разбогатеет.

Я вздохнула. Ну, Эсмеральда, только попадись – нам предстоит долгий разговор.

– На этом не разбогатеть. Особенно если поклоняешься Морриган.

– А что она за богиня?

– Кельтская, а точнее – староирландская. Версий много, но я расскажу тебе ту, которую считаю похожей на правду. У Морриган – три ипостаси. Она их меняет в зависимости от намерений. Словно переодевается. Это называется «божественный облик». Иногда она предстает как Ана – богиня плодородия и процветания. Наверное, именно этой сущности поклонялась твоя мать. Ана провожает умерших в загробный мир, туда, где живут покойные кельты. Вторая ипостась – Маха. Благоволит королям, властям и лошадям. Ну а третья – Бадб. Неистовая Ворона битвы.

Я помедлила. У малышки недавно пропала мать – вряд ли стоит упоминать, что Бадб пила кровь павших и радовалась резне...

– Ой, я забыла, как звали первую, – голосок у Джули стал сонным.

И хорошо – ей, как и мне, нужно выспаться.

– Не важно. Все они – Морриган.

– С кем она воевала?

– С фоморами. Запомни, боги всегда с кем-то сражаются. Греческие бились с титанами, божества викингов – с ледяными великанами, а ирландские – с фоморами, морскими демонами. Морриган долго с ними воевала, и наконец тварей изгнали в море.

Мои познания кельтской мифологии несколько заржавели. Освежить бы их при первой

возможности. Мало кто способен упомянуть всех героев легенд, однако суть вовсе не в том, чтобы знать все имена, а в том, чтобы точно знать, где искать.

– А почему нельзя разбогатеть, поклоняясь ей? – зевнула Джули.

– Морриган не исполняет желания. Только заключает сделки, то есть берет что-то взамен.

Лишь дураки договариваются с богами.

Малышка прикрыла глаза. Замечательно. Спи, милая.

– Кейт...

– Что?

– Как умерла твоя мама?

Я приготовилась соврать. Это дошло до автоматизма: я скрывала свою кровь, магию и правду о происхождении. Но почему-то захотелось рассказать, что случилось на самом деле. Хотя бы отчасти. А вот теперь слова буквально зудели на кончике языка. Какой в том вред? Джули – дитя. Она просто слушает сказку на ночь и завтра ее позабудет.

– Мне было несколько недель, когда родителям пришлось спасаться бегством – их преследовал очень злой и могущественный человек. Мама знала, что в их паре сильнее отец. Она ему только мешала, – мой голос слегка задрожал. Не думала, что будет настолько трудно... – Поэтому она отдала меня отцу и велела ему бежать. А сама решила задержать врага насколько сможет. Папа не хотел уходить, но понимал, что иначе меня не спасти. Тот человек догнал маму, и они начали сражаться. Она ранила его в глаз, но злодей был силен. Она не смогла его убить – и погибла.

Я подоткнула Джули одеяло.

– Грустная история.

– Верно.

И она еще далеко не закончена.

Джули погладила плед, до сих пор лежащий у меня на коленях.

– Сама связала?

– Да.

– Такой милый... Можно мне его взять?

Я накрыла ее. Одеяло она сразу же сбросила и укуталась в плед, свернувшись калачиком, будто мышка в норке.

– Какой мягкий... – пробормотала Джули и уснула.

В квартире раздался голос, чистый, как хрустальный колокольчик, медово-сладкий, нежный, точно бархат.

– Девочка... Где девочка...

Я открыла глаза. Бурлила магическая волна, и решетки на окнах горели неземной синевой. В коридор выскользнула Джули – безмолвный призрак среди ночной тьмы.

– Девочка...

Голос доносился снаружи.

Я нащупала эфес «Погибели», взяла саблю и отправилась за малышкой.

– Дай девочку-у... Девочка...

За кухонным окном в дюйме от стекла и охранных чар, заглядывая в дом, колыхалась бледная женщина с нежным эльфийским лицом, телом, сводящим с ума. Ее кожа сияла серебром, а глаза были сиреневыми. Невероятно густые длинные волосы извивались и смахивали на щупальца.

– Де-е-евочка... – пропело создание, протягивая руки. – Дай... Где она, где-е-е...

Привет. И что за мерзкая тварь к нам пожаловала?

На кухонном столе, скорчившись на скомканной занавеске, сидела Джули. Оконную защелку она уже открыла и теперь пыталась выломать железную решетку.

Отложив «Погибель», я схватила Джули за талию, но малышка вцепилась в прутья.

Тварь зашипела и, подобно рептилии, разинула черную пасть, обнажив ряды зубов – точь-в-точь как у морского черта. Пряди волос, целясь в ребенка, хлестнули по окну. Охранные чары в ответ гневно полыхнули красным.

Чудище содрогнулось от боли.

Я потянула малышку к себе:

– Джули, отпусти...

Та, разозлившись, что-то неразборчиво прорычала. Я уперлась пятками и потянула сильнее, Пальцы малышки соскользнули, и я чуть не рухнула на пол. Она пиналась и дралась как бешеная кошка. Я утащила ее в уборную, захлопнула за нами дверь и сунула сопротивляющуюся девчонку в ванну. Джули, завывая, бросилась на меня и разодрала мне руку ногтями. Я схватила ее за шею, крепко прижала ко дну и открутила кран с холодной водой.

Малышка забилась, плюясь и кусаясь. Я сунула ее голову под струю воды.

Вскоре конвульсии пошли на убыль. Она заскулила и обмякла. Я прикрутила кран, ослабив напор. Джули судорожно вздохнула и разрыдалась. Мало-помалу напряжение начало ее отпускать.

– Все нормально, – потрясенно пролепетала она.

Я вытащила ее из ванны и укутала голову полотенцем. Джули, дрожа, обняла себя за плечи. Открыв дверь, я выглянула наружу. Тварь с сиреневыми глазами еще парила за окном, не отводя взгляда. Увидев меня, гадина зашипела.

– Да-а-ай де-е-евочку-у-у...

Джули осела на пол, после чего забилась в тесный промежуток между унитазом и ванной – остались торчать лишь тоненькие ноги.

– Она пробралась мне в голову. И прямо сейчас пытается снова туда влезть.

– Постарайся ее не пускать. Под защитными чарами мы в безопасности.

Глаза малышки испуганно округлились.

– А если магическая волна кончится?

– Тогда я снесу этой мрази башку.

Легче сказать, чем сделать. Она схватит меня волосами, как арканом. Правда, пряди резать легче, если они туго натянуты.

– Де-е-евочка...

– Захлопнись уже, зараза!

Зачем ей именно Джули? Почему сейчас? Может, ковен заколдовал Джессику и она обернулась той тварью?

- А эта тетка не похожа на твою маму?

Джули потрясла головой, обхватила руками колени и принялась раскачиваться, хотя в тесном укрытии не могла сдвинуться больше чем на пару дюймов.

- Серая. Мутная, ускользающая, меняющаяся, мерзкая фиолетово-серая.

- Что?

- Серая, как скелет. Противная.

- Что?

- Ее магия. - Она окинула меня безумным взглядом. - Она серая.

Господи!

- Какого цвета магия оборотня?

- Зеленая.

Сенсор! Живой м-сканер, способный видеть излучения. Очень редкий и ценный.

Вот кого я подобрала. Конечно, в ней скрывалась какая-то магия, но тут - то железная псина, то раненый дружок Джули - шанса выяснить не представилось.

- А тварь - она серого и фиолетового цвета? Точно? Как вампир?

- Слабее. Бледно-фиолетовый.

Фиолетовый обозначал нежить. Если существо и правда из таких, оно действует бессознательно. Кто-то ею управляет, как повелитель мертвых - упырями.

- Джули, выбирайся оттуда. Я не смогу защитить тебя, пока ты обнимаешься с унитазом.

Вставай.

- Она сюда придет и убьет меня. Я не хочу умирать!

- Останешься здесь - точно умрешь. - Я подала ей руку. - Ну!

Она разрыдалась.

- Давай! Покажи суке, что у тебя есть хребет!

Закусив губу, Джули взяла меня за руку, а я вытянула ее из укрытия.

- Мне страшно.

- Используй страх, он поможет быть начеку. Почему магия в Улье тебя не тронула?

Она моментально переключилась на другую тему.

- Я слилась с ней. Заставила считать меня такой же, как она.

- Тогда слейся со мной.

Подражание чужой магии замаскирует сознание Джули, и тварь сконцентрируется на другом объекте. Это все равно что спрятать слабый луч света во вспышке сильного. Гадина не сумеет атаковать разум малышки, если перестанет его ощущать.

- Не получается, - покачала головой Джули. - Я пыталась, но твоя магия слишком странная.

Очередной побочный эффект моего непростого наследия. Мне постоянно приходится сжигать каждую тряпку со следами собственной крови, чтобы никто не опознал. А теперь выясняется, что я не в состоянии прикрыть ребенка. Так с чем бы она могла слиться?.. У Грега в коллекции полдюжины зачарованных артефактов, но фон у них не

настолько сильный, чтобы малышка сумела спрятаться.

«Погибель»!

– Стой здесь.

Я помчалась на кухню, схватила со стола клинок и ринулась обратно в ванную. Лицо Джули снова приняло безразличное выражение.

Втиснув ей в кулак рукоять сабли, я рывкнула:

– Сливайся!

Глаза ее вновь стали осознанными. По лезвию поползла магия. Джули прерывисто дышала.

Магическое поле неуловимо изменилось.

– Все, – сказала малышка, глубоко вдохнув.

Тварь разочарованно завизжала.

Я обняла бедняжку. С физической угрозой я бы разобралась в два счета, но превратись Джули в зомби, последствия были бы необратимы. Пока мы держим гадину подальше от разума малышки, у нас есть шанс.

Осунувшаяся Джули обеими руками сжимала клинок, полностью на нем сосредоточившись.

Я подтолкнула ее к дверям:

– Вперед.

Мы вышли из ванной. Чудище так и впилося в Джули сиреневыми очами. Лизнула решетку, сразу вспыхнувшую малиновым, обожгла язык и отскочила.

Я сняла трубку телефона. Линия не подала признаков жизни.

За что мне все это?

– Де-е-евочка... Хочу, хочу, да-а-ай...

– Держишься? – спросила я у малышки.

Та кивнула.

И вдруг магия отключилась. Я забрала у Джули саблю и снова схватилась за телефон – ничего.

Да пропади все пропадом!

Волосы твари безжизненно повисли. Она вцепилась в решетку, чтобы не свалиться вниз. Получай! Техноприлив тебе в глотку, паршивка, обойдешься без щупальцев.

Гадина уперлась ногами в стену и трянула прутья. Мучительно заскрежетав, те прогнулись. Джули бросилась в спальню. Зря – не время прятаться. Первое правило телохранителя: всегда знать, где, собственно, охраняемый объект.

Монстр снова принялся тянуть прутья в стороны, и они поддались. Я отправилась на кухню. Вот разберусь с новыми оконными декорациями и вытащу из-под кровати Джули.

Но та примчалась сама, вооружившись ножом. Руки у нее дрожали, клинок выплясывал бешеный танец.

Закусив губу, малышка встала у меня за спиной.

Девочку ты не получишь, ни сегодня, ни когда-либо еще.

Бум-м! Что-то глухо ударило в дверь.

Джули подпрыгнула.

– Спокойно. Дверь крепкая.

По крайней мере, есть пара минут. Я убрала с дороги стул, расчищая пространство для маневра. Оконная гадина лизнула воздух языком, пробуя его на вкус, словно змея, и сунула голову в решетку.

Бум-м-м!

Я запрыгнула на стол и рубанула ей голову классическим ударом палача. Башка с глухим звуком шмякнулась на стол, отскочила и покатилась к выходу. Тело осталось торчать между прутьями. С обрубка шеи закапала бурая жижа. По квартире распространилась маслянистая вонь гниющей рыбы и затхлой морской воды. Подняв голову за волосы, я воткнула кончик «Погибели» ей в щеку. Плоть под воздействием магии клинка начала плавиться. Пошла реакция – правда, не столь очевидная, как у вампира. Лезвие выпустило тонкие усики дыма. Джули права! Тварь определенно являлась нежитью, но не упырем, – похоже, умерла она лишь отчасти. Разве такое возможно?

Бум-м!

Дверь треснула, плеснув щепками на ковер. Я отшвырнула голову, схватила малышку за плечо и оттолкнула ее влево. На пол упал последний кусок дерева. В квартиру вошел близнец твари, которую я только что укоротила. Создание до лодыжек укрывали черные волосы. Вдруг вновь нахлынула магия. Монстр опередил вспыхнувшее заклинание на пару секунд. Жизнь так несправедлива.

По прядям твари заструилось серебристое пламя. Блестящие пряди задрожали, вытянулись...

Я перехватила рукоять «Погибели» поудобнее.

Пряди поползли к двери ванной. Они медленно разошлись, обнажая переливающуюся, подобно светочу, плоть. Она неясно мерцала, неуловимо, но гипнотически, как болотные огоньки, как русалка, мелькающая в волнах.

Чудище вытянуло руки. Сияние зыбью стекло вниз по ее ногам, обернувшись призрачным подобием рыбьего хвоста.

– Девочка? – пропела она. – Девочка...

– Заткнись! Убирайся из моего дома, чокнутая сука...

Монстр подался вперед, приготовившись к смертельным объятиям, сиреневые глаза зажглись аметистовым огнем. Тонкая, очень гибкая...

Готова спорить, стрелу Брана я вытащила из ее сестрички.

Ступням вдруг стало мокро: по столу потекла грязная жижа. Я мельком взглянула на гадину позади – от нее осталась только лужа. Никогда такого раньше не видела. Мой клинок превращал кровососов в кисель, но не так быстро.

Создание раскинуло руки. Из костяшек, сочась красной слизью, выдвинулись изогнутые когти. Именно такие могли нанести длинные порезы, которые я видела на шее Рэда. Должно быть, его задела лишь слегка, ведь, судя по размеру когтей, тварь способна одним взмахом вырвать ими сердце. Волосы хватали жертву, когти ее полосовали, а ряды острых зубов завершали начатое. В общем, полный комплект.

Тварь подкрадывалась не спеша. Куда торопиться? Меня загнали в угол, единственный выход – спрыгнуть вниз.

Я отступила назад и ударилась локтем о стену возле холодильника.

Взметнув волосами, словно кнутом, создание схватило меня за бедро. Я отсекала пряди и

разорвала путы, затем смахнула с холодильника флягу с керосином, окатив им тварь. Та зашипела. Я отбросила клинок и сложила руки вместе. Меня тут же сцапали и потащили со стола через всю кухню – поближе к ногам. Она не замечала, что я держу спички, пока слабый запах серы не возвестил о зарождающемся огоньке. Длинные пряди в панике обвилились вокруг меня, стискивая мертвой хваткой.

Я швырнула зажженную спичку в самую гущу.

Пламя мгновенно охватило копну. Огонь разбушевался, горячий, ярко-оранжевый... Я вырвалась на свободу. Гадина визжала и вертелась в столбе пламени. Что-то лопалось, шипя, будто в огонь сочился жир.

Тварь отшатнулась, врезалась в дверь ванной, сломав ее, и бросилась по коридору прямо к зеркалу. И принялась раз за разом ломиться в него, разбивая стекло на мельчайшие осколки, пока они окончательно не высыпались из рамы.

Я подняла «Погибель». Остановись на минутку, и я избавлю тебя от мучений.

Пламя извергло облако дыма, и комнату заполнила густая вонь жареного сала. Я зажала рот рукой. Грива волос превратилась в пепел. Серые хлопья посыпались на ковер и, подхваченные сквозняком, закружились вокруг меня. Существо билось, как обезумевший бенгальский огонь, что вот-вот угаснет.

Из кухни вылетела Джули, вооруженная ножом.

Она нырнула в пламя и воткнула лезвие в брюхо твари. Та тряслась в забытии, охваченная конвульсиями.

А малышка крошила ее, дико размахивая руками, выхватывая из объятых огнем тела куски плоти. Судя по глазам, Джули окончательно слетела с катушек.

Я вытащила ее из пламени и прижала к себе.

– Хватит.

Она судорожно глотала воздух. Монстр в последний раз ударился о стену, и его позвоночник треснул, сломавшись, как сухая ветка. Из-под обугленной оболочки вытекали ручейки серой жижи. Та расплылась лужей и вскоре начала испаряться. Я рванулась к шкафу, взяла склянку, собрала образец слизи и тщательно закупорила, наполнив примерно на треть. Внутри плавали ошметки пепла. Грязь похуже чем в городской канализации. Не мой день...

Я положила улики на стол рядом с саблей и повернулась к Джули.

– Дай-ка руки посмотрю. О чем ты вообще думала?

Впрочем, я понимала, о чем думала малышка. «Или тварь – или я». Монстр до смерти ее напугал. Но она не побежала прятаться, а сознательно решила сражаться. Вот и хорошо. Правда, битва с существом подобной силы равнялась попытке остановить натасканного добермана мухобойкой.

Там, где пламя облизало пальцы Джули, они покраснели. Возможно, малышка получила легкие ожоги, но могло быть и хуже.

– В холодильнике лежит тюбик вазелина, смажь руки.

Магия моргнула – на секунду ушла и тотчас вернулась. Я бросила взгляд на дверь: не пожаловал ли кто-нибудь еще. За охранным контуром возник некто высокий, немного сторбленный – в белом облачении. Незнакомец замотался в холстину, точно покойник в саван. С головы почти до груди свисал просторный капюшон. Из-под него слышался мужской голос – резкий хрип, напоминающий хруст раздавленных тяжелым ботинком ракушек.

– Отдай мне ребенка, человек.

Марионетки сдохли, и кукловод решил пожаловать лично. Надо же, как лестно. Жестом

показала Джули снова спрятаться за стену, подальше от его глаз.

– И что ты за нее предлагаешь?

– Жизнь.

– Даешь честное слово?

Это сбило его с толку, но только на мгновение.

– Откажись от ребенка!

– Жизнь, значит? Дешевое предложение. Мог бы посулить богатство и толпу красавчиков в придачу.

– Отдай девочку, – велел он. – Ты – пустое место, человек, и не представляешь для нас опасности. Мои ривы обглодают тебя до костей.

Итак, у косматых дамочек есть название.

– Тогда к чему тратить время? – оскалилась я. – Сбрось капюшон, и вперед.

Откинувшись назад, незнакомец воздел руки. Под одеянием прокатились какие-то выпуклости, обвились вокруг груди чужака и скользнули по рукам. Призрачный ветер всколыхнул капюшон, и в его глубинах показалась уродливая физиономия: узкая и клыкастая, цвета застарелых синяков, с парой огромных круглых глаз, мертвенно-холодных и чужеродных, как у кальмара. В середине лба торчала мягкая на вид бледно-зеленая опухоль, пульсирующее карикатурное сердце. Оттуда, прокладывая влажные дорожки меж безжалостных глаз, сочились две струйки серой сукровицы.

Из рукавов хламиды вырвались зеленые клубки плетей, разделившиеся на щупальца. Те схватились за притолоку, подняли капюшон в воздух, и тот повис, будто в сетке. Пульсация опухоли усилилась.

Квартиру наводнил шепот, мурашками прокатившийся по моей коже.

– Помоги-и-и...

Магия рванула из незнакомца, как из пушки. Охранные чары на двери треснули – ни дать ни взять папиросная бумага! Волна впечаталась в меня и вылетела в кухонное окно. Будь она материальна, сокрушила бы здание.

Потрясенная силой удара, я не сразу осознала, что защита больше меня не прикрывает.

Очередная черная прядь обвила мою талию и с неистовой силой потащила к разбитому окну. Значит, кто-то еще сюда пожаловал? Я врезалась в сломанные решетки. Спину пронзила адская боль, и я закричала. Волосы хлестнули меня по руке. Джули застыла, в панике вытаращив глаза. А меня тянули, стискивая грудь. Я не могла шевельнуть и мускулом. Стальная хватка сдавливала легкие.

Я потеряю сознание, и они заберут Джули.

– Убей... – проскрипел мистер Капюшон.

В плечо мне впились зубы, но тут же разжались. Рива обожглась моей кровью и завизжала.

Но ведь она нежить. Ею можно управлять, как вампиром. Я мысленно потянулась к ее разуму и ударилась о стену защиты Капюшона. Не пробить.

Меня снова стиснули. Вариантов не оставалось. Спину снова прошило болью.

Я изо всех сил напряглась и произнесла:

– Амехи.

Повинуйся.

Слово силы вырвалось вместе с мучительной вспышкой, будто из живота выдрали внутренности. Стена в сознании ривы разбилась вдребезги.

Капюшон взвыл в своей сетке из щупалец.

Передо мной зияющей ямой разверзлось сознание твари. Я мысленно взяла его в кулак и сжала. Волосы меня еще держали, но сокрушительная хватка ослабла.

Я смотрела на происходящее и глазами ривы, и своими собственными – точка обзора вышла странная. Джули в позе эмбриона скорчилась на полу. Капюшон уставился на меня. Затаился, выжидая, где-то в глубине разума ривы. Его до краев переполняла ненависть не просто ко мне, но к моей сути. Он клокотал, с трудом сдерживая ярость, – злобное создание, жаждавшее гибели человечества. Меня затопило отвращение, инстинктивное отторжение чужака, настолько сильное, что грозило сокрушить любые доводы рассудка.

Я заставила волосы меня отпустить. Их хватка разжалась медленно, неохотно. Даже воздействуя словом силы, я не смогу долго повелевать ривой. Стоит промедлить, и Капюшон снова захватит власть.

Отступив, я втянула риву в кухню.

Наблюдай, сукин ты сын.

Повинуясь безмолвной команде, нежить принялась биться головой о стену.

Удар. Треснул гипсокартон, обнажая кирпичную кладку.

Удар. На стене появилось красное пятно.

Удар. Череп твари раскололся, как яичная скорлупа.

Не видать тебе моего ребенка, ясно?

Монстр отшатнулся для финального броска. Из головы сочилась красно-серая слизь. Капюшон покинул сознание твари. Секундой позже я отдала последнюю команду и тоже сбежала, пока умирающий разум не утянул меня за собой.

Удар! Стену омыл поток мерзкой жижи.

Спину мне обожгло, будто в рану налили расплавленного стекла. Комната покачнулась. Сжав зубы, я подняла саблю.

Капюшон ждал у порога. Путь был расчищен – нас уже не разделяли магические стены.

Я оскалилась.

– С тремя покончено, ты последний. Давай!

Щупальца сжались, натягивая сеть. Я подалась вперед, готовясь к броску.

Щупальца оторвались от притолоки, втянулись в рукава и под полы хламиды, а сам Капюшон скрылся, можно сказать, что его унесло ветром.

Я опустила глаза и успела заметить, как ноги Джули исчезают под столом.

Я нырнула под стол и чуть не рухнула – так закружилась голова. Перед глазами вспыхнули багровые круги, затмевая обзор, спину опять пронзила острая боль.

– Джули, нам пора.

Та рванулась от меня так, что ударилась о стену.

– Ты такая же, как они! Как Племя!

– Нет. Я – совсем другая.

Абсолютно такая же. Настолько похожа, что, знай ты правду, умчалась бы отсюда с визгом.

– Пора, Джули. Здесь оставаться нельзя. Могут пожаловать другие, а у нас взломана дверь и нет защиты на окнах. Нам надо уходить.

Она покачала головой.

Спина буквально разрывалась, и на глаза наворачивались слезы. Не припоминаю, когда я в последний раз так мучилась. Но я старалась заставить себя говорить спокойно.

– Джули, это еще я. Клянусь, буду беречь тебя любой ценой. Но нам нужно бежать, пока тварь не вернулась с подмогой. Пойдем, милая. Вылезай оттуда, пожалуйста.

Малышка тяжело вздохнула и взяла меня за руку.

Я помогла бедолаге выбраться из-под стола.

– Умничка!

– Что за магия такая?

– Запретное колдовство. Никогда никому об этом не рассказывай, а то мне не поздоровится.

Первородные слова силы повелевали самой магией.

Мало просто их узнать, ими нужно завладеть, причем с первого раза, второго шанса не предоставлялось: либо покоришь их, либо умрешь. Даже самые опытные маги обладали двумя-тремя. Я же – шестью и не имела ни малейшего желания объяснить, как так получилось. Оружием этим я пользовалась лишь в крайнем случае.

– Твоя спина...

– Угу.

В пределах досягаемости было только одно безопасное место: капитул ордена, а точнее – подвал, где располагалось хранилище. Его охранный контур непроницаем, а чтобы вынести бронированную дверь, нужно вести по ней прицельный огонь из гаубицы.

Я сняла трубку телефона: линия вырубилась. Значит, из ордена помощи не жди. От него нас отделяло пятнадцать минут пути быстрым шагом. С ребенком – двадцать. Плевое дело, справлюсь! Просто нужно как-то приглушить боль – хоть немного, – и я буду в порядке.

В ванной есть регенерационная аптечка. Я сделала шаг по направлению к двери, но по позвоночнику молнией пронесся жар и взорвался острой болью в основании шеи, принялся ломать кости, выкручивать сухожилия... Я тяжело рухнула на колени, вонзила клинок в пол и оперлась на него, стараясь не упасть. Я должна защитить девочку!

Комната стала размытой. Стены вдруг пошли рябью и закачались, грозя меня утопить. Я чуяла запах собственной крови.

Джули схватила за мою руку и разрыдалась.

– Вставай! Не смей умирать! Не умирай...

– Все будет хорошо, – прошептала я, – все наладится.

Магия покинула мир, который тут же принес новую вспышку страданий.

Нужно защищать вход, больше сил ни на что не хватало.

Я то отключалась, то снова приходила в себя, пытаюсь пробиться сквозь обморочный туман. Вдруг ко мне кто-то приблизился. Я инстинктивно попыталась ударить и промахнулась.

– Паршиво выглядишь, – произнес голос Кэррана.

Меня явился спасти сам Царь Зверей! Какая ирония...

Послышался голос Джули:

– Она поправится?

– А как же. – Меня подняли в воздух – вожак сгреб меня с пола. – Будет как новенькая. Идем со мной, тебе нечего бояться.

Кровать оказалась невероятно удобной, и я блаженно и долго отдыхала, утопая в роскоши нежных простыней. Умелая магия исцеления притупила боль, затаившуюся в пояснице, окутав тело успокаивающим теплом.

Я выжила, и один лишь этот факт делал меня невероятно счастливой. Уютнее угнездившись в подушках, я заметила рядом на одеяле блестящую полоску.

Потянулась и погладила лезвие «Погибели».

Раздался знакомый голос:

– Проснулась, моя прекрасная леди?

Дулитл!

Доктор диких чудовищ, как он себя называл. Он сидел в кресле у настольной лампы, держа в руке старую книгу в потрепанной мягкой обложке. Док несколько не изменился – та же иссиня-черная кожа, седые волосы и полуулыбка.

За время расследования дела сталкера из Ред-пойнта Дулитлу пришлось часто подлатывать. Лучшего мага-целителя не найти во всей Атланте.

Я обняла подушку.

– Вот мы и встретились снова, док.

– И в самом деле.

– Со мной была девочка...

– Она внизу. Ее развлекает Дерек. Осмелюсь заметить, малышка весьма довольна его обществом.

Волчонок со своими выразительными карими глазами и сногсшибательной улыбкой! У бедняги Рэда не осталось ни единого шанса.

– Что со мной?

Я не стала оскорблять старика, спрашивая, куда делась моя окровавленная одежда. И так знаю: он ее сжег.

– Тебя отравили. Каждый раз при нашей встрече ты бросаешь вызов моей врачебной сноровке.

– Прости. Спасибо, что спас меня.

– Я здесь ни при чем, – покачал головой он. – Тебя спасла Вспышка. Ее энергия усиливает чары. Включая и заклинания из арсенала твоего покорного мага-целителя.

Меня зазнобило.

– Неужели я и правда была на волоске?

Он кивнул.

Я почти умерла... Такое случалось и раньше, но никогда прежде от меня не зависела жизнь ребенка.

Молодец, Кейт! Встала, как идиотка, спиной к окну... Тупица!

Как только окрепну, подыщу для Джули надежное убежище. Невозможно даже представить, как острые когти нежить могли терзать малышку...

– Где я?

– В юго-восточной резиденции Стаи. Подумывали отправить тебя в крепость, но решили, что недотянешь.

В точности такую же беседу мы вели десять недель назад, почти слово в слово. Правда, тогда я обрушила на себя орду вампиров и полуразвалившийся небоскреб.

– Как меня сюда доставили? – усмехнулась я.

– Принес Его Величество, – ухмыльнулся в ответ Дулитл.

И тут ничего не поменялось.

– Он опять поджарился до корочки или его разрубили пополам?

– Ничего подобного, – раздался голос Кэррана.

Если бы я могла – я бы подпрыгнула. Царь Зверей стоял посреди комнаты. Позади него застыла девушка, держа поднос с четырьмя мисками.

– Однако он весьма расстроен: пришлось просыпаться и отправляться спасать идиотку, которая снова откусила больше, чем может прожевать.

Дулитл поспешно поднялся и отклонялся. Кэрран жестом указал на столик в изножье кровати, девушка водрузила туда поднос и удалилась, прикрыв за собой дверь.

Мы с Царем Зверей были наедине.

Радость-то какая.

Я вообще не горела желанием встречаться с Кэрраном, но если уж пришлось – хотелось бы предстать перед ним в лучшей форме. Мерзавец, злобный сукин сын, который наслаждался моими мучениями. А я, к сожалению, спасенная именно Царем Зверей и абсолютно беспомощная, лежала в постели в его владениях. Жаль, что в простынях нельзя раствориться! Может, прикинуться спящей? Вдруг он уберется восвояси?

Кэрран внимательно на меня посмотрел.

– Дерьмово выглядишь.

– Спасибо, я старалась.

Он-то выглядел отлично. Кэрран был выше меня на пару дюймов. Широкие плечи, развитые мускулы – хорошо заметные даже под футболкой. Двигался он с естественной грацией сильного и проворного существа и был весь словно туго сжатая пружина. Если такая вдруг развернется – взорвется с ужасающей мощью.

Когда мы виделись в последний раз, Кэрран носил слишком короткую стрижку – чтобы в

драке было не за что ухватиться, но с тех пор его волосы отросли и даже начали немного виться. Я и не знала, что они у него курчавые.

Кэрран взял одну из мисок, поглядел на нее, будто обдумывая важный вопрос, а затем поднес ко мне.

Аромат от миски исходил божественный. Внезапно я поняла, что жутко проголодалась. Я села, схватилась за нее обеими руками, но тут же отпустила, тряся пальцами. Она была горячая, как раскаленная лава.

– Дурочка. – Кэрран поставил миску мне на колени и вручил ложку.

Случаются в жизни моменты, когда нет ничего лучше горячего куриного супа.

– Спасибо – за ложку и за то, что опять спас меня.

– Пожалуйста.

– Ты нашел карты? Они лежали...

– На комод. Заткнись и ешь суп.

Кэрран взял стул Дулитла, перенес поближе ко мне и уселся. Вытяни я ногу, достала бы его пальцами. Мне стало неудобно: слишком близко он расположился! Я придвинула «Погибель» к себе.

Царь Зверей сидел и наблюдал, как я ела. Такой расслабленный, будто обычный человек, парень чуть постарше меня, к тому же вполне привлекательный. Если не смотреть ему в глаза – они всегда его выдавали. Глаза альфы, убийцы и защитника, для которого жизнь члена Стаи – все, а жизнь чужака – ничто. В данный момент он не пронзал меня взглядом, просто наблюдал, но я не заблуждалась: уже знала, насколько быстро его взор вспыхивает смертоносным золотом. И видела, что происходит в подобных случаях. Под началом Кэррана находилось более пятисот оборотней. Полтысячи душ, разрывающихся между зверем и человеком. Каждый из них – прирожденный убийца, ждущий своего часа. Волки, гиены, крысы, кошки, медведи...

Их объединяли только две вещи: стремление сохранить человечность и верность Стае.

А Стаей был как раз Кэрран. Они боготворили землю, по которой он ходил.

– Вот в чем секрет! – заявил Царь Зверей.

Ложка застыла на полпути ко рту. Началось. Он наконец выяснил, кто я, и решил покушаться.

– Что с тобой? – удивился Кэрран. – Немного побледнела...

В любую минуту он мог перестать притворяться и разорвать меня в лоскуты. Если повезет.

– Какой секрет?

– Способ заткнуть тебе рот. Избить до полусмерти, а потом накормить куриным супчиком, и вот... – он воздел руки, – благословенная тишина.

Я вернулась к еде. Ха-ха, очень смешно.

– А ты о чем подумала?

– Понятия не имею, – проямлила я. – Пути Царя Зверей неисповедимы для скромной наемницы.

– Нашлась скромница.

По крайней мере, обращался он со мной так, словно я была здорова и способна защищаться, а не валялась в постели, поедая бульон. Кстати о последнем...

Я отставила миску в сторону и нетерпеливо воззрилась на поднос. Я не наелась. В процессе исцеления мое тело ускоренно сжигало питательные вещества, и я изнемогала от голода.

Кэрран взял добавку и подал мне. Я потянулась за ней, он коснулся меня пальцами и немного помедлил. На серой радужке заплясали золотистые искры, губы разомкнулись, обнажив полоску зубов.

Я схватила суп и отодвинулась подальше. Кэрран улыбнулся уголком рта – я его определенно развлекала. Как представитель ордена, я рассчитывала на другую реакцию.

– Почему ты меня спас?

Он пожал плечами.

– Я снял трубку, услышал, как в истерике бился ребенок. Она прорыдала, мол, ты умираешь, она осталась одна, и за ней идет нежить. И я подумал, что скучный вечер может закончиться весьма любопытно.

Чушь собачья. Он пришел из-за Джули. Среди оборотней чудовищно высока детская смертность: половина младенцев рождаются мертвыми, еще четверть убивают в пубертате, потому они становятся люпусами. Как и его собратья, Кэрран дорожил детьми и ненавидел вампиров. Возможно, он надеялся на двойную выгоду: спасти малышку и насолить Племени.

– Откуда Джули узнала номер?

– Думаю, нажала кнопку «Повторный вызов». Умная девочка. А теперь рассказывай, во что вязалась.

Он не спрашивал, но я сделала вид, что все было именно так.

– Нет.

– Нет?

– Нет.

Кэрран скрестил руки на груди. Стальные бицепсы вздулись. Я отчетливо вспомнила, как он поднимал меня этими руками с пола – за горло.

– Знаешь, что мне в тебе нравится? У тебя начисто отсутствует здравый смысл. Сидишь у меня дома, с трудом держишь ложку и говоришь мне «нет». Ты бы и смерть за усы подергала, если бы сумела до них добраться.

Вообще-то смерть была в пределах досягаемости... Если вытянуть ногу, я смогу ее пнуть.

– Спрашиваю последний раз: какого черта ты натворила?

Смысла в сражении не было. Джули не сможет устоять перед Дерексом. Выложит ему все, что знает, а волчонок позже рапортует вожаку. Но будь я проклята, если позволю себя запугать!

– Я вернула Стае карты, которые утекли у вас сквозь пальцы, и что взамен? Приносишь меня сюда против моей воли, допрашиваешь и угрожаешь расправой. То-то в ордене удивятся, когда узнают, что Стая похитила их представителя!

– Конечно, – задумчиво кивнул он. – Только кто же им об этом сообщит?

Хороший вопрос... Если он меня прикончит, тело никогда не найдут. Вряд ли орден озаботится тщательным расследованием. Спишут на безумие из-за Вспышки.

– Пожалуй, нужно просто надрать тебе зад и смыться отсюда. – Я залихватски допила остатки бульона прямо из миски, наплевав на приличия.

Зря я это брякнула!

- Помечтай.

- Ты ведь не дал мне отыграться. Я могла бы победить. - Наверное, и лучше было помалкивать. - Где ванная?

Кэрран кивнул на две двери слева от него.

Я выпуталась из простыней. Мне очень нужно в ванную! Оставался вопрос: сумею ли я удержаться на ногах...

Он улыбнулся.

- И что смешного?

- У тебя бантик на трусиках.

Я посмотрела вниз. На мне была короткая майка - с чужого плеча - и собственные голубые трусы с узкой полоской белого кружева по кромке и маленьким бантиком.

Могла бы и проверить, не голая ли, прежде чем откидывать покрывало!

- Чем тебе не нравится бантик?

- Ничем, - ухмыльнулся Кэрран. - Думал, у тебя там колючая проволока. Или стальная цепь.

Ишь, какой остряк!

- Я уверена в своей силе, чтобы носить белье с бантиками. И вообще они удобные и мягкие!

- Не сомневаюсь... - почти промурлыкал Кэрран.

Я сглотнула. Итак, оставалось либо лезть обратно под одеяло, либо топать в ванную, а потом - назад. Но поскольку описаться я не жаждала, предпочла второй вариант.

- Ты не против отвернуться?

- И не надейся.

Я попыталась подняться. Казалось, все под контролем, но стоило перенести вес на ноги, комната вдруг завалилась набок. Кэрран меня подхватил. Обнял за спину, и от его прикосновения по коже забегали мурашки. О нет...

- Помощь нужна, крутышка?

- Я в порядке, спасибо.

И я оттолкнула его руку. Он отпустил не сразу, давая понять, что может до смешного легко удержать меня силой. Я стиснула зубы. Наслаждайся, пока есть возможность. Скоро я оклемаюсь.

Успешно сохраняя вертикальное положение, я направилась к ближайшей двери.

- Там чулан, - сообщил Царь Зверей.

Да за что мне это все!

Я внесла в курс изменения, успешно добралась до цели и только там выдохнула. Наконец-то...

- Ты как, жива? - окликнул Кэрран. - Поддержать тебя за руку?

Я заперла дверь, а он рассмеялся. Ублюдок!

К счастью, в ванной нашелся банный халат, и вновь пред очами вожака я предстала уже с бóльшим достоинством. Царь вздернул бровь, однако промолчал.

Я забралась в постель и прижала к себе «Погибель». Пока я прохлаждалась, кто-то унес суп. А ведь в последней чашке оставалось еще на доньшке!

За окном царила темнота.

– Который сейчас час?

– Раннее утро. Ты пробыла в отключке шесть часов, – Кэрран пригвоздил меня тяжелым взглядом: – Чего ты хочешь?

– В каком смысле? – недоуменно моргнула я.

Медленно, четко артикулируя, словно я была туговата на ухо или имела трудности с пониманием, он сказал:

– Ты вернула карты. Чего ты хочешь взамен?

Так и запечатала бы его рот кулаком!

– Кое-кто из Стаи обратился ко мне за помощью. Если расскажу, обещаешь не наказывать причастных?

– Обещать не могу – ведь я не в курсе, о чем идет речь. Но в любом случае ты обязана все объяснить. У меня разыгралось любопытство, а в неведении я оставаться не люблю.

– Ага. И ты устроишь кровавую баню.

– Как мне надоел твой длинный язык!

Под кожей Кэррана сместились кости. Ноздри раздвинулись, челюсти увеличились, а верхняя губа обнажила огромные клыки. Я уставилась прямо в лицо настоящему ужасу, жуткому сочетанию человека и льва.

Если можно назвать львом создание, в звериной ипостаси весящее свыше трехсот фунтов. Глаза Кэррана – как и всегда – не изменились, корпус, руки, ноги, даже голова тоже остались человеческими.

У оборотней три формы: животное, человек и химера. Они могли перекидываться в любую из трех, но всегда в итоге менялись до конца. Чтобы поддерживать форму химеры, большинству приходилось напрягаться, а уж способность говорить в таком виде была великим достижением. Но изменять лишь одну часть тела, не затронув остальное, умел только Кэрран.

Как правило, я спокойно воспринимала его полуобличье. Оно даже было пропорциональным, тогда как многие перевертыши жаловались, что челюсти становятся слишком крупными и не смыкаются. Но обычно лицо Царя покрывал серый мех. Вид растянутой как барабан человеческой кожи вызывал рвотные позывы.

Кэрран заметил мои героические усилия сдержать тошноту.

– А теперь что не так?!

Я помахала рукой перед лицом:

– Шерсть...

– В каком смысле?

– Не выросла.

Кэрран погладил кожу. Следы зверя исчезли. Передо мной снова сидел молодой мужчина и массировал свой подбородок.

Во время Вспышки зверь становится сильнее. Кэрран разозлился и слегка утратил выдержку.

– Технические неполадки? – осведомилась я и сразу же раскаялась.

Указывать фанатику контроля на промашку – плохая идея.

– Не провоцируй меня, – негромко посоветовал он. Взгляд его вдруг стал немного голодным. – Откуда тебе знать, на что я способен, когда не до конца держу себя в руках?

SOS!!!

– Дрожу при одной лишь мысли...

– Я так всегда на женщин действую.

Ухохочешься...

– До или после того, как они описаются и подставят тебе пушистые животики?

Он подался вперед.

– Мне пора! Последний шанс.

– Заходила Мьонг...

– Вот оно что.

На скулах Царя Зверей обозначились желваки. Какое-то время мы посидели в мрачной тишине, а потом я устала ждать.

– Мьонг, – напомнила я.

– Ты хоть знаешь, за кого она собралась замуж?

За моего «условно бывшего» бойфренда, которого я обвинила в похищении, сексуальных пытках и каннибализме.

– Да.

– И ты не против?

– Нет.

– Так.

– Может, мне все это нравится меньше, чем хотелось бы, но и препятствовать им я не буду.

Хотя встреча с Мьонг меня уязвила. Конечно, не стоило волноваться, что Крест предпочел меня ей, но что-то меня тревожило. Утонченная Мьонг, без всяких сомнений, красивее и элегантнее. Но она держалась эдаким... умирающим лебедем. Попросишь такую женщину приготовить чай, а она вернется из кухни и сообщит, мол, вода закипела. И примется скромно ждать, что ты незамедлительно разберешься с проблемой.

– А я считаю, что повел себя вполне разумно.

– С чего ты взял?

– Но ведь они еще дышат, верно?

Вероятно, Кэрран по-настоящему любил Мьонг и страдал после расставания. А может, в нем говорило задетое самолюбие: прекрасная дама бросила заносчивого альфу ради простого смертного, зануды, который не нравился никому из оборотней. Хотелось бы сделать как лучше для нас с Кэрраном, правда, единственный способ это проверить – дать влюбленным свободу.

– Пожалуйста,пусти их...

– Поговорим позже, – и он встал.

– Кэрран!

- Что?

- Тебе самому полегчает.

- С чего ты взяла, что это меня вообще волнует?

Кажется, он хотел сказать что-то еще, но передумал и вышел.

Мне вдруг стало очень одиноко. Последний раз я так тосковала, когда узнала, что убили Грега. Я развязала пояс халата и улеглась. Вылазка в ванную и последующий напряженный разговор меня измотали. Царь Зверей должен позволить Кресту и Мьонг пожениться. Тогда я смогу все это выбросить из головы.

За окном почудилось какое-то движение, и я подняла голову. Ничего, просто посветлевшее перед рассветом небо. Мы ведь на втором или на третьем этаже, поблизости – ни одного дерева. Я легла обратно. Чудесно! Теперь меня мучают галлюцинации.

Тук-тук-тук.

Ривы вернулись?! Не может быть, девки стучать не станут. Я сползла с кровати и подошла к окну: ни решеток, ни сигнализации. Хотя кому здесь нужна сигнализация, если хозяева чуют каплю крови в пяти литрах воды? Да и в дом с монстрами рискнет сунуться только полнейший псих. Я отвернулась.

Тук-тук-тук.

Ладно, давай поиграем. Защелка на окне допотопная – железная, тугая. Придется задействовать обе руки. Я положила «Погибель» на подоконник.

За стеклом во мраке простиралась безлюдная улица. Открыв защелку, я сдвинула створку вверх. По ту сторону окна внизу торчал небольшой выступ: декоративный ряд кирпичей. И на нем – прямо передо мной – вдруг возник Бран и прижал мои руки к подоконнику.

- Привет, голубка, – ухмыльнулся он. – Смотри-ка, ты осталась без своего хорошенького ножичка, а я держу тебя за руки. Что будешь делать?

Я ударила его головой прямо в нос.

- Больно!

Бран потерял равновесие и отпустил меня, размахивая руками.

Он чуть не свалился, но я успела схватить его за куртку. Ого, да у него знакомый пластиковый пакет! Невероятно.

Я затащила его в комнату, заодно вытянув из-под пояса кожаных штанов карты, и от усилий едва не рухнула на колени.

- Опять ворует? – прорычала я. – Жить надоело?

У Брана из носа вытекло чуть-чуть крови.

- Поверить не могу. Второй раз за день разбила мне нос, должна будешь!

Вскочив на ноги, он бросился на меня, но остановился, когда ему в грудь уперся кончик клинка. Может, я и ослабела, но сноровку не растеряла.

- Кто ты такой? Кто такой Капюшон, зачем ему Джули и где ее мать?!

- Только и всего? – тыльной стороной ладони лучник стер с губы красный след.

- Да. То есть нет! При чем здесь котел, куда он пропал и каким образом тут замешана Морриган? Куда ты исчезаешь и зачем продолжаешь красть карты? Вот теперь – все!

Бран слегка подался вперед, почти на кончик сабли.

– Ясно. Тебе нужен лишь мой ум. О каком Капюшоне толкуешь?

– Белая хламида, щупальца... Ничего не напоминает?

В его глазах загорелся хитрый огонек.

– Давай так: ты положишь карты на кровать. На счет «три» мы оба попытаемся их схватить. Если выиграешь, я тебе расскажу. А если победа останется за мной, ты будешь моей.

– Я?

– Кстати, милый бантик, – подмигнул он.

Я посмотрела вниз. Разумеется, халат распахнулся. Теперь весь мир в курсе, что у меня на трусах бантик.

Я запахла халат.

– И как долго я буду твоей? До скончания веков?

Бран смерил меня оценивающим взглядом.

– Не обижайся, но ты не настолько горяча, чтобы на тебе сошелся клином свет. На разок сойдет.

Надо отдать ему должное – польстить женщине и одновременно ее же и оскорбить нужен особый дар.

– Никаких исчезновений в клубах тумана при попытке взять карты!

Он примирительно поднял руки.

– Как скажешь.

– Клянись именем Морриган, что отдашь долг, если я выиграю.

Игра была рискованной. Судя по реакции Брана, он колебался. Имя Морриган для него имело авторитет, то есть, похоже, она ему покровительствовала.

– Клянусь Морриган исполнить свою часть обязательств.

Имя богини он произнес на старый манер. Наверное, именно так и следовало поступать в его случае.

Я положила «Погибель» на постель и, не отводя глаз от противника, туда же пристроила и карты.

– Три шага назад!

Мы одновременно отступили: он к середине комнаты, а я к стене, где стоял стул.

– На «три»! И... раз, – сказал Бран, наклоняясь вперед, точно бегун, – два...

И рванулся к картам!

Я схватила стул и обрушила на него. Бран повалился как подкошенный. Я врезала ему еще разок – хотела убедиться, что он не встанет, перешагнула через лежащее тело и забрала карты.

– Победа за мной.

Еще бы комната перестала вращаться, все было бы отлично.

Застонав, он изрыгнул поток непристойностей.

– Не стоит недооценивать женщину, – я потыкала его ногой. – Имя Капюшона?

- Пастырь Болгор из фоморов.

Вокруг Брана закружилась дымка, и он исчез.

Ноги меня подвели, и я рухнула на кровать. А ведь фоморы – старые враги Морриган. Запах рыбы обрел смысл: чем еще смердеть морскому демону? Я нахмурилась.

Бран служил богине, а она и фоморы друг друга не выносили. Пазл сложился. Но зачем пастырю Джули?

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Дерек, а следом две женщины-оборотня.

Я протянула ему карты:

- Держи. Едва не ограбили! За тобой должок.

Парень забрал карты и принялся их обнюхивать, а женщины тем временем проверили окно.

- Он ушел, – провозгласила та, что помоложе.

Волчонок задрожал от злости.

- Я его найду! Никто не смеет поступать так с нами дважды.

- Что стряслось? – осведомился вошедший Кэрран.

Дерек побледнел. Ему предстояло объяснить вопиющее нарушение режима безопасности. Удачи тебе, вундеркинд!

В вихре тумана в комнате возник Бран, распахнул мой халат, сдернул его с плеч, сжал меня и поцеловал, ударившись зубами о мои зубы. Я пнула его коленом, но он ожидал этого и заблокировал удар бедром. Потом сообразил, что не получится залезть ко мне в рот языком, и отпустил.

- Ты все равно станешь моей! – пообещал он.

Кэрран рванул к нему, но поймал лишь завихрения дымки.

Я вытерла рукой рот.

- Он тебе не навредил? – спросил Царь Зверей.

Если бы я могла метать глазами молнии, спалила бы его на месте!

- Зависит от того, что ты понимаешь под словом «навредил». Незачем шоу устраивать.

Тот в ответ разразился ревом.

- Очень впечатляет. Только он тебя не слышит!

Я запахнула халат, забралась в кровать и натянула одеяло до ушей. Смущаться за эти несколько часов я уже устала.

Я проснулась от того, что на меня кто-то смотрел. Открыв глаза, я увидела лицо Джули в дюйме от своего. Целую минуту мы изучали друг друга.

- Ты не умрешь? - тихо спросила она.

- Прямо сейчас - нет.

Такие фразы обычно оборачиваются немедленной смертью. Наверное, крышу вот-вот проломит шальной метеорит и угодит мне прямо в голову.

- Хорошо! - счастливым голосом отозвалась она, забралась ко мне в кровать и свернулась калачиком в углу, обняв колени руками. - Я ужасно испугалась. Мне всегда страшно, когда мама уходит на работу. И когда Рэд исчезает.

- Нелегко так жить.

- Что поделаешь...

И чем ее утешить? Большинство детей не понимают, что такое смерть. Думают, уж они-то будут жить вечно и с ними никогда ничего не случится. Но Джули в полной мере, как взрослая, многое осознавала и не могла смириться. Чем тут поможешь?

- Ты сказала Рэду... Я хотела спросить... - если удастся подобрать верные слова. - Предлагала ему что-то. Что именно?

Она пожала плечами.

- Секс. Рэд знает ритуал, который передаст ему мои способности, если мы займемся любовью.

Я, онемев, уставилась на нее. Ответ оказался настолько оглушительным, что у меня на секунду парализовало мозг.

- Мне они не нужны, - продолжила Джули. - Подумаешь, ерунда. Вижу я цвета магии, и что? А если передам дар Рэду, он получит силу и защитит нас обоих. Я готова хоть сейчас, но он хочет подождать. Говорит, если сделать это, когда я вырасту, он станет могущественнее.

- А ты мне веришь?

Вопрос застал ее врасплох.

- Ага.

Я глубоко вдохнула...

- Чар, которые передают способности одного человека другому, не существует.

- Но...

- Еще не все. - Я села и изо всех сил постаралась говорить спокойно. - Ведьмы владеют заклинанием, позволяющим недолго подражать чьему-то дару. Да, секс тут тоже прилагается. И в результате ты можешь заставить партнера думать, что он лишился силы, но на самом деле это не так. Ты и есть твоя сила. Она в тебе, в костях, в каждой клеточке тела. Люди именно поэтому сжигают бинты: магия остается в крови, даже когда повязку снимают с раны.

И если хоть кто-нибудь вздумает протянуть ручонки к моим бинтам, я его прикончу.

Джули удивленно разинула рот.

- Давай я расскажу тебе кое-что об обряде. Он называется «Зеркальный замок». Ты вообще представляешь, что такое секс?

Она секунду поколебалась – то ли доказывать мне, что я врунья, то ли щегольнуть взрослыми познаниями.

Победило желание впечатлить.

– Ага. Парень вставляет свою штуковину...

– Пенис.

– Пенис – в женщину.

– А что наступает в конце?

– Оргазм.

– И что тогда происходит с мужчиной?

Позвольте представиться, Кейт Дэниелс, специалист по половому воспитанию. Грохните меня уже кто-нибудь!

– Эякуляция. У него выделяется сперма.

– Именно так ты можешь забеременеть.

Джули кивнула.

– Помнишь, я говорила, что в крови содержится магия? В сперме она тоже есть. Мужское семя – очень мощное, в нем полно силы. «Зеркальный замок» работает так: ведьма – женщина – занимается с кем-либо сексом. Семя попадает в ее тело и остается жизнеспособным до пяти дней. Пока оно не погибнет, она может его использовать для подражания мужской магии. Получается слабее, чем у хозяина, но если ритуал соблюден, то ведьма получит способности. Кроме того, во время соития она накладывает на партнера заклинание, и чувства жертвы притупляются. Парень чувствует себя измотанным. Может попытаться воспользоваться магией, но не ощутит собственной силы. А потом действие чар закончится, и все станет как прежде.

Мне приходилось пару раз сталкиваться с использованием «Зеркального замка». В обоих случаях ведьму убивали сами пострадавшие.

В общем, есть замок, а ключ к нему всегда найдется, но оно того не стоит.

Это дурные чары, ими почти всегда злоупотребляют с неблагоприятными целями.

– Теперь ты понимаешь, почему заклинание работает только в том случае, когда его применяет женщина? Ее собственные соки не могут попасть в тело мужчины в таком количестве, чтобы оно подействовало в обратную сторону.

До Джули медленно доходило. Скорее бы закругляться.

– Кто-то, думаю – ведьма, наплел все это Рэду. Чары опасны, Джули. Много может пойти наперекосяк. Рэд знает о магии достаточно и понимает – занятие весьма рискованное. Если бы он как следует призадумался, сообразил бы, что заклинание работает только в одном направлении. Но он так жаждет власти, что ухватится за любую возможность.

Малышка сразу догадалась, куда я клоню.

– Рэд меня любит!

– Власть он любит больше. Если он твой парень, зачем ему пытаться лишиться тебя силы? Зачем так использовать? Ведь секс это... – я задумалась. – Близость. Любовь! По крайней мере, так должно быть, черт возьми. Им занимаются, когда хотят осчастливить другого человека и себя тоже.

Джули сморгнула слезы.

– Если я отдам Рэду силу, он будет счастлив, а значит, и я тоже!

Хорошо, что он куда-то свалил, попадись он мне сейчас – свернула бы его проклятую шею!

– Ты – сенсор. Одна на десять тысяч. Вам с мамой всегда приходилось туго, верно? Немного подготовки, Джули, и за три-четыре раза ты заработаешь больше, чем я за пару лет. Будешь грести деньги лопатой. Тебе оплатят обучение в школе просто за то, что ты скажешь, какого цвета магия у интересующего их предмета. Но даже будь твои способности самыми бесполезными в мире, если бы ты лишь могла заставлять людей пукать по щелчку пальцев – и тогда я бы сказала то же самое. Нельзя предавать себя, чтобы кого-то порадовать.

Джули спрыгнула с кровати и гневно притопнула ногой.

– Я сама решу, чему радоваться!

– Если что-то кажется тебе неправильным, вероятно, так и есть.

Она выскочила из комнаты и захлопнула за собой дверь.

Отлично справилась, Кейт. Спасибо природному такту, умению находить подход к людям и удачному выбору момента.

У молодых оборотней на обретение себя немного времени. После наступления переходного возраста у них два пути: поддаться природе и превратиться в люпуса или следовать Кодексу.

Первое означает совершенно утратить контроль над собой и слепо рухнуть в гормональный ад. Дикие оборотни питаются человечиною. Они упиваются страданиями и садистскими извращениями, изобретая новые и новые пытки. Вылечить их можно лишь пистолетом, мечом или когтями, иначе Лус-V сожжет их дотла. Они погибают молодыми, и трупы их выглядят чудовищно.

Соблюдать Кодекс – значит контролировать каждый шаг. Такие оборотни жаждут оставаться людьми и прилагают невероятные усилия, чтобы держать зверя на коротком поводке.

Кодекс подразумевает строгие моральные установки, дисциплину, ответственность, иерархию и послушание. В общем, то, что всегда сводило меня с ума.

Прошедшие испытание Кодексом приобретали одинаковые качества. Вышколенные перевертыши знали свои границы. Избегали курения, резких запахов, алкоголя и специй, поскольку вышеперечисленное притупляло нюх. А еще они редко впадали в крайности.

Исключение составляла разве что еда. Жрали оборотни всегда как в последний раз. И я не отставала: меня мучил дикий голод. Неизвестно, когда еще удастся перекусить.

На кухне я была одна – время завтрака давно миновало. Я едва успела приступить к трапезе, как появился Дерек и уселся напротив. С собой он принес старомодную жестянку из-под кофе и кусачки по металлу. Достал из банки большой гвоздь и провод, нарезал ее на двухдюймовые полоски.

Затем согнул железяку зигзагом, легко, словно глину, свернул пучок полосок и прижал их к гвоздю. Неплохо быть оборотнем!

– У вас здесь есть копия «Альманаха»?

Дерек вышел и вскоре вернулся с «Альманахом мистических существ».

– Спасибо!

Я занялась беконом, пролистывая фолиант. Ни одного упоминания о пастыре Болгоре. Ни слова о ривах. Я просмотрела главу, посвященную Морриган, – о парне-стрелке молчок. Разумеется, будь в «Альманахе» об этом сказано, я бы уже знала – несколько раз прочитала его от корки до корки. В деталях там иногда встречались ошибки, зато это был отличный путеводитель по миру магии.

Вскоре после того, как я положила себе добавки, пришла Джули и устроилась рядом со мной.

Волчонок добавил к гвоздю еще полосок, крепко зажал их и обвязал проводом.

– Дерек... Скажи мне, если бы какой-то юноша занялся с девушкой сексом, чтобы забрать у нее силу...

– Я бы ему что-нибудь сломал – ногу, например, или руку. – Он сильнее затянул провод. – Убивать, может, и не стал... Разве что если бы тот парень не отвязался бы от подружки.

– А если бы девушка захотела отдать ему свои способности добровольно? – продолжила я.

– Тогда бы я решил, что это очень глупо с ее стороны, – пожал плечами Дерек. – Такое вообще возможно?

– Нет.

– Повезло девчужке. Пусть поумнеет и найдет себе другого. – Он вручил Джули жестяную розу. – Держи. А ты, Кейт, позавтракала? Кэрран тебя зовет. Он на крыше.

Дерек проводил меня до лестницы. Я поднялась на третий этаж, откуда приставная лесенка вела к выходу, через который виднелся кусочек неба. Я вскарабкалась по ней и попала на плоскую крышу здания. Там повсюду были разложены всевозможные штанги и гантели.

Царь Зверей лежал на массивной скамье с усиленной стальной рамой.

Как раз жим лежа он и отрабатывал, размеренными движениями поднимая и опуская штангу. И он не жульничал – не позволял грифу отскакивать от груди.

Я подошла ближе. Гриф оказался толще моего запястья – похоже, изготовлен на заказ. Я попыталась сосчитать вес: средний весит примерно сорок пять фунтов, обычный диск столько же. Но оборудование Кэррана явно было нестандартным.

Штанга поднималась и опускалась. Вожак переоделся в поношенную футболку, под тканью виднелись вздымающиеся мускулы.

– И сколько ты жмешь?

– Семь сотен.

Ладно. Встану-ка, пожалуй, в сторонке и буду надеяться, что ты не вспомнишь о моем обещании надрать тебе зад.

– Хочешь подстраховать? – ухмыльнулся Кэрран.

– Нет, спасибо. Но могу подбодрить словом. – Вдохнув поглубже, я рявкнула: – Кто не страдает, тот не побеждает! Боль – это слабость, выгоняй ее собственным потом. Давай, жми. Трахни штангу!

Он разразился смехом. Он все сотрясался от хохота, а гриф остановился в опасной близости от его груди. Пришлось подойти и взяться за него. И я сразу же попала в весьма компрометирующее положение: голова Кэррана оказалась слишком близко к моим бедрам и тому местечку, что повыше. Не хотелось бы объяснять осатаневшей Стае, каким образом их господину размозжило грудь в моем присутствии.

Я напрягла спину. Без помощи Царя штангу мне ни за что на свете не поднять.

Дело продвигалось еле-еле.

– Хватит забавляться, Кэрран, поднатужься!

Я опустила глаза вниз: он смотрел прямо на меня. И улыбался. Похоже, зрелище, как я пыхчу и надрываюсь, бесконечно его веселило.

Наконец он подтолкнул вверх штангу и вставил ее в крепления. Я торопливо отошла,

увеличивая между нами дистанцию. Он уселся, снял футболку и вытер ею пот с груди. Медленно. И даже, чтобы доставить мне удовольствие, немного демонстративно.

Я отвернулась и принялась рассматривать пейзаж. Ниточка слюны, свисающая с уголка рта, определенно испортила бы мой образ. Кроме того, вздумай Кэрран красоваться в полную силу, я могла бы и лишиться чувств. Или прыгнуть с крыши. Нужно срочно с кем-нибудь трахнуть! Иначе гормоны взбунтуются и окончательно сведут меня с ума.

Подошел Кэрран и встал рядом. Перед нами раскинулся разоренный город, пытающийся побороть грядущую Вспышку. Вдали виднелись обломки небоскребов. К ним вел извилистый лабиринт улочек. Там, где природа победила руины, он был расчерчен зеленью.

Может, мне померещилось. Кэррану просто не нравится ходить потным, потому он и вытирался, а не рисовался передо мной. Опять я слишком много о себе возомнила.

- И что ты собираешься делать с ребенком? – поинтересовался он.

- Доставлю в орден. Под ним есть хранилище с армированной дверью двухфутовой толщины. Охранные чары на нем такие, что их не пробьет целая дивизия из Подразделения сверхъестественной обороны. Сейчас это самое безопасное место в Атланте.

Орден владел и другими помещениями, но статус у меня – слишком низкий, и потому я не имела представления ни о их местонахождении, ни о предназначении. Я бы и о хранилище не узнала, если бы Тед не решил его от меня скрыть. Поставьте меня рядом с дверью, на которой красуется надпись «Только для лиц с правом доступа», и рано или поздно я постараюсь проникнуть туда и узнать, что же там такого секретного.

- Оставляй ее здесь, – предложил Кэрран. – Мы за ней присмотрим.

- Спасибо за предложение. Честно – я признательна. Но за ней охотятся твари. В ордене она будет в целости и сохранности. Не хочу нести ответственность за чью-то смерть.

- Ты ведь понимаешь, что оскорбила меня? – вздохнул он.

- Каким образом?

- Намекнула, что я не смогу защитить ребенка или своих людей.

Я удивленно на него уставилась.

- Я вовсе не это имела в виду.

- Извинись и забудем.

Я крепко сжала железные перила крыши. Схватиться за штангу и огреть как следует сиятельного господина – не лучший дипломатический ход.

- Простите, Ваше Величество.

Проявила вежливость. И чуть не сдохла.

- Извинения приняты.

- Что-то еще?

Ваша Чванливость.

- Нет.

Кэрран поднял огромную гантель и приступил к скручиваниям, работая бицепсами.

Я повернулась к выходу, но остановилась.

Его Величество в хорошем настроении... Расслаблен и не съехал от моего поведения с катушек. Сейчас – самое время.

– Мьонг...

Он издал предупредительный рык.

– Я сказал – позже!

Технически «позже» уже наступило.

– Мне кажется, она его очень любит.

– Ты забываешься! – рыкнул он. – Довольно.

– Она ведь такая покорная, боится тебя. Ей потребовалось мужество, чтобы поговорить со мной.

Он отшвырнул гантель. Та полетела и с громким стуком ударилась о крышу, оставив вмятину. Кэрран, сверкая глазами, шагнул ко мне.

– Если я ее отпущу, мне понадобится замена. Будешь добровольцем?

Выглядел он при этом так, словно ответа «нет» не существовало. Я выхватила «Погибель» из ножен и попятилась к краю.

– Подружкой номер двадцать три? Чтобы меня вышвырнули вон, как только на горизонте замаячит номер двадцать четыре с сиськами побольше?

Вряд ли.

– Неужели? – Кэрран продолжал наступать.

– Конечно! Охмуряешь девиц, они начинают от тебя зависеть, а ты их бросаешь. В кои-то веки женщина тебя опередила, ушла первой, и твое гипертрофированное самолюбие не сумело этого пережить. Подумать только, я-то пыталась потолковать с тобой, как с разумным человеком. Если бы на Земле мы остались только вдвоем, я бы нашла себе плавучий остров, лишь бы убраться от тебя подальше!

Я почти добралась до выхода, но тут Кэрран замер, скрестив на груди руки.

– Мы еще посмотрим.

– Не на что смотреть. Спасибо, что спас и накормил. Я забираю ребенка и ухожу.

Я нырнула в проем и начала спускаться по лесенке.

Кэрран не стал меня догонять.

Почти добравшись до первого этажа, я наконец сообразила, что натворила. Заявила альфе всех оборотней, мол, ад замерзнет раньше, чем я окажусь в его постели. Это ведь не только прощальный поцелуй любому сотрудничеству со Стаей, но и вызов Царю. Очередной.

Я остановилась и пару-тройку раз стукнулась головой о ближайшую стену.

Держи рот на замке, идиотка!

У подножия лестницы показался Дерек:

– Вижу, аудиенция прошла отлично?

– Отстань.

– Уезжаешь?

Я перестала биться головой и посмотрела на него.

– Не возражаешь, если я отправлюсь с вами?

– Зачем?

Дерек помрачнел.

– Мне нужен вор. А к тебе он неровно дышит.

Взять с собой вервольфа, который способен обогнать меня, гнет розы из металла пальцами, а в случае неприятностей подхватит Джули и умчится ракетой? Жутким телкам с акульими зубами его никогда не поймать. Дайте-ка подумать...

– Конечно, присоединяйся!

Каким-то чудом телефон работал. Как бы я ни хотела отсюда убраться, рисковать, отправляясь в пешее путешествие, не собиралась.

Максин сняла трубку после первого гудка:

– Капитул ордена в Атланте. Чем могу помочь?

– Максин, это я. Переключи на Теда.

– Его нет.

– Тед всегда на месте. И где же он?

– Уехал по важному делу.

Как же так?

– А Мауро?

– Его тоже нет, да и почти всех рыцарей.

Что стряслось-то?

– А кто остался?

– Андреа.

Ну и дела...

– Можно с ней поговорить?

Раздался щелчок, а потом голос Андреа:

– Привет, Кейт.

«Привет, Андреа... Знаю-знаю, люпусы тебя потрепали, но не могла бы ты приехать и забрать меня вместе с волчонком-перевертышем из резиденции оборотней?»

Я глубоко вдохнула. Надеюсь, она не страдает от посттравматического синдрома.

– Прости, мне очень неловко тебя просить, но выбора нет. Нужно переправить маленькую девочку в орден и спрятать ее в хранилище. Мне понадобятся три лошади.

– Без проблем. А где ты?

– В юго-восточной резиденции Стаи, – мой голос дрогнул. – Встречу тебя на углу Гриффин и Атланта-авеню. Со мной будет оборотень.

– Жди на месте и не дергайся, – не задумываясь, отозвалась Андреа. – Скоро буду.

Я позвала Джули – та опять вооружилась моим ножом, – потом Дерека, и мы отправились в путь.

– А куда мы идем? – поинтересовалась малышка по дороге к Гриффин-стрит.

– В орден.

Город стряхивал остатки магии – волны целую ночь напролет то накатывали, то убывали. Рано утром в свои права вступил период передышки и человеческих технологий.

– И что мы будем делать? – не отставала Джули.

– Орден отлично защищен. Ты останешься с Андреа. Она очень милая леди.

– Нет! Я с тобой.

Я пригвоздила ее тяжелым взглядом.

- А теперь забудь о демократии, милочка.

- Ни за что!

Я продолжила шагать.

- Мне нужно искать твою маму. Ты ведь хочешь, чтобы она нашлась?

- Я хочу с тобой.

На углу Гриффин и Атланта-авеню дорогу нам преградила толпа, окружившая подъемный кран. Худенькая воровка с темными волосами ловко обчищала карманы зевак. Она понемногу подбиралась к нам. Джули вытащила нож и наградила воришку мрачным взором. Та сразу сменила курс.

Кран заскрипел. Трос оборвался, и над толпой взмыл огромный рыбий хвост, а после показалось и изогнутое туловище, покрытое бирюзовой чешуей. Каждая чешуйка была больше моей головы. И блестела от влаги. Что-то знакомое... Но где же я могла видеть рыбий хвост размером в три этажа? Подобное зрелище вряд ли забудешь.

- Что это?

Ко мне повернулся мужчина средних лет с лысиной на голове, со значком бригадира на кожаном жилете.

- Рыба - с рыбного рынка.

- Тот бронзовый памятник?

- Когда-то был из бронзы...

- Как он попал сюда из Бакхеда?

- Ночью тут была река, - встала женщина слева от меня. - Я из окна видела.

- Но земля сухая, - возразил бригадир.

- Говорю вам, здесь текла река! И вода была чистой как слеза, словно призрачной. Никогда раньше такого не видела!

- Пока Вспышка не кончится, мы еще не то увидим, - сплюнул в грязь бригадир.

Мы стояли в сторонке и смотрели, как рыбину поднимают вверх.

- Ты не можешь меня бросить! - заявила Джули.

Учитывая нашу последнюю беседу, я бы скорее решила, что она с радостью воспользуется шансом от меня отвязаться.

- Забыла про тех тварей? - рявкнула я, и малышка побледнела. - Они рядом. Ты им зачем-то нужна, и они не сдадутся. Поставь себя на мамино место. Ты бы позволила дочери отправиться с какой-то чудачкой на охоту за ривами или предпочла бы, чтобы твой ребенок остался в безопасности?

У Джули вытянулось лицо.

- Ты - не моя мама и не можешь мне указывать, - пробормотала она, но по ее тону я поняла - спор окончен.

- Считаю, что я - вместо нее.

- Ты похожа на чокнутую тетюшку, которую зовут на помощь, только когда надо кого-нибудь вытащить из тюрьмы, - вставил Дерек.

Я погрозила ему пальцем, а волчок только улыбнулся.

- Джули, я отвечаю за тебя. И так будет, пока я не отыщу твою маму. Она любит тебя. Она – хороший человек и заслуживает, чтобы ее нашли. И чтобы ее дочь осталась цела и невредима. Не дай бог отыскать ее и узнать, что с тобой что-то случилось...

«И даже если у меня ничего не выйдет, она бы хотела, чтобы ты была в надежных руках».

На другом конце перекрестка показалась Андреа. Она ехала на мерине, ведя в поводу трех лошадей.

Скакать бы галопом до самого ордена, но на дороге возник затор. Город знал, что идет сильная магическая волна, и торопился взять от технопериода по максимуму. Пришлось довольствоваться неспешной рысью.

Андреа ехала впереди, Джули плелась следом, с перепугу сжимая поводья так, что белели костяшки, а мы с Дерекком тянулись позади. Я старалась держать его подальше от Андреа.

Когда твоя напарница становится люпусом и пытается заживо выгрызть тебе потроха, у тебя развивается некоторая неприязнь к оборотням. Зачем искушать судьбу?

- Вообще-то он терпеливый, – произнес Дерек, поравнявшись со мной.

- Кто?

- Кэрран.

- Пока окружающие играют по его правилам, – кивнула я.

- Неправда. Ты видела его только в условиях стресса.

- Он ведь Царь Зверей. У него вся жизнь – сплошной стресс, – я вздохнула. – Не хотелось выводить Кэррана из себя. Просто время выбрала неподходящее. После тренировки в нем выиграл адреналин, вот он и отреагировал жестче обычного. Не стоило к нему лезть с вопросами, только и всего.

И еще в его присутствии я не способна держать язык за зубами. Кэрран меня просто достал!

- Вспышка виновата, – добавил Дерек. – Из-за нее труднее сдерживаться.

- Если выпадет шанс, я постараюсь сгладить обстановку.

Ну-ну, мечтать не вредно. После такого скандала я, должно быть, до скончания дней останусь для Стаи персоной нон грата.

Лишь когда мы спешили, добравшись до здания капитула ордена, я вздохнула с облегчением.

Распахнув дверь, я подозвала Джули:

- Поднимайся на второй этаж, мой кабинет – первый слева, там не заперто.

Малышка шмыгнула внутрь.

Пока мы с Андреа вели лошадей в стойла, я посвятила ее в историю о пропаже матери Джули, о ривах и о мистере Капюшоне, известном как пастырь Болгор. Волчонок стоял на страже, но, без сомнения, слышал каждое слово: слух у любого перевертыша куда острее людского, а у моего друга он был исключительным.

- Фоморы! – удивилась Андреа. – Куда катится мир?

- Меня интересуют три вещи: что они здесь делают, зачем им Джули и куда пропала ее мать.

Она покачала головой и усмехнулась.

- Понятия не имею. Но это не по моей части. Я стреляю, ремонтирую гаджеты, разбираюсь в теории резонанса Пост-сдвига. Но спроси меня о фольклоре – вытянешь пустой билет. А вот о девочке я позабочусь.

- Прости, что взвалила это на тебя.

Андреа покосилась на Дерека.

- Хватит разводить церемонии. Если надо – я сделаю. Мне все равно торчать в ордене: такова стандартная практика в период Вспышки, минимум один рыцарь обязан быть на месте. Поэтому ребенок останется под моей защитой.

Я заколебалась. Нужно еще кое-что уточнить, и если кто и мог мне помочь – так это именно Андреа. Она – образцовый рыцарь, досконально знающий все правила ордена.

- Говори же, – заявила она, прочитав мои мысли.

- Может, написать ходатайство о предоставлении убежища?

- Переживаешь насчет оговорки об угрозе человечеству? – нахмурилась Андреа.

- Да.

Преимущество ходатайства заключалось в том, что с момента его подачи каждый рыцарь ордена будет защищать Джули от любой опасности. Однако тем самым она попадала под их опеку, а значит, на нее распространялся и пресловутый пункт об угрозе. И если данную угрозу станет представлять сама малышка, рыцари будут обязаны ее устранить. Орден не имел привычки расправляться с маленькими девочками, однако, по мнению Теда, благополучие многих стоило жизни нескольких.

Я не имела представления, зачем пастор и ривы охотились за ней. Может, кто-то напророчил фоморам дитя, которому предначертано уничтожить мир? Еще и не такое бывало. Мне не хотелось найти Джули с перерезанным горлом. Разумеется, орден устроит все таким образом, что она умрет быстро и безболезненно, что отнюдь не утешало.

- У меня для тебя хорошие новости, – улыбнулась Андреа. – Подавать ходатайство не нужно. Она – сирота, о родственниках ничего не известно. Согласно пункту номер семнадцать, ты можешь взять ее под временную опеку, поскольку сама она по закону заключить договор не может. Заполни форму двести сорок, и орден будет считать Джули твоей подопечной. На время Вспышки семьи рыцарей могут легально укрыться в ближайшем отделении, не попадая под пункт об угрозе. И если девочка ни на кого не нападет, у них не будет права ее нейтрализовать.

- Не знаю, согласится ли она подписать документы. Она еще верит, что ее мать жива. Впрочем, как и я, – по крайней мере, я надеялась на это. – Но у нас могут возникнуть и неприятные последствия.

- Тебе не требуется ее подпись. В том и состоит вся прелесть: нужно лишь свидетельство хотя бы одного рыцаря, кроме тебя самой, что ты действуешь в интересах девочки. Повезло тебе – такой рыцарь у тебя есть, – от уха до уха улыбнулась Андреа.

- Спасибо, – от всей души поблагодарила я.

- Без проблем. Хоть развлекусь, а то умираю со скуки. Если нахлынет магия, мы спустимся в хранилище, а если ривы нападут во время технопериода – потренируюсь в стрельбе по мишеням.

Дверь распахнулась. Оттуда сломя голову вылетела Джули, врезалась в Дерека и забила в его руках.

Он схватил ее и приподнял над землей.

- Да успокойся ты! Объясни же!

Она напряглась и выплюнула лишь одно:

– Вампир!

Он поджидал наверху – прямо у меня на столе. Лысая, до ужаса отощавшая тварь в оболочке из человеческой кожи, обтягивающей стальные мускулы. Голый, мерзкий и почивший лет эдак тридцать или сорок назад упырь. Кто-то обильно намазал его фиолетовым кремом от загара. Тот почему-то не впитался, а высох коркой, словно кровосос надувал гигантский пузырь из виноградной жвачки, и он лопнул, залепив вампира с ног до головы.

– Шутить изволите?

Он разлепил губы и голосом Гастека произнес:

– Как всегда рад тебя видеть.

Конечно, кто же еще! Интересно, это Натараджа, Племена в Атланте, специально отрядил его для переговоров со мной или Гастек сам подрядился выполнить работенку?

В кабинет ворвалась Андреа. Внезапно у нее в руках оказалась пара пистолетов, нацеленных в морду незваного гостя.

– Прекрасное оружие! – отметил Гастек.

– «ЗИГ Зауэр P226», – сообщила Андреа. – Шевельнись и лишишься глаз.

– Ты всерьез считаешь, что сможешь опередить вампира? – Гастек говорил совершенно спокойно – не провоцировал ее, просто любопытствовал.

Она слегка улыбнулась.

– Неужели и правда хочешь проверить?

– И дернуться не успеешь, как она снесет тебе башку, – заметила я. – Уж поверь, я как-то замеряла скорость для дела.

Тогда я запомнила: Андреа в честном поединке не одолеть, та еще выйдет потеря. Я быстра, но не быстрее пули. И времени вытащить саблю из ножен требовалось чуть дольше, чем пушку из кобуры.

– К счастью, нам не нужно сражаться.

Андреа кивнула, и пистолеты исчезли.

– Я буду в холле.

– Спасибо.

Она ушла, а я уселась в кресло.

– Вон с моего стола.

Упырь не шелохнулся.

– Гастек, или ты подвинешься, или я его подвину. Не потерплю хамства в собственном офисе.

Нежить сползла на пол.

– Я не намеревался тебя оскорблять.

– Отлично, сделаю вид, что не обиделась. Итак, чего тебе нужно?

– Как ты себя чувствуешь? Целы ли кости? Нет ли открытых ран?

– Нет. К чему столь внезапная забота о моем здоровье?

– Не случалось ли приступов головокружения? Ощущения прилива крови к конечностям после застоя? Легкого покалывания в груди и вдоль шеи, только исходящего изнутри...

Я уперла руки в бока.

– По каким конкретно причинам ты решил описать начальную стадию заражения вирусом Immortuus?

Вампир подкрался ближе.

– Причина только одна.

– Я не превращаюсь в упыря, Гастек.

Это невозможно физически. Моя кровь сожрала бы вампирские микробы на завтрак и попросила бы добавки. Мне никогда не стать нежитью – как и оборотнем.

Вампир осторожно приблизился еще на шаг.

– Пожалуйста, дай посмотреть твои зрачки.

– Говорю же, я не инфицирована. Меня не кусали.

– Сделай одолжение.

Я наклонилась вперед.

Вампир приподнялся и заглянул мне в лицо. Мы смотрели друг на друга – мертвец и я, – и меж нами оставалось меньше дюйма пространства. Мы почти соприкасались. Я заглянула в глаза упыря. Когда-то они были голубыми, теперь же из-за воздействия вируса капилляры расширились и налились красным. Там, в глубине, горел голод – всепоглощающая, неутолимая жажда. Если Гастек хоть на волосок ослабит контроль, выродок вопьется в меня, разрывая плоть в поисках горячей крови. По крайней мере, попытается. И тогда я его убью. Размозжу его мерзкие мозги, расплюшу, как комара. И это меня лишь порадует – даже доставит удовольствие.

Вот бы прикончить их всех... Пройтись по пищевой цепочке Племени – до самого Роланда, их легендарного лидера. У нас есть что обсудить, вот только беседу придется отложить, пока я не наберусь сил: сейчас он способен не моргнув и глазом стереть меня с лица Земли.

Вампир снова опустился на пол.

– Доволен?

– Да.

– Похоже, ты разочарован. Неужели тебе так приглянулась идея управлять мной после обращения?

Морда упыря исказилась: значит, Гастек где-то в бронированной комнате в глубинах «Казино» подмигнул мне.

– Как вульгарно, Кейт. Хотя из тебя вышел бы превосходный экземпляр. Ты в отличной физической форме и сложена хорошо. Не далее как сегодня утром я просмотрел пачку заявок. Половина кандидатов страдает от недоедания, у остальных – непропорциональные фигуры.

Гастек во всей красе. Эстет недоделанный.

Я вздохнула. Когда же он доберется до цели своего визита? Время шло, пора отправляться на поиски Джессики.

– У меня сегодня весьма плотный график. Буду признательна, если будешь попроворней.

– Прошлой ночью наш патруль обнаружил необычную нежить. Цепкие волосы, когти, прелюбопытная энергетика.

Когти, говоришь? Я перебрала в голове детали вчерашней битвы: ривы выпускали когти, когда подбирались ближе, готовясь убить. Ко мне одна за другой вломились две ривы, а

вот третья появилась позже. Она где-то задержалась.

Я брякнула наугад:

- И быстро необычная нежить расправилась с вашим патрулем?

Если Гастек и удивился, вида не подал.

- Меньше чем за десять секунд.

- Печально, правда?

- Это был молодой вампир. Мы его только заполучили.

Тоже мне повод...

- И почему я должна волноваться?

- Мы проследили энергетический след до твоей квартиры. Насколько можно судить по виду, открывшемуся в окно, помещение сильно пострадало. Хотя дверь, похоже, установлена новая. Старую сломали?

- И весьма эффектным способом.

Вампир помедлил. Вот мы и добрались до сути.

- Племя хотело бы заполучить эту особь.

Флаг вам в руки. Несомненно, Гастек был самым умелым повелителем мертвых в городе. Лучшие наемники и крутые вампиры. Взглянуть бы на него, когда он пожертвует несколькими своими кровососами ради попытки захватить риву - и все лишь ради того, чтобы в результате она обратилась бурой жижей.

- Как-то ты странно улыбаешься...

- Ничего не могу поделать.

- Раз уж все случилось у тебя дома... Племя просит тебя о содействии. Что именно ты знаешь, Кейт?

- Совсем немного, - предупредила я.

- В любом случае расскажи.

Да уж - Племя и правда жаждало обзавестись ривой. Возможно, им надоело управлять старыми добрыми вампирами.

- А мне-то что с того?

- Денежная компенсация.

В тот день, когда я возьму у Племени деньги, я перестану быть человеком.

- Не интересуется. Другие предложения?

Упырь, разинув рот, уставился на меня, пока Гастек раздумывал над вариантами. Я взяла пару бланков со стола, сунула их в пасть вампиру и потянула за края вниз.

- Что ты делаешь? - осведомился Гастек.

- Дырокол сломался.

- Никакого уважения к нежити!

Я вздохнула, изучая рваные отверстия на бумаге:

- У всех есть недостатки. Ты нашел выход или мне можно отправляться по своим делам?

– Я буду должен тебе услугу, – предложил Гастек. – Сейчас или потом, когда пожелаешь, я выполню твою просьбу. Разумеется, если не потребуется причинить вред себе или моей команде.

Я задумалась. Предложение серьезное. В руках опытного повелителя мертвых вампир становился непревзойденным оружием, а Гастек не просто опытен – высококвалифицирован. Такая услуга всегда пригодится. Даже если рива попадет в его загребушие ручонки, он примется испытывать тварь, стараясь определить, насколько она сильна. А та, как только получит серьезные повреждения, превратится в лужу слизи.

И в чем подвох?..

– Максин?

«Да, дорогая...»

– Гастек пообещал мне услугу за содействие. Есть какой-нибудь бланк, чтобы задокументировать наше соглашение письменно?

«Разумеется».

– Хочешь, чтобы я подписал договор? – вмешался Гастек.

– Ага.

Вампир разразился чередой задушенных хрипов, и до меня дошло, что он попытался воспроизвести смех хозяина.

В кабинет вошел Дерек. Он прислонился к стене, скрестив на груди руки.

– Твой товарищ все еще жив, – заметил Гастек, просматривая документы. – Надо же...

– Он очень стойкий.

Подпись Гастека в точности соответствовала росчерку на документах, завизированных им лично. Сей факт свидетельствовал о том, что он полностью контролирует кровососа. Это куда круче, чем просто заставить ползать по стенам или размахивать когтями. Я нехотя восхитилась уровнем его профессионализма – от повелителя мертвых у меня мурашки по коже бегали.

– Я весь внимание, – сказал он, как только Максин унесла бумаги к себе.

– Пару дней назад пропал любительский ковен. Ведьмы исчезли прямо с шабаша в расщелине под Ульем. Я пришла туда по другому заданию и обнаружила бездонную дыру, море остаточной некромантской магии и реки крови. А вот тел не было.

– Продолжай...

– Я подобрала дочь одной из ведьм.

– Та девочка, что забегала в кабинет незадолго до тебя? Не хотел ее пугать.

– Да. – Ни к чему объяснять, что у Джули вампирофобия, а поскольку магия ушла, уловить энергетику нежити малышка не сумела. Чтобы Гастек не начал ничего додумывать, добавила: – Она попросила меня о помощи, и я предоставила ей защиту ордена. Потом забрала девочку к себе, а ночью на нас напали.

– Сколько было нападавших?

– Трое, не считая погонщика.

– У них был погонщик? – напрягся Гастек.

– Да.

– Человек?

– Не совсем.

Я описала пастыря Блогора, заострив внимание на щупальцах, подробно описала рив и их волосы, когти и токсичную слизь на упомянутых когтях. Объяснила про морского демона, хотя о том, откуда информация, умолчала. Могла бы скрыть от Гастека экстравагантные особенности процесса гибели тварей, но сделка есть сделка, поэтому я выложила все начистоту: детально поведала, как они превращаются в жижу.

Зато историю о том, как сама едва не умерла, отредактировала, сократив до «получила удар в спину, отправила риву на тот свет и позвонила помощнику, который и доставил меня к целителю». Главное, почти не соврала. Насколько мне известно, никто не догадывался о том, что я могу подчинять вампиров, и для моей же безопасности лучше сохранить информацию в тайне.

Пока Гастек переваривал информацию, упырь изображал статую. Племя считает, будто у них монополия на занятия некромантией. Наверное, сама мысль, что по городу разгуливает посторонний погонщик, пусть даже демон, бесила Гастека.

– Меня заинтересовало прозвище – «пастырь». Похоже, это намек на его способность управлять нежитью. – Я побарабанила ногтями по столу. – Я тебе серьезно советую отказаться от поисков рив. Если их смертельно ранить, они тают.

– Что поистине прискорбно, однако хочется убедиться лично. Думаешь, пастырь вернется за девочкой? – спросил Гастек.

Кажется, он задумался, не стали ли ривами ведьмы из ковена «Вороньи сестры», обращенные в нежить какой-то странной силой, которую сами же и вызвали. Я тоже об этом размышляла.

– Девочка в хранилище ордена. Даже если вернется – ему не повезет.

– Что собираешься предпринять?

– Отправлюсь к эксперту, чтобы разобраться в бардаке. Фоморы, конечно же, хотят уничтожить Морриган, но я не представляю, как они оказались в городе, зачем им девочка или почему они выбрали конкретный ковен. Ведьмы поклонялись Морриган, но их глава в своем трейлере приносила жертвы друидским богам. Что-то не сходится.

– Почему бы не посетить орден друидов? – подсказал Дерек.

Гастек развернул вампира на пару дюймов.

– Незачем. Друиды потратили годы, чтобы откреститься от своего наследия. Едва слышат слово «жертва» – откажутся разговаривать. Катастрофа для репутации. Лучше привлечь эксперта со стороны.

Я встала.

– А еще лучше поскорее с ним встретиться. Как ты всегда говоришь, было истинным удовольствием пообщаться.

– Я отправляюсь с тобой.

– Прости, я вроде бы ослышалась...

Упырь развел руками, и от огромных желтых когтей размах стал еще шире.

– Я предложил тебе заманчивую сделку, а ты сообщила недостаточно фактов. У нас ведь контракт, Кейт. Там черным по белому написано: «полное предоставление любой информации, относящейся к указанному существу». Твои данные полными не назовешь. Как я должен во всем разобраться в одиночку?

Дерек стиснул зубы и резко оттолкнулся от стены. Я встала между ним и кровососом.

– Прекрасно. Будь добр, присоединяйся. Ты же понимаешь, что я не могу гарантировать встречу с ривами?

– А я уверен в тебе. Ты лишила его трех бойцов. Любой повелитель мертвых захотел бы поквитаться.

В итоге я выгнала оборотня и вампира за дверь и переоделась. С годами я научилась запасаться сменной одеждой – держала ее в кабинете, как и снаряжение. Спортивный костюм, одолженный в Стае, был симпатичным, но после игрищ с волосатыми и когтистыми ривами хотелось облачиться во что-то более плотное.

Я надела свободные штаны коричневого цвета и белую спортивную футболку из быстросохнущей микрофибры. Она быстро впитывала влагу, и в ней всегда комфортно, несмотря на летнюю жару. Такие же футболки спецназовцы носят под бронежилетами. Поверх напялила кожаный жилет, затянув шнуровку туго, но так, чтобы она не мешала двигаться. Боевой наряд довершили армейские ботинки: черные кожаные носы, каблуки, обитые той же кожей, по бокам – сетчатые вставки. Легкие – хоть в теннис играй. Круто развернувшись, врезала ногой по своей тени на стене, после чего отрегулировала шнуровку слева, чтобы жилет лучше сидел, и опустила ножны «Погибели» в кольца на спине.

Затем достала с полки потрепанный экземпляр «Крафт кроникл», нашла там заклинание «Зеркального замка» и заложила его карандашом вместо закладки.

А потом по длинной лестнице отправилась в хранилище. За стальной дверью в фут толщиной скрывалось пять комнат, где рыцари держали все – от оружия и книг до предметов, наделенных магической силой. Такой инвентарь должен быть под рукой, верно? В первом помещении находились раковина, холодильник, лежали спальные мешки и даже оказалась душевая размером со шкаф.

Андреа заряжала оружие, раскладывая его на столе. Стоило мне войти, как Джули застыла. А я-то думала, мы с этим уже разобрались!

Я изобразила лучшую из своих улыбок:

– Устраиваетесь?

– У Андреа есть вяленое мясо, а вон там – пицца, – вяло отозвалась малышка.

Господи, дети же в восторге от пиццы! Похоже, отношения у нас совсем разладились.

– Прости, ты на меня сердишься... Я принесла тебе книжку почитать. – И бухнула «Крафт кроникл» на стол.

Джули промолчала.

Что опять не так?

Проигнорировав повисшее было между нами напряженное молчание, я обняла ее.

– Я скоро вернусь, ладно? А ты побудь здесь. Андреа тебе понравится, она тебя защитит.

Джули выглядела так, словно вот-вот заплачет.

– А может, я вернусь с твоей мамой...

За такие обещания я отправлюсь прямиком в ад без задержки!

– Ты правда так думаешь?

– Надеюсь... У меня есть сабля и пояс.

Я погладила пояс, снаряженный серебряными иглами и полудюжиной мешочков с травами.

– Пояс Бэтмена ! – воскликнула Джули.

– Верно, Барбара . Оберегай пещеру, пока меня нет.

Джули сняла с шеи монисто.

- Возьми. Это не подарок, просто одолжу тебе его ненадолго. Ты ведь вернешь?

- Конечно. - Я спрятала его во внутренний карман жилета.

Мы с Андреа кивнули друг другу на прощанье, и я ушла.

В быстром темпе мы шагали улицами Бакхеда. Мало что выглядит столь же странно, как вампир, вынужденный бежать по земле. Он не способен передвигаться как двуногие, но и развить приличную скорость на четвереньках не в состоянии. Упырь перемещался прерывистой поступью, то бежал, то слишком высоко подпрыгивал, то и дело припадая к дороге. Галопировал кровосос совершенно бесшумно, его не выдавало ни клацанье когтей по асфальту, ни сбившееся дыхание.

Вампир – создание ночи, порождение тьмы, незаметный глазу смертоносный убийца. Освещенный полуденным солнцем, в антураже величавых старинных домов, утопающих в зелени, он выглядел гротескно и неправдоподобно, точно оживший кошмар.

А я думала о Джули. Она казалась такой одинокой... Но чтобы хоть как-то продвинуться в расследовании, нужно встретиться с Сайманом.

Надеюсь, он поделится информацией, и я сумею разобраться в запутанном деле, а потом вернуться за малышкой. Пусть посидит в хранилище, где с ней ничего плохого не случится. Хотя всегда что-нибудь может пойти наперекосяк. Но если Джули останется там, все будет в порядке. А покидать подвал ей незначит. Разве что начнется пожар... Есть ли внизу что-то легковоспламеняющееся?

Хватит! Так и с катушек слететь недолго.

А вампир уже в четвертый раз перебежал нам дорогу. Приученные к работе со всевозможными магическими созданиями лошади ордена все равно оставались лошадьми. Нежить они не любили. Не становились на дыбы, но гарцевали на месте и шарахались в сторону.

– Похоже, он нарочно, – проворчал себе под нос Дерек.

– Конечно. Он не выносит лошадей, – объяснила я. – Аллергия.

Фиолетовый упырь, вприпрыжку скакавший по правой стороне улицы, вдруг бросился к опоре телефонной линии. С проворностью ящерицы забрался примерно на двенадцать футов вверх, повертел головой, прыгнул и помчался причудливыми прыжками дальше. В обычной ситуации скорее в июле выпал бы снег, чем Племя позволило бы своему кровососу разгуливать среди бела дня. На солнце кожа кровососов в считанные минуты покрывалась волдырями, если, конечно, их не намазать с ног до головы фиолетовым солнцезащитным кремом толщиной в четверть дюйма. Любопытно, что заставило повелителя мертвых пойти на подобный риск, хотя упыря своего он от ожогов немного защитил.

– Гастек, что происходит во время Вспышки в «Казино»?

Тот помедлил с ответом.

– Оно переходит в режим полной изоляции. Там собираются все вампиры. Персонал поддерживает повышенную боевую готовность, запирает ставни и двери. Любая связь с внешним миром, если она не экстренного порядка, обрывается.

Во время Вспышки магия наращивает мощь, соответственно вампиры тоже испытывают прилив силы. Это сколько нужно некромантов, чтобы контролировать всех тварей? Вряд ли я действительно хотела узнать, а также оказаться поблизости, когда стальные канаты, удерживающие кровососов в узде, лопнут.

– Далеко еще? – спросил Дерек.

– Терпение есть главная добродетель, – напутствовал его Гастек.

– А читать мораль о терпении волку – глупость.

Парень впервые снизошел до прямого обращения к Гастеку, и по лицу оборотня было отчетливо видно – ему противно, что пришлось пасть так низко.

– Буду иметь в виду, если вдруг случайно решу заговорить со зверьем.

– Вы закончили?

– Разумеется, – отозвался Гастек.

– Мы и не начинали, – пожал плечами волчонок.

Я только вздохнула.

Кровосос подпрыгнул и заглянул мне в глаза.

– Тебя раздражает наш спор?

– Нет. Раздражает моя способность вляпываться в подобные ситуации. У меня просто талант. – Я повернулась к Дереку. – Эксперт живет в «Чемпион хайтс». Мы почти у цели.

– Бывший «Ленокс пойнт»?

– Ага.

– Твой приятель не бедствует, – заметил Дерек.

– Верно.

А мне придется опустошить банковский счет, чтобы расплатиться за предоставленную информацию.

Магия не любила небоскребы. Она вообще не любила все новое и технически сложное, но высотки ненавидела особенно. После Сдвига многоэтажки Атланты зашатались и рухнули, словно колоссы на глиняных ногах, образовав новую, изломанную линию горизонта. На ее фоне «Чемпион хайтс» торчал подобно бельму на глазу.

Семнадцатизэтажное здание возвышалось над Бакхедом благодаря глубоким карманам владельцев и сложным чарам, в которые поначалу никто не верил. Но они сработали просто отлично: многоэтажка из кирпича и металла еще маячила над ветхими сооружениями, а вдоль нее курсировала дымка, маскируя здание под гранитный утес. Иллюзию поддерживала сложная сеть заклинаний, обеспечивая существование «Чемпион хайтс». Стоимость апартаментов здесь приближалась к астрономической.

Снова нахлынула магия, да так сильно, что екнуло сердце. Дерек стиснул зубы. Лицо у него одеревенело, на предплечьях вздулись мускулы, а глаза зажглись желтым огнем.

Волоски у меня на руках встали дыбом: я застыла от силы его ледяного взгляда. Еще чуть-чуть, и он перекинется.

– Как ты?

Губы Дерек дрогнули, пламя во взоре погасло.

– Нормально, – отозвался он. – Но как-то неожиданно.

Вампир продолжал беззаботно скакать вперед.

– Гастек, ты в порядке?

Тот снисходительно улыбнулся Дереку.

– Лучше не бывало. Племя, в отличие от членов Стаи, не теряет контроль.

Глаза парня снова полыхнули золотом.

– Если я потеряю контроль, ты первый об этом узнаешь.

– Я весьма взволнован.

Мы завернули за угол и уткнулись в гранитную скалу, укрытую искусно оформленной порослью. Скала почти отвесно уходила вверх и, казалось, упиралась в небо, где снежные заметы обрамляли ее выщербленную непогодой верхушку. Вдруг оттуда вспорхнула стая птиц, и свет заходящего солнца отразился от их спин и крыльев.

Покружившись над зданием, птахи улетели в неведомые дали.

– Ого! – воскликнул волчонок. – Я думал, что оно только выглядит как скала, а это скала и есть.

– Наш пушистый друг опять позабыл о наступлении Вспышки, – заметил Гастек.

– Если вы не перестанете, отправитесь по домам.

Вспышка превратила «Чемпион хайтс» в гранитный утес. А ведь она еще не набрала полную силу, это только репетиция – настоящее представление впереди.

Мы спешили, привязали лошадей к перилам и по ступенькам поднялись туда, где раньше был вход, но обнаружили сплошной камень без единой трещинки.

Внезапно магия отступила.

– Окно, – заметил Гастек.

Действительно, на высоте третьего этажа поблескивало на солнце оконное стекло.

Кровосос сгруппировался, как кошка, и запрыгнул наверх, с проворством мухи отыскав на отвесной стене точку опоры. Он развернулся, свесился вниз головой и подал мне руку.

– Я сама заберусь, спасибо.

– Потеряем время.

– Ничего страшного.

Давненько мне не приходилось карабкаться по скалам. Дерек с упырем ждали целую минуту, пока я доберусь до окна. Гастек заставил кровососа отодвинуться в сторону, освобождая мне место.

– Ты нас задерживаешь. Как неэффективно!

– Отстань! – фыркнула я.

Дерек постучал в окно, ответа не дождался и ударил в стекло кулаком. Оно лопнуло, и осколки посыпались в квартиру. Мы по очереди проникли внутрь, вышли на лестничный пролет и отправились на пятнадцатый этаж. Никто из нас даже не упомянул законность этой выходки.

А потом я взяла небольшую передышку, чтобы отыскать нужную дверь.

– И он хороший эксперт? – осведомился Дерек.

– Очень умный и щепетильный. Можно сказать, нудный. Сайман обожает научные дискуссии. Он... как Гастек... – «Только повернутый на сексе!» – но вместо управления вампирами предпочитает книги и ночные полемике о достоинствах монгольского фольклора.

– Великолепно! – закатил глаза оборотень.

– А вы двое могли бы поладить, – сказала я упырю.

И снова нас затопило магией.

На сей раз Дерек оказался готов – он и глазом не моргнул. А вот вампир оторвался было от земли и замер.

Я обнажила клинок. Парень отступил, готовясь к прыжку. Если кровопийца сорвется с поводка, у нас будут проблемы.

– Гастек? – позвала я.

– Секунду... – невнятно отозвался тот.

- Ты теряешь над ним власть?

- Что? - Упырь опустился на пол и уставился на меня налитыми кровью глазами. - Как ты пришла к такому выводу?

- Ты застыл.

- Если хочешь знать, подмастерье принес мне эспрессо, и я обжег язык.

Волчонка передернуло от отвращения.

- Мы идем или нет? - осведомился Гастек.

Я воткнула «Погибель» в блок электронного замка. Как и многое в «Чемпион хайтс», замок оказался магическим - замаскированным под технику.

- О чем еще нам нужно знать? - спросил Дерек.

- Постарайся не пялиться на него, если он попытается выкинуть свой трюк. Он того и добивается.

Меня замутило от одних лишь воспоминаний.

- Какой трюк? - удивился Дерек.

- Сайман меняет внешность. Кажется, он способен принимать только человеческие облики, зато практически какие угодно.

- Он опасен? - несколько возбужденно поинтересовался Дерек.

Снова напомнила о себе клятва на крови.

- Я познакомилась с ним, когда работала на гильдию, и была его телохранителем. Спасла ему жизнь, и теперь у меня скидка на консультации. Короче, он мне потакает и одновременно пытается залезть в мои трусики. Но он безвреден.

Опустив руку на лезвие «Погибели», я вложила в него немного силы, а затем кончиками пальцев подтолкнула дверь. Створка распахнулась.

Вот и шикарная квартира. Ультрамодные декорации из стали и плюша представляли собой монохромное, почти стерильное единство.

- Сайман? - окликнула я, перешагнув через белый коврик.

Ответа не последовало.

Повеяло холодом. Огромное, от пола до потолка, окно было открыто - одна рама сдвинута в сторону. За ним виднелся широкий, усыпанный снегом четырехфутовый карниз - он огибал здание по периметру. Я высунулась наружу.

Карниз плавно поднимался к крыше. На снегу виднелись отпечатки босых ног.

- Похоже, Сайман отправился прогуляться по снегу. Босиком.

- Пойду первым, - сказал Дерек.

Не успела я ответить, волчонок нырнул в проем и принялся подниматься вверх. Проклятье! Я последовала за ним. Вампир позади меня стал карабкаться прямо по отвесной стене.

Всякие карнизы и дорожки ниже достоинства Гастека.

Ветер сбивал с ног. Я поскользнулась, вовремя оперлась о стену, присела и расчистила снег.

Внизу оказалась наледь. Ясно...

Под нами раскинулся город. С такой высоты он казался почти крошечным. Меня от него отделял лишь один головокружительный шаг. Я тяжело сглотнула. Мне многое под силу, но отрастить крылья и взлететь я не могла. Сразу после смерти отца, когда мне было пятнадцать, Грег увез меня в дом своей бывшей жены в Дымчатых горах. Именно тогда я последний раз побывала на подобной высоте. Но на краю горного утеса тобой владеет совершенно другое чувство. Если сравнивать с ползанием по узкому обледенелому карнизу, можно сказать, что посиживать на вершине, свесив ноги, невероятно комфортно.

Шквал ветра снова настиг меня. Я стиснула зубы и с трудом оторвалась от стены. Шевелись, мокрая курица! Одну ногу, другую... Не думая о падении, не глядя вниз. Господи, как высоко!

Земля манила к себе. Я почти хотела прыгнуть. Какого черта люди вообще живут в высотках?

Сверху послышался женский смех, после чего – низкий предупреждающий рык. Что еще такое?.. Я сосредоточилась и принялась продвигаться вперед. Я смогу! Просто нельзя останавливаться.

Чтобы подняться, пришлось обогнуть почти все здание. С этой стороны обзор закрывал живописный айсберг. Ветер принес еще больше смеха. Там что-то происходило... И что заставило Саймана гарцевать босиком по снегу? Откуда вообще он взялся? Ради всего святого, на дворе чертов июнь!

Я преодолела последние несколько футов, отделявших меня от цели.

Под белоснежным покровом оказалась твердая крыша. Наконец-то!

За глыбой льда нашелся и Дерек. Он замер, широко расставив руки, и скалился, издавая предупреждающий рык. Оборотень изо всех сил старался не дотрагиваться до блондинки, обнимающей его за плечи.

Девушка была обнаженной. Невысокая, с длинными ниспадающими волосами, с щедрой до непристойности фигурой: круглая попа, упругие бедра, округлые тяжелые груди, увенчанные розовыми сосками. И очень тонкая талия – чудо, что ее обладательница не сгибалась пополам под тяжестью сисек. Кожа блондинки сияла, будто подсвеченная солнцем изнутри. Так она и стояла – голая, бесстыжая и золотистая. Ходячий секс в снегах.

Взглянула на Дерека огромными глазами и промурлыкала:

– Щеночек! Поиграй со мной...

Взгляд оборотня запылал желтым.

Гастек позади него присел на краю крыши, не пытаясь помочь.

Взяв горсть хрустящего снега, я слепила шарик и запустила в красотку. Он ударился об ее голову и рассыпался.

– Сайман! Отойди от него!

Блондинка повернулась.

– Кейт!

Ее тело менялось со сверхъестественной скоростью. Женская фигура плавилась, как воск, обрастая мышцами. Она мчалась ко мне навстречу сквозь снег, на ходу извиваясь, вытягиваясь, и вот уже меня обнимал за талию мужчина – высокий, идеально сложенный и мускулистый – прямо древнеримский герой. Кожу изнутри подсвечивало то же золотистое сияние, что и у блондинки.

Волосы глубокого красного оттенка с вкраплениями золотых прядей струились до талии – совершенно гладкие, без единого завитка. Лицо худое и несомненно мужское, а ухмылка такая ехидная – того и гляди нарвешься. Он склонился ко мне, и я рассмотрела

его глаза. Они мерцали оранжевым – лучистые и сверкающие, с бледно-зелеными прожилками, напоминающими узор на окне в морозный день. Нечеловеческие глаза.

– Кейт, – повторил Сайман, прижимаясь ко мне.

Он возвышался надо мной по меньшей мере на полфута. Вокруг нас кружились снежинки, а его дыхание пахло медом.

– Рад, что ты пришла. Я подышал со скуки.

Ясно. Вспышка свела его с ума.

Я попыталась отодвинуться, но он держал крепко. Никогда не думала, что у Саймана настолько сильные руки. Нельзя сопротивляться всерьез, иначе Дерек совсем осатанеет. При виде женщины, вырывающейся из объятий голого мужика, который тяжелее ее фунтов на восемьдесят, защитные инстинкты разыграют у кого угодно, даже у человека, не связанного с жертвой клятвой крови.

– Дерек, спускайся в квартиру и дождись меня у окна.

Тот не двинулся с места.

– Ревнует? – рассмеялся Сайман.

Я отвела от него взгляд и посмотрела на оборотня.

– Пожалуйста.

Медленно, будто только что проснувшись, он повернулся и ушел.

– А как насчет вампира? – напомнил Сайман.

– Не обращайтесь на меня внимания, – отозвался Гастек. – Представьте, что я муха на стене.

Ублюдок!

Сайман коснулся моих волос, и коса сама расплелась. Миг – и волосы обрамляют лицо.

– Что с тобой произошло? – спросила я.

– Сильная магия! – еще шире ухмыльнулся Сайман. – Она поет у меня в костях. Разве ты не чувствуешь?

Еще как! Она пульсировала во мне, как вино из дикого винограда, – с тех пор как ударила волна. Сила бушевала внутри, стремясь вырваться, но я ее слишком долго сдерживала и не собиралась давать себе волю.

– Ты танцуешь? – уточнил он.

– Да.

– Так потанцуй же со мной, Кейт!

И мы пустились в пляс, кружась на снегу, взметая ногами сверкающие хлопья. Падать обратно снежинки отказывались, окутывая нас легкой пеленой. Это был буйный танец – быстрый и стихийный, я ничего не могла поделать – только следовать за Сайманом.

Выждав подходящий момент, я крикнула:

– Мне нужна информация!

Он схватил меня за талию, как пушинку поднял в воздух и покружил.

– Спрашивай.

– Мы слишком быстро танцуем, мысли разбегаются.

Он опустил меня на снег и придвинул ближе, вставая в классическую позицию: одной рукой обнимая за талию, другой бережно сжимая мои пальцы.

- А мы будем все делать медленно. Обними меня...

Вот уж нет!

- Сомневаюсь, что это хорошая идея.

Мы неспешно закружились.

- Меня преследуют какие-то твари.

Не совсем правда, но обстоятельства таковы, что краткость только на пользу.

- Их называют ривами, они - нежить. Хватают жертву волосами и связывают, как арканом.

- Понятия не имею, кто они такие.

- Ими управляет высокий тип в белой хламиде вроде монашеской. У него есть щупальца, его зовут пастырь Болгор. Говорят, он из фоморов.

- Такого тоже не знаю.

Черт возьми, Сайман!

- Что может понадобиться морскому демону в нашем мире?

- То же, что и всем, - жизнь.

Он прижался ближе, почти касаясь губами моей щеки. Его глаза затягивали, но я знала: если вглядываться в них долго, забудешь, зачем вообще сюда пришла.

- Пастырь охотится за девочкой. Можешь выяснить, зачем она ему?

- Могу, но вокруг столько силы... Я не в состоянии сосредоточиться. Лучше танцевать. Настало время магии, Кейт! Час богов!

Я хотела упомянуть вознаграждение, но Сайман всегда давал мне скидку: во-первых, потому что когда-то спасла ему жизнь, а во-вторых, я его забавляла. Его и раньше деньги не особо интересовали, а сейчас его мысли и вовсе бродили где-то далеко.

- А еще там замешана Морриган. И котел, - добавила я.

Лицо Саймана находилось в опасной близости к моему.

- Кельтам такое нравится. Котлы изобилия, познания, котлы оживления...

Его дыхание согревало мою щеку, и руки его тоже были теплыми. А ведь согласно физическим законам он давно должен замерзнуть!

- Котлы оживления?

- Врата в иной мир.

Он попытался откинуть меня назад, но я воспротивилась, и движение плавно перешло в поворот.

- Расскажи о них!

- Спроси у ведьм, они знают. Только попозже, когда магия пойдет на убыль.

- А почему?

- Потому что ты уйдешь, и мне снова придется скучать.

Неужто?

- Тогда расскажи о ведьмах. В какой ковен обратиться?

- А во все.

Сайман положил мою руку себе на плечо. Я попыталась отодвинуться, но он держал крепко, вжимаясь в меня здоровенным стояком.

Просто великолепно.

- Как я могу обратиться ко всем сразу? Их в городе полно.

- Очень просто. - На меня повеяло медовым дыханием. - Тебе нужно пойти к пифиям.

- У ведьм есть пифии?

Темп замедлился, мы почти топтались на месте. Я шагнула назад, направляясь к месту, куда выходил карниз.

- В Столетнем парке, - негромко сказал Сайман. - Их трое. Они вещают от имени ковенных. Говорят, у них есть проблема, которой им не одолеть.

- Тогда лучше отправлюсь к ним.

- Но снова я останусь один, - он покачал головой.

- Мне нужно идти.

- Вот так всегда! - Он повернулся и поцеловал кончики моих пальцев. - Не уходи. Повеселимся...

Вокруг нас начала расти ледяная стена. Да мы в считанные минуты окажемся заперты в иглу!

- Почему лед растёт?

- Он ревнует. К вампиру! - Сайман запрокинул голову и рассмеялся, будто не слышал шуточки забавнее.

Я отцепила его пальцы со своих плеч и прыгнула с крыши.

Приземлилась на корточки - на карниз, ударились спиной о лед и покатились по узкому уступу. Попыталась затормозить каблуками и уцепилась за стену, чтобы замедлить движение, но руки соскользнули. Я помчалась вниз, не в силах остановить падение.

Оказавшись в футе от конца карниза, вонзила в него нож и резко остановилась, но силой инерции меня несло вперед, и ноги сорвались с края. Я осторожно подтянулась обратно, стараясь не думать о бездонной пропасти, зияющей внизу.

Дерек схватил меня за плечи, втащил внутрь и аккуратно уложил на ковер.

- Эксперт, говоришь! - прорычал он.

- Больше - никогда. - Я наконец осознала, что не упаду с пятнадцатого этажа, не превращусь в лепешку, и с трудом поднялась на ноги. - Я твой должник.

- Ты бы и сама выбралась, - пожал плечами Дерек. - Я только немного помог.

Внизу, когда мы садились на лошадей, к нам присоединился упырь.

- Хорошо танцуешь, - заметил Гастек.

- Ни слова. Ни единого, понял!

- А Сайман хоть чем-нибудь помог? – спросил Дерек.

- Судя по всему, он сейчас готов помочь всем, включая вас. Он опьянен магией и умирает от скуки.

Я заплела косу и направила лошадь вверх по Мариетта-стрит к глухому лесу – бывшему Столетнему парку. Огромному – в двадцать один акр!

Разговор продолжать совершенно не хотелось.

Магия отступила, но через минуту могла вернуться: волны шли одна за другой, короткие и мощные.

- Похоже, он и правда любит с тобой поразвлечься, – заявил Гастек.

Вот гад!

- Окажись на крыше любой, Сайман менял бы форму, пока не нашел бы идеальный для гостя образ.

- Во всех смыслах! – Упырь снова перебежал лошадям дорогу.

- Спасибо за пояснение. Ты как-то не слишком спешил на подмогу.

- Но у тебя и так все было под контролем.

И Гастек послал вампира галопом далеко вперед. Если тебя в чем-то уличили – рви когти. Моя любимая тактика.

- Послушай, – начал Дерек, – я лишь хочу сказать, что, прежде чем к нему отправляться, стоило поделиться с нами необходимой информацией.

- Да не было у меня никаких сведений. Знай я, что он пляшет в снегу на крыше, вообще бы туда не ломанулась.

- И как в таких условиях помогать тебе и обеспечивать защиту?!

Я повернулась в седле.

- Я не просила меня защищать! И сопровождать! Если б я только подумала, что ты начнешь строить из себя Кэррана, ни за что не взяла бы тебя с собой.

Он поджал губы и замолчал.

Кровосос свернул налево к Столетнему проезду. Зря я это сказала.

Я осадил лошадь, и Дерек тоже остановился.

- Прости. Не хотела грубить.

- А с кого мне брать пример, Кейт? – спокойно спросил он.

Ответа у меня не нашлось.

- Ты ведь не собираешься пичкать меня дерьмом, что нужно оставаться собой? Я – сын люпуса и убийцы, не сумевший уберечь своих сестер. Отец изнасиловал их, а потом сожрал заживо. К этому мне нужно стремиться?

Я откинулась в седле, мечтая стряхнуть давящую на плечи тяжесть.

- Извини меня, Дерек.

Примерно минуту он не двигался, а затем кивнул. Вампир ждал посреди улицы.

- Не стоило к тебе приставать. Иногда меня заносит.

- Проехали. - Я пришпорила лошадь и двинулась вперед.

Я понимала, почему он такой. Видела пару раз, как тщательно Дерек складывает одежду. Всегда идеально выбрит, с аккуратной прической, ногти чистые и подстриженные. Готова поспорить, в его комнате ни одна вещь не валяется как попало. Прожив детские годы в хаосе, стремишься навести порядок во всем мире. Увы, реальность подчиняться отказывается, а потому приходится довольствоваться попытками контролировать себя, свои привычки и друзей.

- Просто я жутко нервничаю, - призналась я.

- Из-за Джули? - сообразил Дерек.

- Да.

Мне очень хотелось позвонить в орден и проверить, как они там, но я не знала, где найти исправную телефонную линию.

А сейчас - перед Всплеском, магия в таком состоянии, что работающих телефонов наверняка вообще не осталось. Андреа обещала быть рядом с Джули. Хотя ее и держали в узде, моя подруга не потеряла сноровку и могла с любого расстояния вышибить глаз белке.

- Тяжело тебе... - пробормотал Дерек. - В смысле, полагаться на других.

На секунду я задумалась, не стал ли он телепатом.

- Почему ты так решил?

- Когда я сказал, что ты переживаешь за Джули, ты так скривилась, словно у тебя геморрой обострился. Или же тебе очень тяжело...

- Эй! Никогда такого не говори женщине, всю жизнь проживешь одиночкой.

- А ты не меняй тему. Андреа - крутая. И пахнет приятно. Не переживай.

Похоже, чтобы определить, компетентен человек или нет, следует его обнюхать.

- Ты-то откуда знаешь?

- Просто доверься ей, - пожал плечами парень.

Двое мужчин, которых я больше всего любила и которыми восхищалась, всю юность вдалбливали мне, что полагаться следует на себя, и только на себя. Доверять другим? Легче сказать, чем сделать. Я переживала за Джули. И за ее мать. Получив в ордене должность посредника, я торчала в кабинете рыцаря-дознателя, потому что не имела ни малейшего представления о ведении дел. А он раньше служил детективом в Джорджии и знал практически все. У него я почерпнула несколько полезных приемов и узнала, что первые двадцать четыре часа после совершения преступления - решающие. Время идет, следы остывают. При розыске человека это означало, что шансы найти исчезнувшего живым тают с каждым часом.

С момента пропажи уже точно минуло сорок восемь часов - поезд под названием «Облажалась» вот-вот отойдет от перрона.

В этом расследовании не применялась ни одна из обычных процедур: сбор сведений у местных жителей, допрос свидетелей, определение мотива - кому было выгодно исчезновение потерпевшей.

Да и свидетели сгинули вместе с ней.

Я не представляла, куда могла исчезнуть Джессика, и лишь хотела, чтобы та вернулась целая и невредимая. На кухонном столе у нее дома я оставила записку с объяснениями, что Джули, живая и здоровая, находится у меня, и попросила женщину связаться с орденом. А сейчас я могла лишь потянуть за единственные известные мне ниточки - котел и Морриган, - и надеяться, что на другом конце меня не ждет ящик с динамитом.

Следуя за вампиром, мы свернули в Столетний проезд. Слева, закрывая обзор, возвышалась сплошная стена зелени. До Сдвига парк был просторным, с большими лужайками, разделенными дорожками, и аккуратно посаженными деревьями. С площадки Бельведера просматривалось все пространство целиком, от «Детского сада» до «Фонтана колец».

Теперь это место принадлежало городским ковенам. Ведьмы посадили быстрорастущие деревья, и зеленый барьер скрыл от любопытных глаз и загребущих рук тайны парка. Он стал огромным, просто колоссальным. Поглотил несколько городских кварталов, где раньше располагались офисные здания. Но видела я лишь живую изгородь. Должно быть, она выросла раза в четыре больше прежнего.

Удивительное дело, что столько ковен объединились выкупить парк. Человек, способный повелевать вампирами, принадлежит Племени, в противном случае ему приведут весьма существенный финансовый довод в пользу подписания договора. Наемники служат гильдии, поскольку им предоставляют пятидесятипроцентную скидку на услуги стоматолога и тридцатипроцентную – на медицинское обслуживание, а также – на цехового адвоката. Однако ведьмы – просто часть ковена, обычно состоящего из тринадцати членов. Вне собственной группы они не подчиняются никому. Я всегда раздумывала над тем, что же их объединяет. Но теперь точно знала: пифии.

Здорово, что Сайман с ума сходил от магии. В нормальных обстоятельствах я бы отвалила за его информацию круглую сумму. Разумеется, в нормальных обстоятельствах подобного безумия бы не произошло.

Атланта уступила парку немного пространства. Руины через дорогу расчистили, их место заняло новое деревянное здание с гордой вывеской «Желторотик».

Под ней крупными красными буквами красовалась надпись: «Жареная курица! Крылышки!» И ниже: «Не крысы».

В воздухе разливался запах цыпленка, и рот мой наполнился слюной. В птице хорошо одно – собачатину никак не замаскируешь под крылышки. М-м-м... Благодаря усилиям Дулитла обмен веществ у меня был как у чокнутой колибри. Аромат манил к себе. Вот выйдем из парка, и пусть хоть ад обрушится – поем курочки.

Похоже, у плотников со стройки, что маячила впереди, были схожие мысли. Работяги сидели на улице за деревянными столиками, грызли крылышки и наблюдали, как полуденное солнце поджаривает тротуар. Ощущая каждый камешек мостовой через подошвы изношенных ботинок, по Столетнему проезду брели ремесленники. Они держались другой стороны, подалее от зеленой изгороди. Хриплыми голосами свой товар нахваливали корабейники. Впереди на перекрестке торговец амулетами, невысокий мужчина средних лет, пританцовывал у повозки, потрясая разноцветными подвесками из бечевки и шнура.

Дорожный знак оповестил, что мы добрались до бульвара Эндрю Янга. Судя по знаку, он пересекал южную часть парка, возможно, прямо через площадь Столетия. Вот только от самого бульвара ничего не осталось.

Зелень разрослась буйно, словно восстав против секаторов. Над тропой нависли ветки, а побеги и вовсе упали на асфальт. Колючими хитросплетениями тянулись розовые лозы, мирт и вечнозеленые кустарники, обещая исцарапать путников в кровь с ног до головы. Без бензопилы сквозь заросли не пробиться. Мачете здесь не поможет. Впрочем, у меня его и нет.

Ведьмы уделали Кейт и компанию со счетом один-ноль.

– Похоже, бульвар нас никуда не приведет.

– Если бы ты удосужилась поинтересоваться, я бы тебе раньше подсказал, – упырь наградил меня жутким оскалом – улыбочкой, от которой любой нормальный человек отправился бы к психиатру.

И ведь верно! «Казино» воздвигли на месте бывшего Конгресс-центра. Если бы не пятидесятифутовые деревья, загораживающие обзор, небо сияло бы от серебристых

минаретов. Племя и ведьмы почти соседствовали. Да они, наверное, даже ходили одалживать друг у друга чашку сахара.

– Впереди есть вход.

Вампир помчался на север, к Бейкер-стрит.

Именно в этот момент из-за облака выглянуло солнце, заливая мир золотистыми лучами. Морщинистая фиолетовая шкура упыря засияла.

– Что-то здесь не так, – пробормотала я.

Дерек в ответ негромко рыкнул.

Я плелась вдоль стены из растений. Воздух наполнился ароматом цветов, щебетали птицы. Земля стала холмистой. Узкая тропинка ныряла прямо в заросли и сворачивала налево, превращаясь в мрачный туннель, ведущий в сердце леса.

Дерек задрал нос и принюхался. Оборотень!

– Чую воду.

Я принялась вспоминать план парка. Бейкер-стрит как раз рядом.

– А где-то неподалеку – парковый пруд.

Туннель ждал, как распахнутая пасть чудовища. Упырь Гастека придвинулся ближе. Мы с Дерексом спешили и привязали лошадей у разросшегося рододендрона.

Я заглянула в дыру. К чему тянуть?

– Есть идеи, как решить проблему? – произнесла я вслух.

– Ни единой, – отозвался Гастек.

Я вздохнула и нырнула в заросли.

Я преодолела лишь первые десять футов пути, и снова нахлынула магия. Она ударила: прямо выстрел из дробовика. Резко выдохнув, я вскрикнула, сердце сжало тисками, и я согнулась, прижимая руки к груди. Боль вскоре прошла, пьянящий прилив силы заструился по венам, артериям, сосудам и капиллярам, пока все тело не завибрировало от наполнившей энергии. Восторг захватил меня и поднял, за спиной буквально расправились крылья.

Вокруг уже распустились цветы, светящиеся белые и бледно-фиолетовые звезды. Зашуршали ветви, поползли побеги. В воздухе разлилась смесь ароматов – сладких и медовых, напоминающих запах розы. Из зеленого сумрака молча и незаметно бархатной поступью вышел Дерек и повернулся ко мне. На человеческом лице горели волчьи глаза. Я невольно содрогнулась.

На другой стороне тропинки скорчился упырь. Он затрясся и прильнул к зарослям, склонив голову на грудь. А потом кровопийца посмотрел на меня. Глазенки полыхнули красным. Нежить разинула пасть, но не издала ни звука, продемонстрировав пару желтых смертоносных клыков. Я в ответ пригрозила ему саблей.

Клык у меня только один, приятель, зато подлиннее твоих, задену – и жилистое мясо на твоих костях сгниет.

– Не волнуйся, – успокоил Гастек. – Он у меня послушный.

Выгнув спину, упырь убрался с дороги, задев мою ногу.

Потребовалась масса усилий, чтобы не шарahnуться прочь.

– Сделаешь так еще раз, я его прикончу.

– Всегда было интересно, почему ты ненавидишь нежить. Что тебя раздражает?

– Он ведь ходячий труп. От него воняет дохлятиной. Людям тошно, понимаешь? Абсолютно безмозглый. Если его спустить с поводка, будет убивать, пока не уничтожит все живое вокруг, после чего начнет пожирать себя. Что в нем может нравиться, Гастек?

Самое главное – этих тварей создал Роланд. Вот они – его творения.

– Польза от них с лихвой восполняет мелкие недостатки, – возразил Гастек.

Я махнула саблей.

– Тогда иди первым. Извлечем немного пользы.

Вампир возглавил процессию, и мы пошли гуськом: упырь, человек на грани обращения в зверя и я, замыкающая цепочку.

Зелень стала еще гуще, и мы продирались сквозь нее, согнувшись в три погибели. Избавившись от веток, цепляющих меня за косу, я наконец выбралась на поляну.

Здесь, как мачты гигантского корабля, высились ровные сосны. Их ветви так и тянулись друг к другу, и вокруг царил зеленый полумрак. Землю укрывал многолетний слой опавшей хвои, мягкие иголки пружинили под ногами. Воздух пропитался влагой. Слева доносился плеск воды, журчащей в искусственных водопадах.

Вампир вскочил на ближайшую сосну, взлетел примерно на двенадцать футов, устроился почти перпендикулярно стволу и принялся осматриваться.

– На два часа... – прошептал Дерек.

За соснами виднелся освещенный солнцем пролесок, разделенный на части ровными рядами трав.

Между нами и пролеском стояла женщина. Плотного телосложения, крепкая, но не пухлая, в длинном простом черном платье, ниспадающем с плеч. Цвет кожи на ее шее и

руках совпадал с оттенком опавших иголок. Черты лица скрывала жестяная маска, изображающая круглое лицо с расходящимися от него, подобно солнечной короне, густыми прядями волос. Но со второго взгляда стало ясно, что никакие это не лучи. У них не бывает чешуи и клыкастых пастей.

Горгона Медуза! В расщелине под Ульем я усмехнулась, вспомнив о ней, но теперь шутка стала явью. А все мое развитое воображение! В следующий раз воображу амбар, битком набитый пушистыми кроликами.

– Я – представитель ордена, – отрекомендовалась я. – Расследую исчезновение ведьм из ковена «Вороньи сестры». Вот мои помощники, – я кивнула на Дерека и вампира. – Прошу аудиенции у пифий.

Женщина ничего не ответила. Минуты летели прочь, как падающие сосновые иголки, одна за другой. В античной Греции горгона Медуза могла взглядом превратить человека в камень. Рядом со мной росла сосна. Если незнакомка снимет маску, рвану к дереву. Персей, отрубивший Медузе голову, закрывался зеркальным щитом. У меня же нет ничего. Даже у «Погибели» лезвие матовое, шансов – никаких.

Женщина повернулась и шагнула в солнечный свет. Я отправилась следом.

Каменистая тропинка виляла, поворачивая то налево, то направо.

Ведьма ступала по ней, подметая камни подолом. Маска закрывала голову до самого затылка, наподобие мотоциклетного шлема. Виднелась лишь полоска кожи над вырезом горловины.

По обе стороны от тропы раскинулся огромный сад. Цветы и травы росли ровными рядами. Вдалеке проглядывала ограждающая их вечнозеленая живая изгородь. Базилик, тысячелистник, мята, дикие маки, васильки, пушистый клевер, белые зонтики бузины... В поисках дикорастущих трав ведьмам не приходилось даже покидать территорию парка. Подобные растения использует в своих ритуалах большинство ковенов. Удобно, когда все нужное под рукой.

Память подсказала, что где-то неподалеку есть лужайка, но позади травяных грядок высились деревья – кизилы и дубы, покрытые испанским мхом. Они выглядели старыми: похоже, выросли здесь давным-давно. Непонятно, откуда я узнала про лужайку, но я помнила и ее, и фонтаны – много воды, бьющей из земли. И женщину... Очень высокую и смешливую. Лицо ее было размытым.

Дерек сморщил нос.

Я мельком взглянула на оборотня.

– Какое-то животное, – сказал он. – Странно.

– Какое?

– Не пойму.

Деревья впереди расступились, открывая взору холм посреди просеки. Вообще-то, он смахивал на курган, возвышающийся прямо над травой, как шляпка гриба-великана.

Его застилала плющ и дикие травы, но до самого верха они не доставали, и вот там и проглядывал отполированный серый мрамор с прожилками малахита и вкраплениями золота. На месте хозяина я бы не позволила зарости столь красивому мраморному куполу.

Медуза-самозванка обогнула холм и замерла. Мы – тоже.

Гастек послал костлявого упыря на холм, и тот застыл посреди плюща.

Дерек чихнул.

– Будь здоров.

Он снова чихнул, вытащил из-за пояса флягу и промыл нос. Проводница ждала.

Мы молчали. Легкий ветерок колыхал ветви деревьев. Пели птицы. А солнце, будто удивляясь нашему визиту, старалось нас поджарить.

Кровосос взвился вверх и приземлился в десяти футах позади нас. Дерек зарычал и опять чихнул. Землю тряхнуло. Я отпрянула назад.

Верхний слой почвы исчез, обнажив тяжелые плиты. Холм вздрогнул и начал расти. Из-под плюща показалась гигантская коричневая голова, со щек морщинистыми складками свисала плоть. На меня уставилась пара глаз, черных и блестящих, напоминающих огромные куски антрацита.

Черепаша.

Не возникло ни малейшего трепетания магии, ни аромата горячей травы, свидетельствующего о наведенной иллюзии. Настоящая живая рептилия.

Гигантский рот приоткрылся, челюсти распахнулись, и перед нами предстал черный зев пасти. Казалось, вот-вот повеет ее дыханием, но никакого запаха я не почувствовала.

Мать всех черепах опустила подбородок на траву и замерла.

Теперь-то я видела все.

Проводница склонила голову и указала на черепашую глотку.

– Туда?!

Она кивнула.

– Ты хочешь, чтобы мы вошли в черепаху?

Еще один кивок.

– Она же живая!

В ответ тот же жест.

– Нет, – и Дерек опять чихнул.

– Должен заметить, это несколько необычно, – голос Гастека дрожал от возбуждения.

Почему бы самозабвенно не радоваться расследованию, ведь проглотят-то не тебя...

Я посмотрела на вампира:

– Как быстро ты разорвешь ее, если она нас съест?

– Панцирь довольно толстый. Пойдем через шею. Втяни она голову – придется пробиваться через массу плоти.

– Другими словами, если она нас сожрет, нам конец.

– Грубо, но верно.

Я повернулась к проводнице.

– Ты идешь с нами?

Та отрицательно покачала головой.

Отличный план. Берешь легковых чужаков, выгуливаешь по окрестностям, а затем скармливаешь гигантской рептилии. И зверюшка сыта, и с заблудшими гостями разобралась. Все счастливы.

– Дерек, что ты чувствуешь?

Он шагнул вперед, глубоко вдохнул и чихнул уже дважды. Да у моего оборотня аллергия на черепах!

Господи, за что мне это все?

- Гниение? Дыхание животного?

Он потряс головой.

- Только вода. И цветы...

Я наставила саблю на женщину в маске.

- Если она нас проглотит, я прикончу ее и вернусь за тобой.

Она снова кивнула, но не отступила назад и не сбежала в ужасе. Может, я просто недостаточно грозная? Надо подумать, не обзавестись ли рогами и клыками.

- Я иду. А вы двое - можете оставаться.

Пригнувшись, я нырнула в черепашую пасть.

Черепаший язык, будто влажная губка, слегка пружинил под ногами. Мрак впереди, где начиналась глотка, сгущался. Я пригнулась ниже, чтобы не задеть небо, и направилась прямо туда.

Позади меня чихнул Дерек.

– Решился, да?

Очередной чих.

– Ни за что не пропущу.

Глотка плавно уходила вниз, на дне плескалась мутная жижа. С верхней части зева свисали длинные пряди, напоминающие водоросли. С них тоже что-то капало. Оставалось надеяться, что не кислота. Впрочем, пахло обычной водой из пруда и рыбой. Я достала метательный нож, наклонилась и опустила кончик в жидкость. Цвет не изменился. Потрогала лезвие – палец не обожгло. Вот и славно.

Я ступила в воду, поскользнулась и упала на пятую точку.

И за что мне это все?!

Вампир обогнал меня, бросив через плечо:

– Ты как всегда – воплощение грации.

– Заткнись.

Ботинки до краев наполнились черепашьей слюной. Кровосос шагнул вперед и исчез под водой. Я с трудом поднялась на ноги.

На поверхности показалась голова упыря.

– Тут глубже, чем думаешь! – предупредил Гастек.

Ха, поделом ему!

Вода доходила до пояса. Я брела во мраке, ориентируясь лишь по плеску, доносящемуся от ковыляющего вампира. Дерек наконец перестал чихать. Туннель повернул. Прошлепала вперед и остановилась: я оказалась в неглубоком бассейне. Поверхность воды усеивали кувшинки. Кремовые цветы светились. Над головой смыкался огромный купол. Высоко, на самом верху, панцирь черепахи был прозрачным. Сквозь него, озаряя щитки, струился приглушенный свет. На уровне наших голов стены приобретали темный оттенок: правда, сначала они зеленели от травы и плюща, покрывавших панцирь снаружи, а затем цвет переходил в черно-зеленый мрамор. На них были вырезаны прямоугольники, каждый со своим символом и именем, выгравированными сусальным золотом.

Все выглядело знакомым, но вместе с тем и неожиданным, и я не сразу поняла, где очутилась.

Крипта!

Вдруг раздался шум, и я повернулась. В нескольких футах впереди пруд заканчивался, а за ним, прямо за краем света, на той стороне, высился прямоугольный постамент, где в ожидании расположились три женщины.

Та, что справа – настолько высохшая и немощная, что могла быть прабабушкой пяти поколений. Ей давно перевалило за семьдесят. Волосы обрамляли голову ореолом тончайшего хлопка. Черное платье только подчеркивало возраст. Однако глаза пронзали меня насквозь. Она, прямая как шомпол, твердо восседала в тяжелом кресле, смахивающем на трон. Прямо стареющий хищник: одряхлевший, но готовый броситься при первых признаках крови.

Рядом с ней на кушетке римского стиля полулежала девушка немногим старше Джули. Вокруг струился складками черный шелк – одеяние было таким просторным, что его хозяйка практически в нем утопала. Бледная, с почти прозрачной кожей, она уронила голову на согнутую руку. Острые скулы, шейка едва ли не тоньше моего запястья... Зато светлые волосы ниспадали двумя роскошными косами.

Последняя женщина сидела в кресле-качалке и вязала что-то из бурой пряжи. Казалось, вся плоть товаров досталась ей одной. Дородная, пышущая здоровьем, с понимающей улыбкой, любовалась она своей работой.

Дева, мать и старуха – классика! «Взвейся ввысь, язык огня»?

Над ними на стене тускнела фреска. Высокая женщина на ней была изображена простым стилем, но точно, будто ее написал одаренный ребенок. Она воздевала вверх три руки: в первой держала кинжал, во второй – факел, а в третьей – кубок с обвивающей его змейкой. Справа – черный кот и жаба, слева – ключ и метла.

Перед женщиной, на перекрестке трех дорог, стоял огромный котел. По стенам к нему с обеих сторон мчались черные псы.

Пифии служили Гекате, повелительнице ночи, прародительнице ведьм. Хотя ее и знали под греческим именем, она была гораздо старше. Ей поклонялись целых два тысячелетия, а корни уходили в благодатную почву турецких и азиатских народных преданий. Греки слишком ценили богиню, чтобы пренебречь ее древним наследием и чарующей властью. Из всех титанов лишь Гекату Зевс оставил в своем пантеоне, и не в последнюю очередь потому, что любил ее.

Она – богиня выбора, победы и поражения, колдовства и древнего знания, страж границы между нашим и потусторонним мирами, защитница женщин и детей, попавших в беду.

Крайне неразумно недооценивать ее жриц.

Позади меня застыл в ожидании Дерек. Вампир выбрался из бассейна и скорчился на краю. Я поклонилась.

– Подойди, – изрекла старуха.

Я медленно двинулась по воде. Нашупала ногами каменные ступени и поднялась на поверхность.

– Ближе, – велела ведьма.

Я шагнула, но остановилась у границы чар, притаившихся в ожидании. Дерек последовал моему примеру, а вот упырь, не обратив внимания, пронесся к постаменту.

Старуха выбросила вперед руку с жесткими, как когти, пальцами. Из-под камней выскользнули меловые линии, словно их выдуло ветром, и заперли меня в круге из символов. Вампир, угодивший в такую же ловушку, рухнул навзничь. Зарычал Дерек. Ясно – тоже попался.

Ведьма самодовольно ухмыльнулась.

Я прошупала заклинание: сильное, но справиться можно. Остаться ли на месте в знак уважения или вырваться? Первое – проявление вежливости, а второе, вероятно, разозлит хозяек. Но захотят ли они вообще со мной разговаривать, если загонят меня в угол?

– Отпустите! – эхом разнесся по куполу голос Гастека. – Я пришел с добрыми намерениями.

Ведьма повела рукой вправо. Круг сместился, волоча за собой вампира, и тварь с глухим звуком врезалась в стену.

Глаза старухи удовлетворенно загорелись. Понятно.

Упырь поднялся на ноги.

– Это возмутительно!

– Умолкни, скверна.

Круг двинулся влево. Гастек попытался бежать в том же направлении, но символы, преградив вампиру путь, швырнули его на камни.

А ведьма уж слишком собой наслаждалась. Заклинание она не произносила, значит, чары наложены давно. Если бы я могла хотя бы уловить эманации ее магии, то догадалась бы, где их искать, но в круге символов вообще ничего не ощущала.

Дерек уселся со скрещенными ногами и принялся ждать, когда все закончится.

Дотянувшись до ремня, я вытащила пробку из пластиковой трубочки и бросила на чары щепотку порошка. Растертые в пыль рябина, ольха и полынь, перемешанные с железной стружкой, мелким облаком осели на полу, поблескивая металлом. Меловые линии потускнели, я вышла из круга и поклонилась.

Старуха оскалилась и простерла ко мне руки, хватая узловатыми кулаками воздух. Волна символов скользнула по камням, смыкаясь вокруг меня. На сей раз кольцо оказалось тройным. В основе – по-прежнему магия земли. Железо и дерево не помогут, придется выложиться полностью.

– Попробуй-ка разбить! – ведьма, торжествуя, откинулась на спинку кресла.

Я вытащила из ножен «Погибель» и вонзила ее в кольцо, вложив в лезвие максимум силы. Зачарованная сталь покрылась испариной и начала куриться прозрачной дымкой. Магия стиснула клинок. Первый круг символов распался. Моя шея вспотела от напряжения. Второй ряд заколебался. Руки затряслись. Я подалась вперед, посылая еще больше энергии в саблю. Круг разомкнулся, и я едва не упала.

Старуха вскочила, царапая ногтями воздух.

Меловые линии опять оказались у моих ног – еще три кольца.

Что еще такое?

Можно воспользоваться словом силы и освободиться, но я не собиралась устраивать Гастеку трехмерную демонстрацию. Круг не притупил его слух, а только немного убавил его магическое чутье.

Я убрала саблю, встала спиной к вампиру, перекрывая обзор, и проколола указательный палец. Показалась маленькая красная капля. Присев, я провела линию через все четыре кольца. Чары треснули, как стекло.

Ведьма отшатнулась. Я переступила линии, поклонилась и принялась ждать. Краем глаза заметила, что старуха, поколебавшись, подняла руку. В ее взгляде читалось сомнение: она не уверена, что сумеет меня сдержать.

Три раза она меня запирала, но три раза я вырывалась. Сакральное число для любой ведьмы.

А я больше не хотела демонстрировать Гастеку свою силу.

Старуха сжала кулак.

– Мария, пожалуйста... – сказала самая младшая.

Ее голос звучал слабо и безжизненно, но под куполом разнесся эхом.

Та с усмешкой опустила руку.

– Я пощажу тебя, если она просит. Пока.

Я выпрямилась и убрала «Погибель» в ножны.

– Я знаю тебя. – На меня смотрела дородная женщина, продолжая щелкать спицами. –

Дитя Ворона. Po-russki-to govorish?

- Да, говорю, - ответила я на русском.

- Но с акцентом... - неодобрительно цокнула она. - Не каждый день упражняешься, верно?

- Практиковаться не с кем.

- И чья в том вина?

Правильного ответа на вопрос не существовало, и я вновь перешла на английский:

- Мне нужна информация.

- Спрашивай, - позволила дева.

Второго шанса не будет.

- Пару дней назад исчез любительский ковен «Вороньи сестры». У одной из них, Джессики Олсен, есть дочь, Джули. Ей только тринадцать. Мать заменяет ей весь мир.

Ведьмы промолчали, и я продолжила:

- В деле замешана Морриган. На месте собрания сестер я обнаружила бездонную яму. Точно такая же, но поменьше, была в трейлере главы ковена - Эсмеральды. Она жаждала власти и проводила древние ритуалы друидов, уж не знаю почему. По городу рыщут фоморы под предводительством Болгора - своего пастыря. Им нужна Джули. Она просто дитя. Пусть ковен ее матери был дилетантским, но она ведьма, как и вы. Пожалуйста, объясните, что происходит. Мне нужно сложить кусочки головоломки в единое целое.

У меня перехватило дыхание. Пифии либо помогут, либо вышвырнут вон. Когда ковен говорит «нет» - это всерьез.

Ведьма-мать поджала губы.

- Морриган... - с неприязнью произнесла она, будто упоминала соседку, которая давно не мыла окна. - За ней всегда следует тот, кого мы называем Пес.

- Собака? - нахмурилась я.

- Человек. Пройдоха, вор и разбойник.

Я чуть не щелкнула пальцами.

- Высокий, темноволосый, с арбалетом, исчезает в тумане и не способен держать руки при себе?

- Да, - кивнула она с улыбкой.

- Мы виделись.

- Я догадалась, - еще шире улыбнулась она.

Если желаешь поразить собеседника умом, говори очевидное.

Ха. Я просто гениальна.

- Ты хочешь получить знания... Взамен нам нужен дар, - прошептала юная дева так задушевно, словно говорила мне на ухо, а не лежала на кушетке в шестнадцати футах поодаль.

Старуха откинулась назад, воздела руки вверх и широко их развела. От нее, как темные крылья, взметнулась магия.

Пол содрогнулся. Между мной и Дерексом разверзлась трещина, испуская волны мускусного аромата. По плитке разлилась глянцевая розовая жидкость и устремилась к

вампиру и волчонку.

Оборотень содрал с себя одежду и выгнул спину. Кожа на его груди треснула. На долю секунды стало видно, как движутся голые кости, текучие, как расплавленный воск. Затем они обросли мускулами, прорезался пух, мгновенно превратившийся в шерсть, и вот уже в круге стоял вервольф шести с половиной футов ростом. Пальцы стали когтями, а сами руки – огромными: такими он мог бы обхватить мою голову и раздавить, как яйцо. Получеловек-полузверь, воплощенный кошмар. Перевертыш в боевой ипостаси.

Не помню, как доставала «Погибель», но она оказалась у меня в руке.

– С ними ничего не случится, – заверила дева безжизненным голосом.

Красная волна обступила Дерека. Он поднял обезображенную голову, хватая клыками воздух, и издал долгий жуткий вой: скорбное рыдание, песнь охоты, погони и горячей крови на языке. Мое сердце затрепетало, и я крепче сжала саблю.

– Причините ему вред – сдохнете.

И никакая гребаная старуха меня не остановит.

– Он останется цел, – пообещала дева.

Волна захлестнула купол, заперший парня, и взмыла к потолку столбом струящейся жидкости.

Уму непостижимо! Спустя секунду в такой же колонне оказался и упырь.

– Они не видят нас и не слышат, – объяснила дева.

– И что за дар?

– Пес... – она беспокойно пошевелилась в складках своего одеяния.

– Принеси нам его кровь, – велела старуха.

– И на все свои вопросы... – добавила мать.

– Получишь ответ! – закончила юная ведьма.

Колдовской хор! Миленько.

– Зачем вам его кровь?

– Не важно, – ухмыльнулась бабка.

– Для меня важно!

– Тогда останешься с пустыми руками!

Дерьмо...

Я поклонилась.

– Спасибо за встречу. Отпустите моих помощников, и я пойду.

– Какая тебе разница? – спросила мать.

– Не собираюсь отдавать кровь, насыщенную настолько сильной магией, пока не пойму, зачем она вам.

С помощью такого средства можно наслать проклятие на Брана или даже поразить чумой целый город. Я знала – врать они не станут. В современном мире магии и технологий репутация означала буквально все.

– Это твое последнее слово? – уточнила мать.

Даже ради Джули или Джессики я не могла так поступить – это было бы неправильно.

Цель не всегда оправдывает средства.

– Тогда проваливай! – рявкнула старуха.

Я развернулась.

– Погоди... – остановил меня голос девы, пронизанный волшебством.

Я посмотрела на нее.

– Нет! – карга свирепо воззрилась на товарку.

– Да, – прошептала та. – Другого пути нет.

Она встала и – прямо как скальп – «сняла» с черепа свои волосы. Голова ее теперь оказалась совершенно лысой. Складки платья скользнули вниз. Дева осталась нагая, в одних лишь трусиках. Усилие далось ей так тяжело, что ведьма чуть не упала. На ее ребрах можно было сыграть, как на ксилофоне. Грудь и вовсе отсутствовала.

Торчащие колени были чрезмерно большими и непропорциональными для тонких, как спички, ног. По левому бедру ужасающим наростом тянулась гряда уродливых шишек.

Ведьма вздернула подбородок, от нее струились волны магии. Голос девы наполнил купол, овладел моими ушами, пронзил разум.

– Мы – пифии. Мы служим ковенам. Они полагаются на нашу силу, мудрость и предсказания. Мы сохраняем мир, защищаем их. Посмотри на стены: здесь, в утробе черепахи, похоронены наши тела. Обращаясь в прах, мы возрождаемся в юной плоти. Когда умирает одна из нас, появляется на свет дитя, чтобы занять освободившееся место. – Дева впиалась в меня сияющим взглядом. Над ней черным пятном на сером фоне возвышалась трехрукая Геката. – Мы – кинжал, знание и факел, что разгоняет тьму.

Старуха – кинжал, знание, должно быть, ведьма-мать, а факел стоял напротив меня.

Огонь разгоняет тьму...

Она наделена пророческим даром.

– Я предвидела, что кто-то придет, но не знала кто. – Дева глубоко вздохнула. – Я умираю. Мое тело страдает от опухолей, магия и медицина бессильны. Я не боюсь смерти. Когда уйду, через три года родится следующая пифия и заменит меня. Но ей нужно время, чтобы набрать силу. Я слишком больна, а Мария стара.

То есть из троих останется одна... И так будет продолжаться не меньше десяти лет, пока другие ведьмы себя не проявят.

Я посмотрела на мать, чтобы та подтвердила мои догадки, но она с искаженным от горя лицом прикрыла рукой рот и наблюдала за пифией.

– Мы не пытаемся обмануть природу. Нельзя обратить вспять старение Марии. Но есть способ вылечить меня. – Дева пошатнулась. – Существует зелье – мой последний шанс. Кровь пса Морриган исцеляет все. Ты хочешь спасти девушку? У тебя есть такая возможность. Спаси меня! Принеси кровь, и я расскажу все, что ты хочешь знать.

Она упала на кушетку. Мать встала и укутала хрупкую пифию одеянием.

Черный шелк, казавшийся столь роскошным, напоминал погребальный саван.

– Сколько нужно крови? – спросила я.

Мать выпрямилась и вытащила из рукава пластиковую пробирку.

– Этого хватит. Нажми сюда и потяни вверх. Появится игла. Когда соберешь кровь, закрой крышкой и принеси. – Она тоже вздохнула. – Ты должна встретиться с ним в тумане. Это место принадлежит Морриган. Там его кровь наиболее могущественна. И еще одно условие: ее нельзя ни взять силой, ни купить за деньги, ни выменять на какую-то услугу. Нужно отдать ее по доброй воле, иначе она утратит магию.

И как, во имя всех святых, я должна такое повернуть?!

Я взошла на постамент и забрала пробирку.

– Как попасть в туман?

Мать потянулась за своим вязанием и передала его мне.

– Крапива и волосы Пса, сплетенные вместе. Ты ведь умеешь призывать?

– Да.

Где она достала его волосы?

– Уж постарайся. А сейчас ступай. Сиенне нужно отдохнуть.

Красные столбы схлынули, явив вампира и монстра, что когда-то был моим напарником. Круги дрогнули и исчезли, и ко мне с глазами, горящими желтым огнем, подошел Дерек.

– Возмутительно! – прошипел упырь.

– Что, по-твоему, я должна была предпринять?

Я выбралась на Столетний проезд, вытряхнула из головы ветви и отправилась за курочкой.

Обычно я не ела жареное, но сегодня все иначе. Я танцевала на снегу, ползала в черепаших слюнях, угодила в ловушку из чар. Черт возьми, крылышки я заслужила!

Вампир поплелся за мной.

Клиенты с подозрением на него покосились, но никто не двинулся с места. Таковы жители Атланты – подумаешь, ходячий мертвец, да наплевать! А потом они увидели Дерека. Стулья закричали – кое-кто не выдержал и бросился прочь.

– Курицу будешь?

Помесь человека-пса с острова доктора Моро и собаки Баскервилей кивнула.

– Эй! – Коренастый работяга, сидевший за ближайшим столиком, ткнул в меня куриной ножкой. – Я не стану есть в одном помещении с этим!

Я наградила его тяжелым взглядом.

– Кажется, ты не так голоден?

Парень сразу заткнулся.

Я кинула двадцатидолларовую купюру на стойку и забрала картонное ведерко жареных крылышек вместе со сдачей. Голод и безденежье страшно выматывают. По крайней мере, хоть ненадолго набью живот и порадуюсь.

Я взяла курс к лошадям, привязанным у туннеля – поесть можно и на ходу. Бросила в лапу Дереку пригоршню крылышек. Он сунул одно в рот и выплюнул косточки.

– Даже не возражай, Кейт! Ни слова! – покосился на меня упырь. – Ты вообще ничего не предприняла. Я ожидал с твоей стороны сотрудничества.

Я с великим трудом не наговорила ему гадостей, но стерпела. У нас разногласия профессионального характера.

– Гастек, поправь, если я ошибаюсь, но контракт, подписанный нами, подразумевал, что я передам всю информацию касательно рив. Я данный пункт выполнила.

– Кейт...

– Пожалуйста, позволь закончить.

Морда кровососа в замешательстве вытянулась. Господи, надо почаще вести себя вежливо.

– Хорошо.

Магия вдруг отступила. Схлынула, исчезла так внезапно, что сердце на мгновение замерло. Я отдышалась и продолжила:

– Ты решил, что полученная информация незначительна, и попросился меня сопровождать с единственной целью – узнать о ривах побольше. Ты трактуешь контракт подобным образом, но в нем записано иначе. Нам обоим известно, что официально тебе нечего мне предъявить.

– Позволь не согласиться.

– Я взяла тебя, потому что посчитала требование справедливым, а вовсе не из-за нашего

соглашения. У меня нет перед тобой обязательств. И прошу отметить: в контракте нет ни единого пункта о том, что ты или любой другой представитель Племени являетесь частью расследования исчезновения Джессики Олсен. До сих пор ты старательно вставлял мне палки в колеса и едва не испортил встречу с ведьмами. Как представитель ордена обязана предупредить, что не потерплю дальнейшего вмешательства в наши дела. Однако, являясь и представителем гильдии наемников, сообщаю: если тебе требуется защита от ведьм, можем договориться насчет гонорара. Не люблю работать телохранителем, но раз мы давно знакомы, сделаю исключение.

Вампир потрясенно воззрился на меня.

– Кто ты, – наконец выдавил Гастек, – и что сделала с Кейт?

– Я та, чья работа – урегулирование конфликтов между гильдией наемников и орденом. У меня масса свободного времени, и я провожу его, изучая устав ордена и справочники гильдии. Может, мне лучше вернуться к своему обычному стилю общения?

– Согласен.

– Ты недооценил ведьм, распустил язык и получил по заслугам. Хватит ныть.

Я взяла куриное крылышко. Наконец-то еда!

Дерек глухо заворчал, издав утробный угрожающий звук. Волчок едва сдерживался. Я повернулась. Оборотень застыл, уставившись на живую изгородь Столетнего парка. Ноги широко расставлены, спина сгорблена, шерсть на загривке вздыбилась, черная губа обнажила огромные клыки, из пасти рвется рык. Волосы у меня на затылке тоже встали торчком.

Ведерко с крылышками я отставила на обочину и потянулась к «Погибели». Коснулась кожаного плетения эфеса – пожала руку старому другу.

Вампир припал к земле.

Я присмотрелась к деревьям. Густая зелень – от корней до верхушек, будто выгравированных на слепящем оранжево-золотистом фоне заката, – выглядела неприступной.

Над изгородью пронеслась рива. Полупрозрачная кожа отсвечивала красным, волосы развевались подобно огромным черным крыльям, готовым придушить любого.

Обойдется! Технопериод в самом разгаре.

За первой ривой явилась ее близняшка, потом еще одна и еще. Пятая, шестая... Сколькими одновременно мог управлять пастырь? Они еще висели в воздухе, когда я бросилась вперед. Первая рванулась ко мне, работая ногами и широко разведя руки. Она парила, может, ей вовсе не нужно было касаться земли?

– Моя! – Упырь врезался в тварь и запрыгнул ей на спину, впиваясь серпами когтей в бледную шею.

Одним рывком кровосос оторвал риве голову.

– Они ядовитые! – крикнула я Дереку и ринулась ко второй.

Она взмахнула прядями, но у меня оставалось пространство для маневра, и я увернулась, ударив наискось саблей, – ведь под волосами наверняка скрывалось туловище. «Погибель» вонзилась в плоть. Удар получился как по учебнику – я вытащила клинок из раны, и голова ривы повисла на обрубке шеи на тонком лоскутке кожи и мяса.

Тварь ухнула на землю. Дерек вонзил в третью нападавшую огромную когтистую лапу и рывком выдернул у монстра кусок позвоночника.

Следующую обезглавил вампир.

Очередная гадина встретила меня во всеоружии. Я снова рубанула саблей, практически повторив тот удар, но на сей раз слева. Рива уклонилась, но я замахнулась с другой

стороны и вонзила саблю ей в бок. «Погибель» вспорола плоть и вырвалась на волю, брызнула серая кровь, и чудище свалилось на землю. На меня бросилась еще одна рива. Когти царапнули мою одежду, пытаюсь ее разорвать. Копна волос загородила обзор. Я прижалась теснее к твари, прямо к ее зубам. В нос ударила вонь рыбьих кишок. Рива такой близости явно не ожидала, удивилась и потеряла драгоценную секунду. Окутанная ее волосами, я обняла ее, как любовника, и вонзила клинок прямо в мякоть под подбородком.

Тварь упала как подкошенная.

Дерек поднял окровавленную морду от изодранной спины пятой ривы.

– Не кусай!

Вот дурень. Образцовый волчара – жизнь ему не в радость, пока не нажрется ядовитой дряни. Вампир тем временем загнал последнюю риву к деревьям.

– Вынужден заметить, что они не растворяются.

Та в ответ зашипела и выпустила когти.

– Растают! Ха!.. Ведьма Запада из страны Оз... сгинет, когда магия проснется.

– Так я тебе и поверил.

И вампир начал подкрадываться ближе к риве.

Почему он ее не убивает?

Бока кровососа задрожали. Он припал к земле. Рива снова зашипела и вдруг застыла. Длинные ноги ее свело судорогой.

Что? Он же не?..

– Да ты рехнулся.

– До «Казино» – лишь миля, вполне в пределах моей досягаемости, – голос Гастека звучал глухо, как со дна бочки.

Рива и вампир завибрировали в унисон.

– Ты не можешь управлять обоими!

– Сейчас проверим.

Хватит. И я направилась к риве с саблей наготове.

Та, пошатываясь, замахнулась и полоснула вампира когтями. Багровые царапины, возникшие у того на груди, сразу же затянулись.

– Как славно, что ты решил поиграть, – раздался изо рта кровососа голос Гастека.

– Ты взгляни, что тут творится!

Я развернулась на пятках: клиенты, которые смылись при первом же намеке на неприятности, вернулись и решили насладиться спектаклем.

– Пошли вон! – рявкнула я.

Они не обратили на меня ни малейшего внимания. Черт бы побрал случайных прохожих!

Рива разинула пасть, и оттуда донесся сухой и шипящий – настоящий шорох опавших листьев под ногами – голос пастыря:

– Сдавайся, человек.

– Пастырь Болгор, я полагаю? – вскинулся упырь.

Риву снова одолели корчи. Она рухнула на колени, плечи ее тряслись.

– Тебе нас не остановить, – проскрежетал пастырь. – Врата в иной мир распахнуты. Великий Ворон ведет армию. Вглядишься во тьму, человек, и узришь, как смерть грянет тебе навстречу.

– Неплохая речь. Почти по Шекспиру. – Вампир качнулся вперед, и рива повторила его движение.

И нас затопила магия. Тела тварей, разбросанные повсюду, превратились в лужи. Рива хлестнула волосами, черные пряди обвились вокруг упыря, сжимая ему горло. Кровосос не сопротивлялся. Я почти добежала до них. Лужа слева от меня высохла, испарилась с неслыханной скоростью, но прежде ее поверхность покрылась рябью, а уж потом задрожала земля.

Послышался глухой удар. Ветхий фургон на северном перекрестке тряхнуло, он повалился на бок и рассыпался на куски. Из-за обломков вылез монстр. Рост – восемь футов, кожа – зеленая. Он неповоротливо и тяжело переступал ножищами, напоминающими колонны. Голову увенчивал рогатый шлем. Туловище скрывала кольчуга не меньше сотни фунтов весом. Андре Гигант расплакался бы, завидев плечи великана.

Из-под кольчуги монстра свисал мясистый хвост, трясущийся в такт шагам.

– На колени перед Угадом, Молотом Великого Ворона! – торжествующе провозгласил пастырь.

Угад по прозвищу Молот?!

– У тебя мания величия, приятель. Его бы Буббой лучше назвать.

Джаггернаут топал напрямик к нам. Зрители разбежались, как мыши. Ошеломленный внезапно воцарившейся тишиной торговец талисманами уставился на приближающегося монстра. Порывшись в оберегах и принялся трясти перед Угадом кругом из ленточек. Великан не обратил на это ни малейшего внимания. Он задел повозку бедром, та опрокинулась на тротуар, и амулеты яркой мешаниной рассыпались по земле. Угад прибавил шаг, и тут выяснилось, что на голове у него никакого шлема нет. Рога оказались его собственными, растущими прямо из черепа, покрытого спиралями татуировок.

Позади зашипел вампир. Я оглянулась: рива отступила прочь, а кровосос остался один. Кроваво-красные глазенки буравили меня. Жаждающим взглядом – диким, всепоглощающим.

Погонщик тварью уже управлял.

– Гастек!

Ответа не последовало.

Он потерял контроль.

Кровосос напряжился, а затем с когтями наготове прыгнул на меня. Но еще в воздухе его сбил мохнатый комок мышц. Дерек, рыча, опрокинул тварь на землю, а упырь впился клыками в плечо оборотня.

Угад бросился ко мне. Уклонившись, я подрезала саблей его подколенное сухожилие. Такая рана должна была свалить монстра, но тот лишь обернулся, замахнувшись на меня мясистым хвостом. Он просвистел, как дубинка, несущаяся с огромной скоростью. Я отскочила и рубанула по хвосту. Монстр застонал и врезал мне в ответ.

Кулак приближался, но деться было некуда: я оказалась зажата между ним и хвостом.

Удар свалил меня с ног. Отлетев в сторону, я приземлилась на плечо и так лихо прокатилась, что онемела спина. Сумела подняться и крутанулась – хвост пролетел прямо надо мной. Толстая ножища плюхнулась туда, где секунду назад была моя голова.

От огорчения Угад взревел, вены на его шее вздулись. Сколько уязвимых мест!

Был бы он чуть пониже ростом, и я могла бы достать...

Он топнул еще раз, я отскочила назад. Замахнулся, но я не пошевелилась. Что угодно, лишь бы добраться до цели. Лапа размером с лопату сгребла меня, зажав руку с саблей, и подняла вверх – к поросычьим глазкам Угада. Кости протестующе охнули. Перед моим лицом возникла морда чудовища. Тусклые глаза под беспорядочной массой татуировок зажглись злобным ликованием.

Тату, значит.

Зубчатые знаки, выгравированные на башке монстра, внезапно обрели смысл, сливаясь в слово силы. Затылок взорвался болью, утопившей мир в огненном всплеске.

Я не могла ни вздохнуть, ни крикнуть, не ощущала ничего, кроме урагана боли, сопротивляясь слову. Нужно завладеть им, иначе оно выжжет мой разум. Я должна его произнести.

Горло сковало, голос отказывался повиноваться. Меня пронзила такая мука, будто в каждую клеточку тела вонзали иголки, а затем я буквально взорвалась и выкрикнула, лишь бы все это прекратить:

– *Осанда!*

Как же больно...

Умираю.

Действительность обрушилась на меня с кристальной четкостью. Монстр тяжело грохнулся коленями на асфальт. Сквозь разорванные мышцы выглядывали белые осколки костей. Угад застонал, и стон его был исполнен потрясения и боли.

Преклонись! Слово велело жертве опуститься на колени. А я-то надеялась на что-то вроде: «Вали отсюда и сдохни».

Угад сжимал и стискивал меня из последних сил, но по сравнению с муками, которые я пережила, овладевая словом силы, железные лапищи монстра казались легким поглаживанием.

И какая разница, Кейт! Прикончи его, потом будешь сравнивать.

Левой рукой я перехватила «Погибель», полоснула шею Угада поперек, прямо под подбородком, отворяя второй влажный и красный рот. Брызнула багрово-серая кровь. Пасть чудовища распахнулась в последнем безмолвном вопле.

Я освободилась. Угад рухнул на землю, превратившись в лужу, попутно окропив меня маслянистой жидкостью. От прикосновения чуждой магии мои губы загорелись.

Отплевываясь, я попыталась стереть липкую жижу с лица, чтобы открыть глаза, но только еще больше размазала эту гадость. Рот покалывала моя собственная кровь. Нос разбит, не повезло. Полезла в карман за какой-нибудь тряпкой – иначе придется спалить тут все дотла, чтобы скрыть свою магию. Вслепую вытащила бинт, вытерлась и наконец открыла глаза.

Кровосос лежал, не шевелясь. Его грудная клетка превратилась в мешанину сломанных ребер, след из ошметков того, что прежде являлось сердцем, вел прямо к Дереку, распростертому на спине. Волчонок не шевелился. Над телом оборотня парила рива, обвивая волосами его горло. Нас разделяло футов сорок. Мне ни за что не успеть.

– Сдавайся, или он умрет, – произнесла тварь голосом пастыря.

Отбросив бинт, я потянулась к метательному кинжалу на поясе.

– Он сдохнет! – прошипел пастырь.

Я швырнула нож. Лезвие воткнулось в голову ривы, и ее глаз лопнул, как перезрелая

виноградина. Тварь отбросило назад, и я принялась бросать в нее один за другим акульи зубы. Треугольные клинья пробили ей глотку и щеки. Она покачнулась, уставилась на меня зияющей дырой глазницы и растеклась в прямом смысле слова.

Я подбежала к Дереку и приложила ухо к его груди. Сердцебиение прослушивалось. Сильный и ровный ритм.

Голова оборотня была перепачкана кровью вампира. Ранен ли сам Дерек – определить невозможно.

– Дерек!

Господи, кем бы ты ни был, я сделаю что угодно, только не дай ему умереть!

Веки оборотня дрогнули, пасть приоткрылась, и он медленно сел.

– Где болит?

Что это я?! В боевой ипостаси способны разговаривать только самые сильные перевертыши. Дерек к ним не относился.

– В-з-з-де, – невнятно, но вполне узнаваемо прорычал он.

– Везде?

Тот кивнул.

– Н-мано.

– Все нормально?

Новый кивок.

Я чуть не расплакалась от облегчения. Грудь прямо камнем придавило.

– Ты можешь говорить в боевой форме!

– Дыа. Трнируюс.

– Тренируешься. Молодец, – я тихо рассмеялась. – Здорово!

Дерек ухмыльнулся. Между кривыми клыками, влажными от слюней, застряли клоки мяса вампира, и я едва не распрощалась с содержимым желудка.

– Давай-ка делать ноги, красавчик, пока Племя не набежало... или мы никогда отсюда не выберемся.

Я подобрала свой бинт, взяла лошадей, и мы убрались прочь как раз в тот момент, когда первые всполохи магии некромантов возвестили о прибытии разведчиков Племени.

Волчок прихрамывал на левую ногу. Лошадь отказалась везти Дерека, и я ее понимала: мне бы тоже не захотелось тащить на себе нечто демоническое, испачканное в крови нежити и в придачу смердящее волком.

Поэтому продвигались мы очень медленно.

Через три квартала я реквизировала у какой-то старушки ветхую двуколку. Впрочем, «реквизировала» – слишком громко сказано. Я попросту сверкнула значком и пообещала ей куда больше денег, чем имелось в моем распоряжении. Поскольку саблю я пока не вложила в ножны, а мои волосы и физиономию украшали дивные полосы засохшей крови, она решила, что спорить со мной не в ее интересах – берите, мол, имущество, только не причиняйте вреда.

Я велела выставить счет ордену, упаковала Дерека в коляску, сзади привязала своих лошадей, и серый в яблоках тяжеловоз потащил нас в капитул.

Минут через пять Дерек вырубился. Его кожа треснула, оборотень задрожал... И вот уже на месте парня сопел огромный серый волк. Чтобы поддерживать боевую форму, требовалась огромная концентрация. Оставленное же на произвол судьбы тело превращалось либо в человеческое, либо в звериное. Наверное, в связи со Вспышкой животная ипостась отнимала меньше сил. В том и беда с перевертышами: каждый раз, когда эти шизоиды, фанатично преданные Стае, перенапрягаются, они нуждаются во сне или в еде.

Впрочем, если бы мне пришлось схватиться со зрелым, слетевшим с катушек вампиром, я бы тоже захотела вздремнуть. Дерек прикончил кровососа. Сам! В одиночку, без магии, лишь зубами, когтями и чистой решимостью. Просто потрясающе. Похоже, у меня в двуколке катается следующий альфа волков. Надеюсь, прорвавшись в элиту, он не забудет свою боевую подругу.

Закат догорел. Магия снова исчезла, да так резко, что от нее не осталось и следа. Но город знал, что она только затаилась и ждала, как оголодавший хищник в ночи, готовый броситься в любую секунду.

Голова раскалывалась от боли. Ребра ныли при каждом вздохе, но, кажется, обошлось без переломов. Спасибо вселенной за маленькие радости!

Мало-помалу мозг пришел в себя и начал соображать, сначала медленно, как заржавевшая мельница, а затем быстрее, стараясь разобраться в бессмыслице, которую нагородил пастырь. Вроде как Великий Ворон ведет армию.

Войско рив может натворить немало бед. Как-то не хотелось подробнее воображать подобную картину.

Итак, что у нас имеется? Отряды рив под предводительством Великого Ворона. Может, пастырь имел в виду Морриган?

Но стрелок сделал из ривы в расщелине дикобраза. Бран служил Морриган. Когда я потребовала поклясться ее именем – он заколебался. Поступок человека, не желающего оскорбить богиню-покровительницу.

Значит, Морриган и Бран на одной стороне, фоморы и Великий Ворон – на другой. Пока мы оставались строго в рамках кельтской мифологии.

Других Великих Ворон, кроме Морриган, я припомнить не смогла.

Может, кто-то упоминался в книгах из трейлера Эсмеральды?

Надо заехать домой – это отнимет не больше пятнадцати минут. Дерек дышал ровно, не истекал кровью и, похоже, был цел и невредим.

Как бы мне ни хотелось скорее попасть к Джули, маленький крюк погоды не сделает.

Я опять окунулась в свои мысли. Почему фоморы напали на меня? Вопрос на миллион

долларов. Сперва они набросились на Рэда, который просто на них наткнулся, по крайней мере, так он сказал. Потом на Джули и, наконец, на меня.

Но зачем вступать в рискованную схватку с вампиром и оборотнем, не говоря о том, что от трех рив я уже оставила мокрое место? Пастырь не производил впечатления неуравновешенного типа, которому главное – отомстить любой ценой. Он похож на врага расчетливого и хладнокровного.

Я проиграла в голове хронологию событий, пытаюсь найти какую-то связь. Итак, ривы атаковали Рэда – и он заработал раны на шее. Затем взял Джули и пошел искать ее мать, отправившись к месту шабаша ковена. Оттуда я увела малышку к себе домой.

Рэд прибежал к нам и отдал Джули монисто.

А ночью за малышкой явились ривы. Я оставила ее в хранилище, и они напали на меня.

Но зачем? Я еще могла понять, почему они набросились на нас с Джули в квартире – тогда перевес был определенно на стороне пастыря. К чему нападать на меня, когда со мной упырь и перевертыш? Да еще в открытую. Похоже, пастырь отчаялся... Как они вообще меня обнаружили? Точно не по запаху: улицы Атланты слишком загажены, учуять невозможно. Выследить фоморы тоже не могли – пришлось бы подобраться поближе, и в этом случае Дерек бы их унюхал. Остается один вариант – магия.

Рэд говорил, что ривы опутывают своими волосами, как арканом. Но такое возможно лишь во время прихода магии. Именно тогда твари вломились ко мне домой. Но во второй раз они подкараулили меня в технопериод. Складывается впечатление, что Рэда запятнали невидимые магические флуктуации. Они попали на Джули, на меня, а ривы, как псы, шли по их следу.

Рэд, Джули, я... Что у нас общего, что связывает? Возможно, мальчишка испачкался необычной остаточной магией.

Малышка его потрогала, я коснулась Джули и перенесла отпечаток на себя. Но после техноприлива остаточная магия не сохранялась, а волны сменяли друг друга в совершенно безумном ритме.

А может, я не права? И ривы отслеживали что-то другое? Нечто, несущее определенный энергетический след. Действующее только в период магических приливов. Какой-то маячок вроде Вopilки. То, что перешло от Рэда к Джули и ко мне.

Но что?

Монисто! Конечно же!

Я достала его и попыталась рассмотреть повнимательнее, время от времени поглядывая на дорогу. Обычная связка монет. Ну-ка, что здесь у нас... Пятьдесят центов с изображением Кеннеди, двадцатипятицентовик, двадцать песо, юбилейный четвертак с персиком штата Джорджия – ух ты, какая редкость! Жетончик от аттракционов в торговом центре с изображением лошадки, китайская монетка с квадратным отверстием в центре – где он вообще ее раздобыл? Миниатюрный, размером с железный доллар, диск с надписью Axe Grinder III – видео-игра, что ли? Шероховатый кругляш с петлей посередине, в которую пропущен шнурок. На следующей монете надпись: Republica NG Pilipinas – Филиппины? Треугольный амулет с выгравированным иероглифом. Грош, настолько истертый, что невозможно определить, какой рисунок на нем был первоначально. Бронзовый квадратный талисман с руной, пятицентовик с Джефферсоном...

Одна из этих монет – особенная, только какая? Наверняка старинная. Впрочем, с моим-то везением пастырь вполне может оказаться чокнутым нумизматом, готовым сдохнуть за пятидесятицентовик с Кеннеди. Не приманить ли фомора горсткой мелочи? Эй, Болгор, сюда, дружок – гляди, у меня есть доллар Сьюзен Энтони!

Я убрала ожерелье на место. Можно целую ночь на него таращиться, стараясь угадать наживку для рив, или просто спросить Джули – наш непревзойденный живой сканер, какую из монеток она считает странной. Если, конечно, я права.

Никаких защитных чар на монисто я не почувствовала. Возможно, Рэд нашел нечто принадлежащее пастырю – амулет, волшебную побрякушку... Или, скорее всего, украл ее и подвесил на шнурок. Увы, безделушка испускала магические эманации, и ее обладатель мгновенно становился магнитом для рив. Если я права, Рэд догадался, что твари идут по его следу, и вручил ожерелье Джули. И он знал, что ривы явятся за собственностью хозяина. Вручая ожерелье, он вовсе не желал защитить подругу, он хотел отвлечь внимание от себя, направить фоморов на новую цель. Пусть он еще совсем мальчишка, поступил все равно паршиво.

Добравшись до дома, я разозлилась настолько, что готова была всыпать ему по первое число. Рэд – настоящая проблема. Джули любит его вопреки всему, а он ее использует, как хочет.

Я привязала вожжи к металлическому столбику в ряду таких же, специально для этого предназначенных. С Рэдом явно что-то не так. И я понимала почему: брошенный на произвол судьбы, он выживал в одиночку, голодал, над ним издевались. Однако я знала людей, выросших на улице, и при этом они уважали моральные принципы.

У Рэда же мораль одна: расшибайся в лепешку только для себя.

Взбежав на три лестничных пролета, я уткнулась в мощную дверь. Ключей у меня не было. Пришлось снова спускаться на первый этаж.

Я постучала к управляющему:

– Мистер Патель?

Мистер Патель – самый лучший управляющий, какого я встречала в жизни. И самый медлительный!

Кожа у него была коричневая, оттенка грецкого ореха, а глаза большие, с тяжелыми веками. Он всегда двигался лениво и величественно, наверное, чувство собственного достоинства мешало ему пошевеливаться быстрее. При попытках поторопить этого господина он принимался брести так, будто ноги у него увязали в застывшей патоке. На поиск связки ключей ушло добрых пять минут, после чего он чинно прошествовал по лестнице.

Когда управляющий открыл дверь и вложил нужный ключ в мою ладонь, я от отчаяния пританцовывала на месте.

Вбежав в квартиру, я схватила книги Эсмеральды, сразу выскочила обратно, захлопнула дверь и помчалась вниз мимо ошарашенного мистера Пателя.

Дверь хранилища была распахнута настежь.

Проем освещала единственная лампа, ну а дверь отражала свет и с высоты узкой лестничной клетки казалась гигантской блестящей монетой. С саблей наперевес я осторожно, ступенька за ступенькой, принялась спускаться во мрак. Запахло аконитом. Обычно его использовали, чтобы сбить оборотней со следа. Кто-то знал, что я с Дерексом. Если целились в меня, то все сделали верно.

Перевертыш преспокойно посапывал в коридоре. Хотела дотащить его к себе в кабинет, но слишком устала, к тому же он все еще оставался громилой – в волчьем облике весил, должно быть, почти сто пятьдесят фунтов. Я сдалась на полпути.

В шаге от меня виднелись две капли крови, парой ступенек ниже – еще одна. Поваяло порохом. Значит, Андреа стреляла. Вероятно, ее пуля только задела врага, иначе тут лежало бы его тело, а не просто пятна.

Андреа была без промаха.

Я крадучись преодолела спуск и остановилась, прижавшись спиной к стене. Из хранилища доносилось эхо хриплого дыхания, словно кто-то водил по дереву тупой пилой.

Пригнувшись, заглянула в проход. На полу в клочьях одежды скрючилось искалеченное

тело. Изуродованное, а может, раздавленное, оно лежало чудовищной грудой, запутавшись в собственных конечностях, и выглядело мешаниной сырого мяса – местами красной, а кое-где буровато-коричневой. Очередной сиплый вдох отголосками разлетелся по углам.

Джули нигде не было.

Существо повернуло голову. Показался клочок светлых волос и голубой глаз. Второй скрывал лоскут плоти.

Андреа!

Я мигом прыгнула к ней. Грязные кляксы на конечностях оказались вовсе не сажей, а волосками. Короткая коричневая шерсть, местами пятнистая. Грудь бесформенная и плоская. На животе кожа резко обрывалась: она не была порвана или срезана, ее будто бы просто не хватило. В дыре блестели кольца кишечника. Левая нога превратилась в лапу, а правая удлинилась и вывернулась в обратную сторону. Выпирающие челюсти не смыкались друг с другом, губы оказались чересчур короткими, а клыки пронзали щеки.

Господи помилуй! Значит, Лус-V до нее добрался.

Левый глаз Андреа, с голубой, как у младенца, радужкой, сфокусировался на мне. Из горла вырвался долгий булькающий стон:

– По-мо-ги-и-и...

Это мне не под силу. Ни разу в жизни не видела перевертыша, застрявшего в процессе перехода. Нужно найти того, кто сумеет ее спасти. Дулитл! Но он вернулся в крепость. На дорогу туда уйдет не один час. Кожа Андреа приобрела землистый оттенок, стала бледно-серой. Значит, тело оборотня досуха выжало весь запас сил.

Она действительно недотянет.

Погодите-ка... Дулитл предан Кэррану и потому выдаст ее в мгновение ока. Оборотни примутся проверять – не стала ли Андреа люпусом, и ей придется встретиться с Царем Зверей. Хранить верность Кэррану и ордену одновременно невозможно.

Как только выяснится, что она оборотень, ее выгонят из ордена. Андреа буквально жила работой. Лучше просто дать ей умереть.

Но если ничего не предпринять, она точно умрет.

Дулитла вычеркиваем, как и Дерека. К кому мне обратиться?

Конечности Андреа задрожали. Правая нога вытянулась. Кости начали мучительно медленно удлиняться.

Андреа застонала, и в ее голосе было столько боли, что у меня бешено заколотилось сердце. Живот у нее сжался, ягодицы напряглись, но судороги вскоре кончились, и она осела на пол. По комнате разлилось едкое зловоние. Мне был знаком запах – так пахла гиена.

Крепость – общая резиденция всех оборотней, но у каждого клана существовало собственное место обитания, как и пара альфа. Гиены тоже должны иметь отдельную территорию. Их не так много, как волков или крыс, но вполне достаточно, чтобы жить небольшой стаей. Я встречалась с их предводительницей – пожилой дамой по прозвищу Тетушка Би. Лучше схватиться с полчищем волков, нежели ей перечить. Она носила пучок на макушке и мило улыбалась. Готова поспорить: щекотать когтями мою печень она будет с такой же обаятельной улыбкой.

Гиены и львы не ладили, и Кэрран это понимал. Первые ему все еще подчинялись, но он позволял им решать собственные проблемы самостоятельно.

Нужно доставить Андреа к Тетушке Би. Она – жуткая стерва, но лучше иметь дело с ней, чем с Царем...

Я склонилась над подругой.

– Я отвезу тебя к гиенам.

Ее глаз расширился, она задрожала, простонав:

– Нет. Нельзя...

– Не спорь. У нас нет выбора.

Я просунула под нее руки, и те сразу намокли от лимфы. В нос ударил резкий запах мочи. Весила Андреа, похоже, фунтов сто тридцать. Стиснув зубы, я подняла ее, а она вцепилась в меня изувеченными руками.

Боже, какой она оказалась тяжелой! Я направилась к двери хранилища.

В детстве отец принуждал меня бегать изнурительные марафоны с нагруженным рюкзаком на спине. Я не останавливалась тогда лишь потому, что знала: боль когда-нибудь заканчивается. Именно это я сейчас и твердила себе, медленно одолевая лестницу: боль – это хорошо. Она пройдет.

А каждая минута задержки приближает Андреа к смерти.

Я сгрузила подругу в двуколку и прошептала:

– А Джули?..

– Мальчик. Мальчик-шаман. Он ее забрал, – она почти булькала.

Проклятье, опять Рэд! Но без монисто ривы не сумеют отыскать Джули.

– Держись ради меня. Живи!

Я помчалась обратно в здание, перепрыгивая через две ступеньки.

Дерек спал без задних ног.

Я потрясла его:

– Просыпайся.

Он огрызнулся и поцарапал мне клыками руку, но тут же вскочил, смущенно скуля.

– Ерунда, забудь. Мне нужна твоя помощь.

Вервольф поспешил за мной вниз, но застыл на середине лестничного пролета, оскалился, сгорбившись, со вздыбленной на загривке шерстью, и зарычал.

– Дерек, пожалуйста! Я знаю, что пахнет странно, но мне нужен твой нюх. Прямо сейчас.

Я уговорила его спуститься. Он встал подальше от двуколки и покосился на меня.

– Ты можешь учуять Джули?

Он уткнулся носом в землю и сразу отдернулся, как от удара. Попятился, обогнул коляску, затем сделал еще круг – пошире, снова понюхал землю, отпрянул и заскулил.

Слишком много аконита – Рэд хорошенько замаскировал свой запах.

Из двуколки донесся глухой стон.

Придется Джули подождать – ведь у Андреа на счету каждая минута. Да и монисто звенит в моем кармане. Если моя теория верна – ривы будут преследовать меня, а не малышку. Милости прошу! Я так зла, что поприветствую их с распростертыми объятиями.

– Меняем планы. Веди нас к гиенам. Времени мало, пожалуйста, поспеши.

Дерек потрусил вниз по улице. Я уселась на место возницы, и мы тронулись. Медленно – от нетерпения я едва не скрежетала зубами, – но все же поехали...

Не все гладко в Атланте. Мы катились в двуколке меж развалин так быстро, как только могла везти ломовая лошадь. Мои кости пели от переполнявшей их магии. По ночному небу носилось что-то странное. Темные силуэты, беззвучно скользя, заслоняли звезды. Мы останавливались дважды: сначала пытались уклониться от встречи с вампирским патрулем из четырех кровососов, шедших ромбовидным строем, а потом пропускали вперед полупрозрачный фантом медведя. Ручейки эфемерного пламени спутанным водопадом струились у него по спине, голову венчали рога... Он окинул печальным взором нашу двуколку и неторопливо поплыл вниз по улице.

Параллельно дороге текла иллюзорная река с чернильно-черными водами, густая, как деготь. Я старалась держаться от нее подальше. Создания, что завывали и кричали по ночам, хранили молчание. Они прислушивались. Выжидали. Если бы каким-то чудом можно было записать и воспроизвести вибрации города, мы услышали бы единственную повторяющуюся фразу: «грядет Вспышка, грядет Вспышка...»

Судороги Андреа участились. Теперь приступы накатывали примерно каждые пятнадцать минут. Перед началом очередной конвульсии она издавала короткий мучительный вскрик, от которого я вздрагивала.

Наконец мы выбрались из города и направились по знакомой дороге мимо разрушенного промышленного района, а затем спустились по заросшему шоссе. Ночь вступила в свои права, небо на недостижимой высоте усыпало крошечные огоньки звезд. Цвета стали неяркими, приглушенными, тени сгустились. Деревья, совершенно обычные и полные жизни в свете дня, казались корявыми монстрами, поджидающими добычу. Путь вел к крепости, где в трудные времена собиралась Стая.

Мы миновали заброшенную заправку без дверей и с выбитыми окнами. Какие-то мелкие тощие твари ползали по подоконникам и дверному проему. Тошнотворно-желтые, словно гной в зараженной ране, они таращились на нас горящими глазами и тянули скрюченные когтистые лапы, пытаясь нас достать.

Дерек трусил ленивой волчьей рысью, позволяющей легко покрывать многие мили. Мы добрались до границы леса. Дорогу обступали исполинские дубы, простирая ветви и стремясь обнять друг друга.

Дерек остановился, задрал голову к звездному небу и завыл. Звук уплыл в ночь – протяжный и навязчивый, полный тоски, пробирающий до костей. Он возвещал о нашем прибытии. Вервольф подождал, потом наострил уши и побежал по заросшей дороге под сень деревьев.

Я направилась следом. Коляска поскрипывала, лошадиные копыта отбивали размеренный ритм. Вдруг в ночи эхом разнесся жуткий хохот. Одержимый и пронзительный, как натянутая гитарная струна, что вот-вот лопнет. Из кустов по обе стороны дороги выскочили жуткие и одновременно грациозные создания. Наверняка оборотни. Они бежали на двух ногах и казались во мраке серыми тенями, нечеловечески высокими и быстрыми.

Кто-то из перевертышей запрыгнул в двуколку и приземлился возле меня. В ночи полыхнули красные глаза. Гиена в ипостаси химеры – зрелище ужасающее.

– Привет, красотка, – невнятно изрекло чудовище.

Впереди нас три гиены, две – звери, одна – в человеческом облике, – окружили Дерек. Они улюлюкали и смеялись, неистово ликуя.

Самец бросился на меня. Я увернулась, заломила ему руку и сжала горло, перекрывая артерию.

– Мне не до забав. Отведи к Тетушке Би, – произнесла я прямо в округлое ухо.

Когтистые лапы сжали мои пальцы.

– М-м-м... Как больно. Хочу еще...

Проклятье!

Дерек бросился на самку.

- Надо бы поучить тебя смирению. – Гиена в человеческом облике размотала кнут. – Хочешь, поглажу, волчонок?

Хватит! Я затолкнула самца в самую глубь двуколки, чтобы он оказался нос к носу с Андреа. Та слабо вскрикнула прямо ему в морду.

- Она умирает, – выдавила я сквозь зубы.

Самец отпихнул меня и прокричал:

- Уйдите с пути!

Самка уперлась кулаком в бедро.

- Ты забываешься...

- Ей нужна мать! – рявкнул он, и та отступила.

Самец с горящими глазами повернулся ко мне:

- Поезжай!

Я подчинилась, и те сомкнули строй, преграждая дорогу Дереку.

- Волку туда нельзя. Это закон, – мрачно сообщил оборотень.

- Он будет в безопасности, – непререкаемым тоном подчеркнула я.

- Разумеется.

Гиены побежали за коляской. Запах хищников подстегнул тяжеловоза, и он прибавил ходу. Мы ехали все быстрее, грохоча и поскрипывая. Двуколка так разогналась, что подлетала на каждой кочке. Деревья расступились, и показался большой дом, похожий на особняки, которые строят на ранчо. Я резко натянула вожжи, едва не лишившись рук. Лошадь, не в силах остановиться, прогромыкала вокруг здания и лишь потом встала. Самец выскочил из повозки, схватил Андреа и помчался с ней к крыльцу.

Загорелся свет. Дверь распахнулась, и вышла Тетушка Би – грузная дама в годах, с седыми волосами, уложенными в пучок. Словно она только и делала, что пекла печенье, а не правила выводком истерически хохочущих психов со склонностью к извращенному сексу.

Она бросила на Андреа лишь один взгляд и махнула головой в сторону двери:

- Внутрь. Ты тоже.

Самец ворвался в дом, я за ним, следом – самка в человеческом обличье. По крайней мере, мне казалось, что она – женского пола.

Тетушка Би повертела головой и захлопнула дверь. Оборотень промчался по коридору и ворвался в огромную ванную комнату. На мраморной платформе возвышалась колоссальных размеров бадья, где могли с комфортом разместиться шесть или даже восемь человек. Пол усыпан фруктами и секс-игрушками. Гиена запрыгнул в ванну, держа Андреа над поверхностью. Смахнув с мрамора хитроумное приспособление из кожи и стали, Тетушка Би присела на край.

- Кто еще знает?

- С ней, – кивнула в мою сторону самка, – был волк.

- Вервольф?

- Дерек, – сообщила я.

- Боже! - вздохнула Тетушка Би. - Мальчишка пойдет прямиком к Кэррану. Но с ним я сумею договориться. Наше счастье, что медведя нет на месте. Пока старая гвардия не в курсе, все будет прекрасно.

Чему она радуется? Договориться с Кэрраном столь же просто, как с бешеным слоном.

Альфа склонилась к Андреа.

- Неразумное дитя. Ты понимаешь, кто ты?

Та кивнула. От напряжения искалеченное тело содрогнулось.

- Значит, тебе будет легче. Раздень ее.

Самка сиганула в чан и сняла с Андреа лохмотья тряпок, прилипших к плоти. Меня замутило. К горлу поднялась желчь.

- Тебя сейчас вырвет. Уходи, - велела мне Тетушка Би и обратилась к Андреа: - Я научу тебя принимать естественную форму. У тебя уже лицо посерело. Хочешь выжить - сосредоточься. Сначала грудь. Представь, что у тебя за спиной растут крылья. Гигантские. Расправь их, дитя. Широко расправь.

Грудная кость Андреа сползла вниз. Плечи опустились, растягивая грудь...

Я вылетела из дома.

Я присела на крыльцо. Хлопнула дверь: рядом устроилась самка гиены. Или самец, с ними никогда не знаешь наверняка – внешне они выглядят почти как гермафродиты. В дикой природе среди них верховодят женские особи. Табель о рангах выстраивается таким образом: сначала самки, потом щенки и в самом низу – самцы. Учитывая, что самка пятнистой гиены крупнее и обладает внушительным клитором, не уступающим по размеру пенису, как правило, способным эрегировать, такая иерархия имеет смысл.

Та, что уселась рядом со мной, оказалась невысокой. Ярко-синие волосы на макушке торчали вертикально.

– Нравится? – подмигнула она. – Могу сказать, кто делал. Правда, мне-то прическа идет, а на тебе вряд ли будет хорошо смотреться.

– Не сомневаюсь. И во сколько тебе обошлась газовая горелка на башке?

Она раскатисто захохотала и протянула мне сэндвич.

– А ты ничего. Держи.

Я понюхала кусок хлеба.

– С чем он? Со спермой? Или с тертыми тигриными яйцами?

– Салями. Жри, кусай, не стесняйся. Отличные бутерброды, да и тебе хорошо бы подкрепиться.

Я думала, меня стошнит, но вкус был неплохим, я бы и от второго не отказалась.

– Как она? – поинтересовалась я, прожевав.

– Она молодец, – гиена подняла брови и кивнула. – Крепкая буда.

– Буда?

– Гиена-оборотень, хотя если вдаваться в детали, твоя подружка... – мамка осеклась. – Я не вправе об этом рассказывать. Зови нас будами, так сойдет. – Она повела носом. – Ух ты, гости! Люблю ужинать в компании.

Из-за деревьев к нам размашистым шагом приближался знакомый человек. Шесть футов два дюйма, кожа цвета кофейной гущи. Выглядел он так, словно намеревался кому-то врезать. Черный плащ скрывал фигуру почти полностью, но грудь была приоткрыта, и под футболкой угадывались мускулы. На оживленной улице при свете дня толпа расступилась бы перед ним, как Красное море перед Моисеем.

В нескольких ярдах от крыльца визитер остановился.

– Забодай меня медведь! Сам разведки пожаловал! – буда ухмыльнулась – совсем не доброжелательно.

– Привет, Джим.

На меня бывший напарник и не взглянул.

– Он желает знать, что случилось. А ей надлежит прибыть в крепость. Немедленно.

– Взялся говорить о себе в третьем лице? – осклабилась буда.

Джим отклонился назад, задрав вверх подбородок.

– Кэрран требует отчет. Не вынуждай меня входить в дом без приглашения.

Глаза гиены налились красным. Издав истерический смешок, она подалась вперед и оскалилась. Морда перекосилась от желания подраться.

– Дернись, котяра, нарушь закон! Отведаешь клыков дочери Кури, если осмелишься. Я

только порадуюсь, обглодав твои кости.

Она клацнула зубами и облизнулась. Джим рыкнул. Позади дома кружили, как акулы, еще две гиены.

Я поднялась и кивнула Джиму.

– Дай мне минуту. Как личное одолжение.

Он не повел и бровью. Демонстративно не спеша отошел назад и принялся ждать.

В ванной комнате, едва различимая за спинами самки и Тетушки Би, на прохладном мраморе сидела Андреа. Самец перебирал пальцами ее влажные спутанные волосы, будто что-то искал.

– Мне пора...

Буды расступились, и я увидела Андреа целиком. Ее покрывала короткая шерсть, усыпанная одинаковыми черными пятнами. Мне никогда не доводилось видеть у оборотней в форме химеры настолько пропорционального тела. Разве что у Кэррана. Зато руки подвели: они были чересчур длинными и почти достигали колен. Потом я обнаружила, что у нее есть грудь. Обычная, как у женщины. Большинство самок-перевертышей могли похвастаться лишь крошечными железами или просто сосками.

Андреа взглянула на меня. Голубые глаза и лоб выглядели человеческими, морда и челюсти принадлежали гиене. Человек и зверь органично перетекали друг в друга. Несмотря на отталкивающее впечатление, они каким-то образом сливались воедино.

– Нашел! – самец подцепил что-то когтями.

Тетушка Би обхватила Андреа за голову.

– Тащи.

Парень извлек из скальпа пострадавшей небольшой темный предмет. Пролилось немного крови. Моя подруга тихо застонала. Тетушка Би отпустила ее, а самец склонился и нежно вылизал шею Андреа.

– Похоже, Рафаэль влюбился, – усмехнулась самка буды.

Андреа скомкала полотенце и приложила к голове.

– Кейт? Куда ты? – удивительно ясно произнесла она, и голос ее почти не изменился.

– Кэрран хочет поговорить со мной. Он послал Джима, и мне лучше пойти.

Она глубоко вздохнула.

– Я – звереныш.

Она так произнесла это слово, будто оно имело глубокое значение, но смысл от меня ускользал. Вероятно, это отразилось на моем лице, потому что Тетушка Би сложила руки на коленях и сказала:

– Помнишь Корвина?

– Рысь? Корвин умер, защищая Дерека.

Вирус Лус-V весьма демократичен. Он поражает не только людей, но и животных, иногда внедряя им фрагменты человеческого ДНК, который забирает у своих жертв. В результате, впрочем, крайне редко, получались зооморфы – звери, способные обращаться людьми. В основном они оказывались слабоумными и быстро погибали, но некоторые – как Корвин, – учились говорить и становились полноценными личностями с собственными правами.

– Хороший парень, – кивнула Тетушка Би. – Часто здесь бывал.

- Поразвлечься любил, – вставила буда.

- Да, – согласилась Тетушка Би, – только стрелял холостыми. А значит, никакого вреда не причинял.

- Чего и следовало ожидать: зооморфы бесплодны, – поддакнула я, лишь бы сказать хоть что-то.

Лицо Тетушки Би слегка вытянулось.

- Не всегда.

- Ого...

- Иногда, очень-очень редко, они способны зачать детей.

- Ничего себе.

- Иной раз детишки выживают, – вздохнула Андреа.

- Ты ребенок гиены-оборотня? – не подумав, ляпнула я.

Присутствующие поморщились.

- Да, – подтвердила Андреа. – Мой отец родился гиеной.

Внезапно все обрело смысл. Андреа не заразилась Лус-V при нападении, потому что такой появилась на свет.

- Тед в курсе?

- Подозревает, но у него нет доказательств.

Я плечами пожала.

- Если ты промолчишь – я тоже не скажу. Что с Джули?

- И все? – влезла девушка-буда. – Тебе плевать, что ее породило животное?

Гиены уставились на Тетушку Би, а та – на меня.

- Кодекс гласит, что прежде всего мы люди. Мы ими рождаемся, ими же и умираем. Вот наш естественный облик, основная форма. Мы должны ставить ее выше звериной, и такова наша природа.

- Звереныши приходят в этот мир животными, – спокойно добавила Андреа. – Следовательно, наше основное обличье – звериное. Но из-за нечистой крови с возрастом мы теряем способность обращаться в животных. Я калека от рождения. Противоестественное создание.

Ради всего святого!

- Ты – моя подруга. У меня мало друзей. Плевать, кем ты родилась, как выглядишь и что о тебе думают остальные. Ты помогла мне, когда я нуждалась в поддержке, остальное не важно. А теперь, пожалуйста, расскажи, что случилось с моей девочкой?

Она дернула носом, нервно хихикнула и подавилась смешком.

- В хранилище пришел бродяжка.

- Рэд.

- Да. Джули заявила, что он – ее парень. Рухнул у порога весь в крови. Девочка закатила истерику. Пришлось открыть, а он бросил в меня чем-то, каким-то порошком, – она сердито оскалилась. – Я носила в черепе шаманский амулет, чтобы не оборачиваться во время Вспышки. Обычно помогало, но магия оказалась слишком сильна. Не пойму, что сделал парень, – она всплеснула руками, – но амулет сломался. Я начала превращаться, но закончить так и не смогла. А Рэд схватил Джули и утащил с собой.

Чертов придурок! Как я на него злилась...

- У тебя меч дымится, - заметила самка буды.

- Случается иногда, - отозвалась я.

Уродец. Что он творит? Где его искать? В городе полно мест, куда могут спрятаться бездомные подростки. Ставлю десять против одного, что ривы найдут их раньше меня.

Тетушка Би подалась вперед.

- По традиции, зверенышей убивают сразу после рождения. Если пронюхает кто-то из старших оборотней - у моего порога соберется толпа.

- Повеселимся! - облизнулся самец-буда.

Альфа отвесила ему затрещину.

- Ты что?!

- Снаружи ждет котяра Кэррана?

- Да.

- Он почуял запах Андреа и обязательно доложит хозяину. Тебе надо объяснить Царю происходящее. И лучше не врать.

- Буду иметь в виду, - ответила я и удалилась.

На плечи Кэррана роскошными волнами ниспадали длинные волосы, подобно гриве, обрамляющей лицо. Мы находились в крепости. Под светом настольной лампы Царь Зверей читал потрепанный томик в мягкой обложке и даже не поднял головы, когда Джим втолкнул меня в комнату и закрыл дверь, оставляя нас наедине.

Итак, только я и Кэрран. И ночь, ворвавшаяся в распахнутое окно.

По пути сюда Джим со мной и словечком не перемолвился. Я оказалась в щекотливом положении.

– Что у тебя с волосами?

Оторвав взгляд от книги, Кэрран поморщился:

– Каждый раз во время Вспышки отрастают. Ничего не могу поделать.

Мы уставились друг на друга.

– Давай уже, шути про Фабио .

На меня навалилась усталость. Голос прозвучал глухо, из него ушли не только интонации, но и жизнь.

– Я привела в дом к будам больного звереныша. Свою подругу. Если решишь прикончить ее, сначала придется разобраться со мной.

Кэрран плотно смежил веки, прикрыл глаза рукой и потер лицо. Я молча уселась, давая ему время справиться с болью.

– За что мне это? – наконец сказал он. – Может, у тебя миссия такая – изгадить мою жизнь?

– Я стараюсь к тебе не приближаться.

– Пока плохо получается.

– Поверь, я не хотела создавать проблем.

– Проблемы создает вампир без заклинателя. А ты устраиваешь катастрофы.

Давай, потыкай меня носом...

– Как только все закончится, обещаю скрыться с твоих глаз как можно дальше. Ты убьешь мою подругу?

– Нет, – вздохнул Кэрран. – Никогда не убивал зверенышей и не собираюсь начинать. Это старый обычай элиты. Я хотел отменить его, когда нас нашел Корвин, но большинство воспротивилось. Пришлось бы задеть чувства многих, подавляя сопротивление, потребовалась бы уйма усилий и куча времени. Если твоя подруга пожелает примкнуть к Стае, я снова займусь этим вопросом.

«Погибель» в заплочных ножнах заставляла меня держать спину прямо, а так хотелось чуть сгорбиться или просто расслабить плечи. Даже позвоночник устал. Я расстегнула кожаный жилет, скинула его с плеч, сняла саблю вместе с ножнами и положила ее рядом.

– Ей не хочется огласки, ведь она член ордена.

Все равно Кэрран рано или поздно это выяснит.

– И я найду Джули, а потом помогу замести следы, – добавила я.

– Ты потеряла девочку?

– Да.

– Каким образом?

Я откинулась на спинку стула.

– Парень Джули – шаман – забрал ее у моей подруги. Он сделал нечто, из-за чего та начала превращаться, но довести дело до конца не смогла.

– Продолжай.

– Я обнаружила ее, положила в повозку и отвезла к гиенам.

Кэрран наградил меня странным взглядом.

– Везла ее от самого ордена в сильный прилив магии?

– Ага. Мы неплохо справились, но на заправке заметили кое-что странное.

Вожак поразмыслил и продолжил:

– Как давно все случилось?

– Несколько часов назад.

– И Дерек не смог унюхать следы Джули на месте происшествия? – в его голосе слышались легкие нотки неодобрения.

Я покачала головой.

– Шаман рассыпал изрядное количество аконита. Я отыщу ее, но пока не знаю как.

– Скажи, если понадобится помощь. И не обольщайся – это не из-за тебя, а ради девочки. Если бы не она и не Вспышка, ты бы мигом вылетела в окно.

– При чем тут Вспышка?

– Не хочу, чтобы все списали на потерю самообладания. Не должно возникнуть и тени сомнения, что я сделал это осознанно.

А он и правда зол.

Ясно, почему здесь такая обстановка – изолированное помещение, приглушенный свет, книга. Глубинная магия питала зверя внутри Царя. Чтобы сдержать сущность, требовались огромные усилия воли. Вспышка приближалась, и Кэрран представлял собой пороховую бочку с коротким запалом, который не стоит поджигать. Только Стая да Андреа знали, где я сейчас нахожусь.

Он мог убить меня прямо сейчас, и мое тело никто никогда не найдет.

Мы посидели в тишине. Магия расцветала, кружа мне голову силой. Опять шли короткие волны. Вскоре они схлынут, и навалится изнеможение.

Мне стало стыдно. Кэрран контролировал себя в моем присутствии, а я была не в состоянии сделать то же самое.

– Там, на крыше... У меня иногда отказывают тормоза.

– Неужели пахло извинениями? – Он подался вперед, внезапно оживившись.

– Да. Я не должна была так говорить. Мне жаль, что я произнесла те слова.

– Теперь ты бросишься к моим ногам?

– Я вовсе не это имела в виду. Мне следовало использовать менее оскорбительные выражения.

Я посмотрела на него и увидела льва. Царь не обратился, лицо по-прежнему оставалось человеческим, но что-то настораживающе хищное проглядывало в его позе, в том, как он не отрывал от меня глаз, словно готовился к прыжку. Охотился за мной, не шевельнув ни

единым мускулом. Первобытный инстинкт велел мне замереть, сковал по рукам и ногам. Я сидела, не в силах отвести взгляд.

Кэрран лениво и плотоядно ухмыльнулся.

- Ты не только раздвинешь передо мной ноги, но и будешь умолять об этом.

Я потрясенно уставилась на него. Он улыбнулся еще шире.

- Сначала скажешь «пожалуйста», а после - «спасибо».

Я нервно хохотнула.

- А ты совсем с катушек слетел. Завязывай обесцвечивать волосы, Златовласка, тебе перекись мозги выела.

- Испугалась?

Ага, я в ужасе!!!

- Тебя? Нет. Выпусти когти и познакомись с моей саблей. Но я уже сражалась с тобой в человеческом обличье... - потребовалась вся сила воли, чтобы небрежно пожать плечами. - Ты меня не слишком впечатлил.

Прыжок - и он оказался возле меня. Я едва успела вскочить на ноги. Стальные пальцы обхватили мое запястье, а другая рука обняла за талию. Я сопротивлялась, но Кэрран со смехотворной легкостью одолел меня, притягивая к себе ближе, как в танго.

- Эй! Пусти...

По положению его ног я догадалась о дальнейшем, но поделать ничего не могла. Потянув меня вперед, он выполнил классический бросок через бедро. Идеально, как по учебнику. Направляемая его рукой, я полетела вперед и приземлилась на спину. Из легких вышло воздыхание. Ого.

- Теперь впечатлена? - осклабился Царь Зверей.

Ясно! Он просто играл, а не боролся по-настоящему. Мог ведь так швырнуть, что я сломала бы шею. Однако он до самого конца меня придерживал, желая удостовериться, что я упала правильно.

Кэрран смотрел на меня.

- Такая злая и страшная наемница не справилась с элементарным приемом. Я бы на твоём месте сгорел со стыда.

Я задыхалась, пытаюсь насытить легкие кислородом.

- Я мог убить тебя прямо сейчас. Серьезных усилий бы не потребовалось. Мне даже за тебя неловко. Показала бы какой-нибудь фокус, что ли?

Как пожелаешь...

Вдохнув поглубже, я яростно выплюнула новое слово силы:

- *Осанда.*

На колени, Ваше Величество.

Он крикнул, будто пытался поднять неподъемную тяжесть, обрушившуюся ему на плечи. Лицо задрожало от напряжения. Ха! Не только его подпитывает Вспышка.

Я неторопливо поднялась на ноги. Кэрран застыл. Под тканью спортивных брюк виднелись вздувшиеся мускулы бедер. Он не склонился. И не склонится. В преддверии чертовой Вспышки я обрушила на Царя Зверей слово силы, и оно не сработало. Когда он придет в себя, то наверняка меня прикончит.

Меня обуяла тревога. Здравый смысл вопил: «Убирайся оттуда, идиотка!» Но я подошла к Кэррану и прошептала ему на ухо:

– До сих пор не впечатлена.

Его физиономия исказилась, брови сошлись в линию. Он сосредоточился – мышцы задрожали от усилий, – и с гортанным вздохом выпрямился. Я поспешно ретировалась в другой конец комнаты. «Погибель» по пути не захватила, хоть руки чесались. Правила нашей с Кэрраном игры весьма четкие – никаких когтей, никакой сабли. Направь я на Царя оружие, и в ту же секунду подпишу себе смертный приговор.

Кэрран расправил плечи.

– Продолжим?

– С удовольствием.

Он двинулся ко мне. А я ждала, готовясь броситься в сторону. Кэрран сильнее пары быков, поперет напролом. Если он меня схватит – все будет кончено. В крайнем случае можно выскочить в окно. Подумаешь, грохнуться с сорока футов. Невелика цена, чтобы унести ноги.

Он попытался меня схватить. Я увернулась и ударила его сбоку по колену. Хороший удар, я постаралась на славу. Обычному человеку такой сломал бы ногу.

– Миленько, – заметил он, сцапал меня за руку и небрежно швырнул через всю комнату.

На секунду я зависла в воздухе, после чего упала, перекатилась, вскочила и встретила самодовольный взгляд вожака.

– А ты забавная мышка!

Что?!

– Всегда любил игрушечных мышей, – довольно ухмыльнулся Царь. – Иногда они еще и набиты кошачьей мятой. Приятный сюрприз.

– Никакой мятой я не набита.

– Вот и проверим.

Он расправил плечи и направился ко мне. Хьюстон, у нас проблемы!

Кэрран так смотрел на меня, что становилось ясно: даже удар прямо в морду не собьет его с пути.

– Одно мое слово – и ты окаменеешь, – предупредила я.

Он стиснул меня медвежьей хваткой. Должно быть, так чувствует себя орех в щипцах перед тем, как его раздавят.

– Давай, – не смутился он.

– Свадьба.

По глазам Царя стало видно: теперь ему не смешно. Он отпустил меня.

Игра завершилась.

– Ты никогда не сдаешься?

– Ага.

Магия снова ушла. Спина опять заныла – наверное, ударилась я сильнее, чем казалось поначалу. Бицепсы тоже обожгло болью. Спасибо, что придушили, Ваше Величество. Я привалилась к стене.

– Почему ты прицепилась к свадьбе?

Я потеряла лоб в попытке смахнуть усталость и избежать разговора.

– Ты правда хочешь узнать?

– Да. В чем дело? Это вина, месть или любовь?

Пришлось сглотнуть комок в горле.

– Я живу одна.

– Ну и что?

– У тебя есть Стая. Вокруг тебя всегда народ, который жаждет насладиться твоим обществом. А у меня нет никого. Родители мертвы, другие родственники исчезли. И друзей нет, разве что Джим, но у нас скорее деловые отношения. Любовника тоже. Я даже домашнее животное не завожу – несчастный помрет от голода, меня ведь и дома почти не бывает. А когда я туда доползаю – истекающая кровью, грязная и измученная, там темно и пусто. Некому зажечь свет в комнате. Некому обнять и сказать: «Привет, я рад, что ты вернулась. Здорово, что цела и невредима. Я волновался». Всем плевать, жива я или сдохла. Никто не сварит мне кофе, не обнимет перед сном, не даст лекарств, когда заболēju. Я всегда сама по себе, – пожала плечами, стараясь говорить небрежно. – Обычно меня устраивает подобный расклад. Но задумываюсь о будущем и не вижу там ни семьи, ни мужа, ни детей. Никакой душевной теплоты. Только старость и новые шрамы. Пройдет пятнадцать лет, и я буду так же приползать к себе, измученная, в запекшейся крови, и стану в одиночестве зализывать раны. Я не могу иметь семью, не могу любить, но у Креста и Мьонг есть шанс на счастье. Не хочу стоять у них на пути.

В глазах Кэррана промелькнуло нечто вроде... Неужели это понимание? Сочувствие? Сложно сказать. Это продлилось лишь миг, а потом Царь опять нацепил маску вожака.

И вновь передо мной непроницаемый лик альфы.

Я отвела взгляд. Я о многом умолчала. Например, о том, что связаться со мной – просто подставиться. Из-за своей крови я – ходячая мишень. Секс передавал партнеру частичку моей магии. Встречаться с обычным человеком значит поступить эгоистично, ведь я не смогу его защитить, если меня вдруг обнаружат. Я и себя-то защитить не сумею. А быть с кем-то могущественным – ужасно глупо. Как только он выяснит, что я собой представляю, или убьет меня, или попытается использовать в своих интересах. Четко помню, когда осознала это впервые. Парня звали Дерин, он оказался колдуном. А мне стукнуло семнадцать – и мне хотелось прыгнуть в чью-нибудь постель. И его койка чрезвычайно меня привлекала. Спустя годы пришлось признать: любовник из Дерина был никудышный, но все могло быть еще хуже.

Грег поступил как любой хороший опекун: очень тактично объяснил, почему я не могу видѣться с Деринѣм. Жди своего часа, пока не наберѣшься сил. Скрывай кровь, никому не доверяй. Я это прекрасно понимала, только не до конца осознавала последствия.

А опекун меня просветил. Я тогда яростно его возненавидела и согласилась поступить в Академию ордена, лишь бы убраться подальше.

Вдруг на нас обрушилась магия – сильная, опьяняющая. У Кэррана еще на дюйм отросли волосы.

Вот что меня в нем привлекало: если мы дрались – то это было всерьез, и я постоянно сомневалась в победе. Нет, не так: я знала, что проиграю. Он бы меня убил, не моргнув и глазом. Я его боялась. И чем больше на меня накатывал страх, тем больше трепала языком.

– Теперь ты, – сказала я.

– То есть?

– Твоя очередь. Я объяснила, почему хочу, чтобы парочка стала неразлучной. А ты объясни, зачем тебе их расставание.

Ревность, гордыня, любовь – достаточно веские причины для такого, как ты, эгоиста. Выбирай.

– Мьонг очень мягкая, а Крест – самовлюбленный эгоист. Он ее использует. Она совершает ошибку.

Такого я не ожидала.

– Ее ошибка, ей и совершать.

– Да. Но я еще надеюсь, что она опомнится.

Я укоризненно покачала головой.

– Мьонг умоляла бывшую подружку собственного жениха устроить ее свадьбу. Если уж она пошла на такое унижение, сделает для Креста абсолютно все. Она не выдержит давления. Если ты продолжишь откладывать ее свадьбу, то доведешь ее до очередной попытки суицида.

– Ты видела шрамы?

Я кивнула.

– Люди должны сами делать свой выбор, даже неправильный. Иначе они не свободны.

Раздался осторожный стук.

– Войдите.

В комнату заглянул какой-то юноша.

– Она проснулась.

Кэрран встал.

– Пойдем, хочу тебе кое-что показать.

Слава богу, можно отдышаться!

Мы отправились вслед за оборотнем.

– Как руки? – тихо спросил вожак. – Побаливают?

– Нет, – слукавила я. – А твое колено?

Еще немного погодя я решила покончить со снедавшей меня тревогой.

– Ты ведь шутил, что мне придется тебя умолять?

– Я был совершенно серьезен. – В глазах Кэррана зажглись озорные искорки, и он отчетливо добавил: – Детка.

Нет!

Он рассмеялся.

– Видела бы ты сейчас свое лицо!

– Не называй меня так!

– Как насчет «дорогая»? Или «кексик»? – подмигнул он.

Я стиснула зубы.

По винтовой лестнице мы спустились во внутренний двор. Казалось, крепость никак не может определиться – то ли она средневековый замок, то ли тюрьма двадцать первого века. Главная башня вздымалась ввысь, устрашающая и неприступная – квадратная громада была грубой и примитивной. Джим однажды заметил, что ее строили вручную,

чуть ли не без применения технологий, и заняло это почти десять лет. А может, и дольше – крепость уходила на много этажей под землю.

Главную башню окружала сплошная стена камня, захватывая кусок поляны. Прежде мне не доводилось спускаться во внутренний двор – обширный и почти пустой. У дальней стены стояли тренажеры, а еще находился сарай и высилась водонапорная башня. Справа у цистерны с жидкостью сгрудились оборотни. Последний раз, когда я видела похожий резервуар, он был наполнен зеленым лечебным раствором, который зачаровал Дулитл, а Кэрран плавал там нагишом. На сей раз вода в баке оказалась чистой. Внутри стояла клетка для люпусов с решетками толщиной с мое запястье, покрытыми серебром. Там плескалось нечто темное. Оборотни топтались взад-вперед. Среди них – три почти семифутовых перевертыша в зверином обличье. Косматые головы загораживали обзор.

– Что это? – я направилась к клетке.

– Увидишь. – Кэрран выглядел ужасно самодовольным, как кот, который стащил сливки и решил, что выйдет сухим из воды.

Мы зашагали через двор, и вдруг звезды заслонил черный силуэт. Над нами пролетела крупная продолговатая туша с огромными перепончатыми крыльями и скрылась за линией леса.

Немыслимо! Даже во время Вспышки возможность появления подобного создания ничтожно мала.

Оборотни расступились перед вожаком. В клетке светилась рива.

– Но как тебе удалось?..

Кэрран пожал плечами.

– Когда ты нас покинула, она по твоему следу пришла в резиденцию. Возникли некоторые разногласия. Пришлось вырвать ей руки. Тварь не сдохла, мы посадили ее в клетку для люпусов и привезли сюда.

Рива распахнула глаза, на шее трепетали щели жабр. Обе руки были на месте и отлично функционировали. Она регенерировала. Волосы обвилились вокруг прутьев решетки и тут же мотнулись в сторону.

– Не нравится ей серебро! – как по волшебству из толпы вышел Джим.

Кэрран кивнул.

– Клетка – отличная идея. Никогда бы не додумался. Отличный выбор.

Когда в следующий раз случится подработать в гильдии, потрачу деньги на такие же решетки для квартиры. В тех, которые стоят у меня сейчас, довольно много серебра, но, похоже, все же недостаточно, чтобы удержать рив.

Я вытащила монисто, тварь бросилась к прутьям клетки, лавандовые глаза прикипели к веревке.

– Хочешь? – я повела рукой влево, тварь метнулась туда же.

Я развязала один из многочисленных узлов, сняла первую монету и отшвырнула на пару футов. Рива по-прежнему не отрывала глаз от монисто. Я сняла другую подвеску и бросила рядом с первой. Реакции не последовало.

– Какая-то из них особенная? – поинтересовался Кэрран.

– Ага. Только не знаю которая.

Третья монета, четвертая.

– Эй, ребята!

Этот голос я узнаю где угодно. В добрых двадцати пяти ярдах от нас на стене стоял Бран

и размахивал арбалетом.

– Закатили вечеринку, а меня не позвали!

– Стащите его оттуда, – негромко велел Кэрран.

Пара оборотней в зверином обличье отделились от толпы и двинулись к стене.

Бран ухмыльнулся.

– Вот кто здесь вожак. Я-то думал, ты повыше ростом.

– Сломать тебе спину я смогу – запросто дотянусь, – огрызнулся Кэрран.

Лицо его приняло непроницаемое выражение, столь же эмоциональное, как кусок гранита. Видимо, Царь зол до чертиков.

– Спускайся, поболтаем.

– Благодарю, но нет. – Бран зацепился взглядом за монисто в моей руке, а затем внимательно присмотрелся к окружавшим меня оборотням.

Он жаждал заполучить ожерелье, но шансы складывались не в его пользу. Стрелок пожал плечами и уставился на риву.

– А кто там у вас? Давайте-ка я помогу...

Щелкнул арбалет, и затылок твари прошили два болта, острия их вышли точно из глазниц. Рива растаяла.

Дверь башни распахнулась, и во двор ворвались оборотни.

– У него карты! – закричал кто-то.

– Пожалуй, мне пора! – Бран помахал нам пакетом. – Спасибо!

Закружился туман, и стрелок исчез.

Кэрран взревел.

Львиный рык сначала напоминает раскат грома. Первый звук глубокий и пугающий, и даже не верится, что такое под силу живому существу. Он взрывает твои нервные окончания, и ты примерзаешь к месту. В голове не остается ни единой мысли, и вот ты стоишь – жалкое в своей беспомощности создание, и ни когтей у тебя, ни зубов, ни голоса... Потом рокот утихает, и вроде бы все кончено, но затем рев обрушивается вновь, словно жуткий кашель, раз, второй, третий, разгоняется и наконец захлестывает, неудержимый и оглушительный.

Хочется зажмуриться, но ты, собрав волю в кулак, поворачиваешь голову. И видишь чудище высотой семь футов. У него голова льва и львиный зев. Монстр покрыт серой шерстью. Конечности, обхватом с добрый ствол дерева, прочерчены темными полосами. Когти легким взмахом способны выпотрошить тебе брюхо. Глаза обжигают золотым огнем. От его рыка содрогается земля. В воздухе разливается острый запах мочи – это чудища поменьше пресмыкаются перед Царем Зверей. Чтобы не оглохнуть, приходится зажать уши.

Рев Кэррана ослабевает. Слава богу! Я решила сообщить ему, что Брану уже ничего не слышно, а если и да – то он не свалился бы в обморок от ужаса, но для умничанья момент выдался не самый подходящий.

Морда зверя задрожала, и вожак превратился в полульва-получеловека – мне уже доводилось видеть ипостась химеры Кэррана.

– Общайте крепость! Выясните, как он сюда попал – и что еще стащил! – прогрохотал по двору голос Царя.

Все перевертыши, кроме Джима, исчезли в мгновение ока.

Нужно добраться до Брана. Время поджимало. Вспышка почти в разгаре – я хотела отыскать Джули и ее мать, пока магия не грянула со всей мощью. Но как отправляться в туман с монисто? Пес Морриган желает его заполучить. Оставлять тоже нельзя – за ожерельем охотятся фоморы. Они явятся следом. Что делать?

Джим многозначительно посмотрел на Кэррана.

– У нас есть приманка. Уж очень она ему нравится. Он может захотеть ее навестить.

Вот ублюдок!

Опять – в который раз – подставил меня. Почему я всегда удивляюсь? Я взглянула на Кэррана – тот задумался. Было почти заметно, как где-то под гривой вращались шестеренки.

– Не надо! Я должна найти Джули. Не могу торчать здесь и ждать, пока идиот материализуется из воздуха.

Джим потянулся ко мне.

– Убери руку или ее лишишься, – я к нему даже не повернулась. – Ты меня знаешь – я все равно это сделаю.

– Мы не нуждаемся в помощи, – заявил Кэрран.

Джим отдернул руку.

Я сделала глубокий вдох: из неразберихи есть выход, но на него способна решиться только отчаявшаяся дурочка вроде меня. Идея либо невероятно умная, либо невозможно глупая.

– Стрелок жаждет стащить монисто. Я видела, как он на него таращился. Я доверяю Стае эту вещь на хранение, пока она мне не понадобится. – И вложила шнурок в когтистую лапу Кэррана. – Ты ее сбережешь. Она очень важна – не представляю почему. За ней придут и ривы, и стрелок. Не могу потерять столь важный предмет. Обещаешь защищать его?

То был жест абсолютного доверия. Бран проник сквозь преграды Стаи три раза. Я оставляла Кэррану монисто – данный факт значил для Царя больше любой мести. Теперь это наше с ним личное дело. Если он возьмет ожерелье, то умрет, защищая его.

Взгляд золотых глаз обратился ко мне.

– Даю слово, – проронил Царь.

Наконец я могла выполнить то, что должно. Бран не будет отвлекаться на побрякушку, если предположить, что мне удастся его найти, а Кэррана не одолеть ни одной риве.

– Я отправлюсь к будам – проверить подругу, а потом сразу на поиски Джули.

– До территории гиен тебя проводят.

– Я сама способна найти дорогу.

– Не спорь, – покачал головой Кэрран.

Спустя пару минут я ехала на лошади по направлению к владениям Тетушки Би в сопровождении четырех мрачных оборотней. У невидимой границы они меня покинули. Как любезно объяснил один из них, кланы Стаи надеются, что место их обитания останется неприкосновенным. И члены других общин старались не переходить черту.

У крыльца поджидала знакомая буда, которая обещала с улыбкой обглодать кости Джима. Она наблюдала, как я спешивалась и забирала книги Эсмеральды из двуколки, все так же брошенной у дома.

– Вернулась? – заметила она. – Я заглядывала к твоей цыпочке. Горячая штучка! Ей нравятся девочки?

– Понятия не имею.

– От чего она балдеет? Конфеты, музыка? Что любит?

– Пушки.

– Пушки?

– Угу.

– Совсем в них не разбираюсь, – нахмурилась буда. – Не сработает, да? Вот облом. Уж и не знаю, стоит ли с ней заморачиваться...

Я сразу вспомнила о Кэрране.

– Все мужики – тупые засранцы.

– Девчонки не лучше, – кивнула буда. – Сплошь ноющие сучки... – Немного подумав, она продолжила: – А с парнями можно повеселиться. Приглядишься к Рафаэлю. Он у нас самый настойчивый, и ему везет больше других. Хотя сейчас Раф крутится возле твоей цыпочки.

Андреа и Тетушка Би сидели на кухне за круглым столом и пили чай.

Моя подруга поднесла чашку к своей гиеньей морде. Это было забавно. Я захлопнула рот, стараясь сдержать смех. Что-то нервы расшалились...

Но если она попросит печенье, я не выдержу.

Увидев меня, Андреа застыла.

– Как прошло?

– Что именно?

– Она спрашивает, придет ли Кэрран ее убивать? – вздохнула Тетушка Би.

- Понятно. Нет, Царя Зверей не интересует твоя смерть. Поверь, ты сейчас – наименьшая из его проблем.

Андреа с облегчением выдохнула.

- Умоляю, скажи мне, что здесь есть кофе, – проговорила я.

Тетушка Би сморщилась.

- Они и так чокнутые. Позволь я им пить кофе – начнут носиться по стенам. Я заварила травяной чай.

Я сложила книги на стол.

- Похоже, тебе нужна помощь? – Андреа поставила возле меня дымящуюся чашку.

Мне нужно отыскать Джули и ее маму, убедить одного социопата пожертвовать кровью на благо человечества и разобраться с закутаным в балахон монстром с щупальцами и его бешеными русалками.

Мне срочно требовался кофе!

На кухню вальяжно ввалился буда в штанах из черной кожи и таком же жилете, обнажавшем мускулистую грудь. Парень не выглядел классическим красавчиком, скорее наоборот: нос чересчур длинный, а лицо узкое, но свои достоинства он использовал с максимальной выгодой: синие глаза горели, а черные волосы расчесал до блеска. Женская интуиция почему-то подсказывала, что он хорош в постели, и стоило на него посмотреть, как на ум сразу приходили мысли о сексе.

Незнакомец со странной тоской посмотрел на Андреа, переключил внимание на меня и подал руку.

- Прошу прощения за нашу... перебранку в повозке. Я просто пошутил. Меня зовут Рафаэль.

- Любитель боли? – Я поднялась, чтобы пожать ему руку, но он вместо этого перевернул ее и поцеловал мне пальцы, опалив меня взглядом, полным тлеющего огня.

Я отшатнулась.

- Ух ты, я даже взбодрилась.

- Давненько ты?.. – Улыбка у него была как с картинки.

Почему-то мне захотелось ответить.

- Около двух лет. Поэтому буду весьма признательна, если ты приглушишь улыбочку. А то у меня коленки слабеют.

Рафаэль шагнул назад. У него появился тот же обеспокоенный взгляд, каким меня награждал Дулитл, когда я уверяла, что все в порядке.

- Слишком долго. Если хочешь, мы это уладим. После такого срока секс нужен чисто терапевтически.

- Нет, спасибо. Мне уже вызвался помочь Кэрран, но я его отшила. Боже упаси, чтобы у вас появились разногласия.

Я вовсе не намеревалась сталкивать гиен и Кэррана лбами.

Рафаэль отступил, подняв руки в воздух, и занял стратегическую позицию за Андреа.

- Прости...

- Никто и не обижается.

- Кэрран говорил всерьез? – осведомилась Тетушка Би.

Явно хотела выяснить, стоило ли ходить вокруг меня на цыпочках. На сей раз я была счастлива ее разочаровать.

– Нет, и он вел себя как засранец. Наверное, каждый раз, когда он называет меня «деткой», у меня такой вид, словно мне в зад воткнули раскаленную кочергу. Это его бесконечно веселит.

Я пригубила чай.

Тетушка Би наградила меня странным взглядом.

– Знаешь, – произнесла она, помешивая напиток, – самый быстрый способ отделаться от Кэррана – переспать с ним. А затем признаться в любви. Желательно прямо в постели.

Я фыркнула, и чай чуть не вылился у меня из носа.

– Он удрал бы, будто у него земля горит под ногами.

Рафаэль обнял Андреа за плечи.

– Ты еще немного напряжена? – и принялся нежно разминать ей мышцы.

– Ты это сделаешь? – Тетушка Би посмотрела на меня поверх чашки.

– Только через мой труп. Погодите-ка, беру свои слова обратно. Ни за что на свете.

– Он приглашал тебя на ужин? Подарки, цветы и все такое?

Мне пришлось отставить чашку – руки затряслись.

Отсмеявшись, я спросила:

– Кто, Кэрран? Ловелас из него никакой. Он вручил мне миску супа, вот как далеко мы зашли.

– Он тебя кормил? – Рафаэль перестал массировать плечи Андреа.

Тетушка Би уставилась на меня.

– Когда? Рассказывай подробно – это важно.

– Вообще-то он меня не кормил. Я была ранена, и он дал мне тарелку с куриным супом. Кажется, даже две или три. И обозвал дурочкой!

– Ты взяла? – спросила Тетушка Би.

– Конечно. Я умирала от голода. Почему вы на меня так таращитесь?

– Ничего себе! – Андреа поставила свою чашку, разлив немного на стол. – Царь Зверей кормил тебя супом. Задумайся хоть на секунду.

Рафаэль поперхнулся.

Тетушка Би спросила:

– Кто-нибудь еще был в комнате?

– Нет, он всех прогнал.

– По крайней мере, обошлось без публичного выступления.

– Может, он на такое никогда и не пойдет, – заметила Андреа, – чтобы не поставить под удар ее положение в ордене.

Лицо Тетушки Би приняло серьезное выражение.

– Наш разговор не должен выйти за пределы этих стен. Слышишь, Рафаэль? Никаких сплетен, постельных разговорчиков – молчок. Нам не нужны проблемы с Кэрраном.

- Немедленно объяснитесь – или я кого-нибудь задушу!

Впрочем, Рафаэлю это может понравиться...

- Еда имеет особое значение, – произнесла Тетушка Би. – Пища – показатель иерархии. Никто не приступит к трапезе раньше альфы, пока тот не позволит, и ни один альфа не станет есть в присутствии Кэррана, пока не начнет Царь. Но есть и еще кое-что... Звери подобным образом выражают любовь. Кот оставляет мышей у порога, заботясь о своем хозяине, ведь охотник из того паршивый. Если парню-оборотню нравится девушка, он приносит ей что-нибудь вкусное. А если симпатия взаимна – девушка готовит ему обед. Когда Кэрран желает продемонстрировать интерес к женщине, он угощает ее ужином.

- На людях, – добавил Рафаэль, – отец-оборотень всегда отдает первую порцию женам и детям, давая понять, что если кто-то нанесет им оскорбление – сначала придется разобраться с главой семьи.

- Если собрать всех подружек Кэррана, можно устроить парад, – заметила Тетушка Би. – Но я ни разу не видела, чтобы Царь лично давал еду прямо в руки женщине. Он крайне скрытный, и такое могло происходить наедине, но я бы все равно узнала. Эти вещи в крепости не утаишь. Теперь тебе ясно? Он проявил к тебе интерес, милочка.

- Но я не понимала, что это значит!

- Не важно, – нахмурилась Тетушка Би. – Отныне будь настороже. Раз уж Кэрран чего-то захотел, его не разубедить, он будет добиваться своего и не остановится, пока во что бы то ни стало не получит. Именно такое упорство и делает его альфой.

- Вы меня пугаете.

- Знаешь, на твоём месте я бы забеспокоилась.

Хорошо бы оказаться дома, где у меня припрятана сангрия. Ситуация явно из разряда экстренных.

Словно прочитав мои мысли, Тетушка Би поднялась, достала из шкафа бутылку и налила мне стопку. Я осушила ее одним глотком, и текила обожгла горло, как жидкий огонь.

- Получше?

- Да, помогло...

Кэрран довёл меня до алкоголизма, но зато я больше не помышляла о самоубийстве.

Придвинув поближе сборник мифов и легенд, я открыла его на странице с оглавлением. Раз предстоит встреча с Браном, надо к ней получше подготовиться. Как следует разобраться в ситуации. А рассудок, увы, упорно возвращался к воспоминанию о Кэрране, угощающем меня супом.

- Твои книги воняют курицей, – сморщил нос Рафаэль.

- Они не мои.

- Ты собираешься искать Джули? Я помогу, – Андреа стряхнула со своих плеч руку Рафаэля. – Я за нее в ответе.

- Нет, – покачала я головой. – Это моя забота. Я мало что могу для нее сделать, но точно способна отыскать лучника Морриган.

Я рассказала ей про ковен и книги Эсмеральды, о ривах и о том, что мне нужно раздобыть кровь Брана, но не стала вдаваться в подробности – для какой цели.

- Когда на нас напали ривы, пастырь упомянул Великого Ворона. Давай-ка взглянем...

Я пробежала пальцем по оглавлению. Никакого Великого Ворона. Фоморов полно, но ни пастырь, ни Болгор не упомянуты. Что же тогда их связывает? Пес Морриган, арбалет, ковены, пропавший котел...

Ага! Нашла запись о котле: «Котел изобилия, см. Дагда».

Вроде бы Дагда некоторое время являлся главным воздыхателем Морриган.

«Котел оживления, см. Бранвен». Перелистнула на нужную страницу. «Я дам тебе котел, и свойство его таково, что если погрузить в него убитого сегодня человека, то назавтра он будет так же жив, как раньше, кроме того, что не сможет говорить» .

– Нашла что-нибудь? – поинтересовался Рафаэль.

– Пока нет.

А это интересно... Ривы наполовину мертвы. Может, они каким-то образом выбрались из котла оживления? Я вернулась к содержанию.

«Котел мудрости, см. Рождение Талиесина». Каждый, кто хоть немного разбирался в кельтской мифологии, слышал о Талиесине, великом барде древней Ирландии, друиде, преемнике Мерлина. Как и все, миф я знала, однако все равно отыскивала нужную страницу просто чтобы удостовериться.

Бла-бла-бла, богиня Каридвен, бла-бла-бла...

Я дернулась, как громом пораженная.

– Что? – любопытствовала Андреа.

Перевернув страницу, я продемонстрировала иллюстрацию.

– Рождение Талиесина. У богини Каридвен был чрезвычайно безобразный сын. Пожалев его, она сварила напиток мудрости в огромном котле, чтобы наделить дитя знанием. Мальчик-слуга помешивал зелье и нечаянно попробовал, украв дар. Каридвен погналась за ним. Он обернулся пшеничным зернышком, чтобы от нее спрятаться, но богиня превратилась в курицу, склевала зерно и родила Талиесина, величайшего поэта, барда и друида.

– Да, – нахмурилась Андреа, – я поняла, что парень возродился посредством котла, ну и что?

– Все дело в имени уродливого сына богини. Морвран! С валлийского mawr – большой... и bran – ворон. Великий Ворон.

– Так это тот самый чувак? – спросил Рафаэль. – Главный у фоморов?

– Похоже, да. И он ворон, как и Морриган. Схожие имена плюс ведьмы-недоучки, и на выходе получается...

– Катастрофа, – подсказал Рафаэль.

«Вороньи сестры». Какое ужасное название для ковена.

Андреа задумалась.

– Неужели те идиотки и правда настолько безграмотны? Невнятно произнести заклинание – это одно, но облажаться так, чтобы начать нечаянно поклоняться другому божеству? Морвран и Морриган даже разного пола!

– Может, они начали молиться Морриган, а потом немного запутались и заболтались, и Морвран воспользовался лазейкой. Наверное, ему удалось заключить с Эсмеральдой сделку. Она жаждала знаний, а он их предложил. Талиесин, сводный брат Морврانا, был друидом и служил королю Артуру после Мерлина. Возможно, и Морвран друид? Иначе кто бы обучил Эсмеральду обрядам?

Андреа подалась вперед.

– Ладно, но зачем? К чему утруждаться?

– Понятия не имею. Будь ты богиней, чего бы тебе хотелось?

Я долила чая Тетушке Би, а затем себе.

– Жизни, – вставил Рафаэль.

– В каком смысле?

– Я бы хотел жить. Боги только тем и заняты, что наблюдают за смертными. Однако сами никогда не принимают участия. Не играют.

– Это невозможно, – возразила Андреа. – Теория Пост-сдвига гласит, что истинное божество не может появиться в нашем мире.

– До нас то и дело доносятся слухи о божествах, – возразил Рафаэль и снова принялся разминать плечи Андреа.

– Они не настоящие, – покачала головой моя подруга. – Образы, созданные магами, соломенные чучела фантазии. Суть магии в том, что она воплощается в конкретную форму. Божки не осознают себя.

Я с трудом воспринимала факт, что боги вообще существуют. Как и любой из нас, я знала теорию: магия способна материализовать мысли и намерения.

Вера есть мысль и намерение, а молитва сливает их воедино и усиливает магию, воплощая ее наяву, так же как произносимое заклинание олицетворяет волю заклинателя. На деле это означало, что если множество людей достаточно четко представляет образ бога и усердно ему молится, сила способна милостиво явить им объект их поклонения. Христианский бог или викканская, то бишь неоязыческая богиня вряд ли когда-нибудь обретут реальную форму, ведь представления верующих слишком разнятся, а власть высших существ чересчур размыта и обобщена...

Но кто-нибудь более конкретный, например, Тор или Пан, теоретически может и ожить.

Вот этим «теоретически» я как щитом отгородилась от Морриган и Морврана. Немногое ужасает сильнее мысли, что твой бог способен возродиться. Между ним и его почитателем нет никакого личного пространства. Ни секретов, ни умолчаний о промахах. Только выполненные или нарушенные обещания, содеянные или воображаемые грехи да обнаженные чувства. Любовь, страх, благоговейный трепет. Многие ли готовы отдать свою жизнь на суд? А что, если найдутся желающие судить?

Голос Андреа ворвался в мои мысли:

– Во-первых, большинство представляет своих богов живущими в каком-нибудь волшебном мире. Ни один верующий ведь не воображает, как Зевс с молнией под мышкой разгуливает по улице? Чтобы воплотиться на Земле, требуется воля самого существа. Тут у нас возникает неувязка... Во-вторых, вера паствы для богов – как бензин для машины. Когда уходит магия, иссякает поток веры. Нет горючего – нет и энергии. Что тогда происходит с богами? Они впадают в спячку, умирают или исчезают с лица Земли?

Голос Саймана в моей голове прошептал: «Настало время магии, Кейт! Час богов».

– Магия для появления божества пока не настолько сильна, и ее приливы слишком частые, – закончила Андреа.

– Но не во время Вспышки, – заметила я.

Андреа открыла было рот и тут же его захлопнула.

– В данный момент она несколько часов находится на пике. Бог может воскреснуть, а потом снова спрятаться в своем тайном месте, пока не нагрянет технопериод.

Тетушка Би поставила чашку на стол.

– Тогда ничего хорошего не выйдет. Небожители не должны вмешиваться в наши дела. Хорошо ли, плохо ли, мы в состоянии сами управиться.

Я посмотрела на Андреа.

- Пару минут назад ты высказала верную идею – про паренька, который переродился посредством котла. Воплощение в реальности и есть своего рода перерождение. А если и Морриган пришла в наш мир тем же способом? С места шабаша ведьм пропал котел. Я видела отпечатки его ножек – он должен быть просто огромным. Сомневаюсь, что и Кэррану под силу его поднять. Кто бы взялся тащить гигантский котел, не будь это действительно важно?

- Наверное, так и есть, – вздохнула Андреа.

- Но в теории есть пробел: я понятия не имею, при чем здесь пастырь и монисто Рэда. Все гоняются за той безделушкой, но никто не объясняет почему.

- И где оно сейчас? – осведомилась Тетушка Би.

- Я вложила его прямо в руку Кэррана. Он обещал о нем позаботиться. – Я встала. – Пора поболтать со стрелком Морриган. Андреа, не присмотришь за моими вещами, пока я исполняю ритуальные танцы?

Та поднялась, со скрипом отодвинув стул.

- Не стоило и просить.

- Почему бы сразу не узнать у стрелка? – удивился Рафаэль.

- Потому что он вун и вор. Пифии ведьм придерживаются нейтралитета и скажут правду.

За домом Тетушки Би раскинулось поле. В центре рос старый дуб-исполин. Ветви простирались с таким размахом, что почти достигали земли. В лунном свете он отбрасывал густую тень. Идеально.

- Это несложно. – Я направилась к дереву, держа в руках керамическую миску и кувшин с водой. – Нужно исполнить один странный танец. Если все пройдет как надо, я исчезну.

- В каком смысле? – Андреа шла следом за мной, а за ней – Рафаэль.

- Уйду в туман. Чары призыва очень древние. Ведьмы пользуются ими, когда хотят найти своих фамильяров .

Обычно ритуал совершается в лесу. Ведьма танцует, притягивая самое подходящее для нее животное. У чар призыва много разновидностей. Некоторые созданы, чтобы приворожить мужчину, хотя, по моему опыту, ничего хорошего из этого не получается. Заклинание можно нацелить на конкретного человека, правда, с простыми людьми оно не работает, иначе я прямо сейчас была бы с Джули, но Бран настолько пропитан магией, что должен притянуть меня к себе.

Я сняла жилет и положила его под дубом. Потом отстегнула ножны и вручила «Погибель» Андреа. Затем настал черед ботинок и носков. Вообще-то плясать принято обнаженной – волшебство лучше сработает, но мне не хотелось прыгать в объятия Пса Морриган нагишом. Уверена, он бы только обрадовался.

Я ступила на прохладную гладкую траву и глубоко вдохнула. Как делать призыв, я знала. Меня научили очень давно, и я уже не помнила, кто и когда это был. Пару раз мне доводилось наблюдать за ритуалом, но сама никогда не пробовала.

Андреа уселась на землю, Рафаэль устроился рядом.

Я налила воды в миску, отстегнула ремень, достала из кармашков и высыпала в воду порошки трав: женский папоротник и зола для ясновидения, щепотка полыни для отвода глаз любопытным. Немного дуба для привязки к мужчине. Правда, перемалывая дубовые листья, я схалтурила, и теперь вместо мелких частиц на поверхность всплыли несколько крупных кусочков.

Я не захватила волчок, но пару недель назад мне попался отличный ясеновый посох. Правда, я быстро его изуродовала, накромсав щепок. Их я тоже носила на поясе. Ясень лучше прочих пород древесины проводит чары.

Я бросила лучинку в воду и прошептала заговор.

Импровизированный волчок вздрогнул. Задержался, как поплавок, когда рыба клюет приманку, и завертелся на месте – сначала медленно, затем быстрее и быстрее.

– Для чего такая штукавина?

– Связывает травы и магию. – Вытащив метательный кинжал, я вручила его Андреа. – Если что-то пойдет не так, брось кинжал в чашу. Только не пытайся ее переверачивать и не доставай волчок.

– Но как я пойму, что нужно это сделать?

– Я закричу.

Я сняла наручи с серебряными иглами, второй метательный нож, три акульих зуба. Положила их на землю. Туда же перековывала и специальная аптечка.

– Сколько же ты с собой таскаешь оружия?

– А больше, пожалуй, ничего и нет.

Я ступила в тень дуба. Разделась до футболки и трусиков, не оставив ни пояса, ни сабли, ни ножа. Прихватила только набор для забора крови и квадратик полотна, связанных волос и крапивы. Представив широкий круг, швырнула тряпицу в самый центр, подошла к границе воображаемой окружности и пустилась в пляс.

Шаг за шагом я шла вперед, изгибаясь всем телом, следуя ритму. На середине второго круга из вязаного клочка вырвалась тонкая струйка магии и влилась в меня. Она омыла меня с головы до пят, распадаясь на ручейки там, где кожа касалась земли, будто я была деревом. Она вела меня и тянула к себе.

Краем глаза я заметила, что в тени собрались буды. Их влекло ко мне, точно мотыльков к огню. Гиены наблюдали за мной горящими красными глазами, мягко покачиваясь в такт неслышной музыке танца. А потом я ее услышала – простую далекую мелодию. С каждой секундой она нарастала, разрывая сердце. Печальная, но дикая, чистая, и вместе с тем несовершенная. Она захлестнула меня, вонзилась в грудь, наполнив сердце чувством, которое мой русский отец называл *toska*.

И тоска оказалась настолько всепоглощающей, что мне сделалось физически больно. У меня начали подгибаться ноги, воля истощилась, и в конце концов осталась лишь грусть. Я скучала по чему-то и понимала лишь одно: мне этого остро недостает – так, что невозможно дышать.

Я продолжала танцевать. Околдованные буды исчезли. Вокруг за клубился туман. Мимо меня сквозь мрак протрусил пес. Дымка стала медленно рассеиваться, и в белой пелене возникло манящее желтое сияние.

Ноги нащупали влажную траву и камни. Послышался плеск воды и треск дров, горящих в огне. Я двинулась на острый запах солоноватого дыма.

Пара шагов – и я ступила на берег озера. Глянцевый, черного и безмятежного в лунном свете – прямо монетка, вымазанная смолой. Возле воды, в ямке, выложенной камешками, горел костерок. На вертеле поджаривалась мелкая тушка. Возможно, кролик.

Я обернулась: за зубринами верхушек чернел лес. Туман уполз в чашу, будто деревья его всосали.

Нападение было внезапным, и я отразила его инстинктивно. Справа на меня бросился Бран, я отступила в сторону и, не задумываясь, подставила ему подножку, перенаправляя движение. Я столько раз применяла этот прием, так что осознала свои действия, только когда стрелок пролетел мимо меня и плюхнулся в озеро. Приземлившись, он повернулся ко мне и ухмыльнулся.

Проклятье, а ведь ублюдок красив! И к тому же полураздет: торс украшали синие

завитки татуировок.

Господь явно сотворил его для соблазнения женщин.

- На сей раз без клинка?

- Да, - пожала плечами я, - но ты не можешь исчезнуть.

- Ни к чему.

Он выбрался из озера - с черных волос стекала вода - и вновь кинулся ко мне. Увернувшись от его рук, я пнула Брана по колену и отпрыгнула. Он быстро махнул ногой, и та пролетела на волосок от моего лица. Крутанувшись вокруг него, я вонзила ему в бок локоть. Противник в ответ зацепил меня кулаком.

Попал прямо в плечо, довольно больно, но я сбила его ударом по ногам. Мгновенно вскочив, Бран метнулся в сторону - он резвился, как разыгравшийся щенок. Подбегал, игриво покусывал, давая себя уронить.

- С любовником так не обращаются!

- Я не трахаться с тобой пришла.

- Тогда к чему суматоха?

- Мне нужна капля твоей крови, чтобы спасти девушку.

Бран согнул руку, показывая вздувшиеся вены.

- Моей, значит?

- Да.

- Уверен, мы договоримся, - подмигнул он.

- Нельзя. Кровь должна быть отдана даром - или она не поможет.

- Согрей меня ночью, и, может быть, утром я расщедрюсь.

- Никаких сделок, - покачала головой я.

Бран уставился в небо.

- Ты не станешь со мной спать?

- Нет.

Он задумался.

- Хочешь взять меня силой? Ты настолько отчаялся?

Он мотнул головой, отбрасывая волосы с глаз.

- Никогда не принуждал женщину. Мне и не нужно. Они и так на меня вешаются.

Неужели?

- Приятно знать, что ты настоящий джентльмен.

- Зачем мне отдавать тебе кровь? Мне-то что с того?

- Ничего. Просто будешь знать, что совершил доброе дело. Ты ведь герой. Вот и поступи по-геройски.

Бран подошел к костру и опустился на землю.

- Считаешь меня христианином, голубка? Ты ошиблась.

Подул прохладный бриз, и по озеру пробежала рябь. Я обхватила себя руками. Нужно узнать о Джули и о многом другом, но рассказам Брана нельзя верить. Надо добыть его кровь и проваливать.

- Мне любопытно: почему ты называешь меня голубкой?

- Готов поспорить, в постели ты воркуешь. - Темные глаза блестели, отражая пламя костра. - Садись рядышком...

- Только без фокусов!

- Я не даю обещаний.

Разве у меня есть выбор? Я устроилась возле него, наслаждаясь теплом огня.

Бран откинулся на спину, опустив голову на согнутую в локте руку. Мышцы у него были как у мастера единоборств или воина, привыкшего к бегу, - жесткие, без унции жира. А запах... запах мужчины, какой исходит от спортивных парней - пот, раздевалка и солнце.

Где-то вдали ухнула сова, и ее крик повис над черной, как смоль, водой.

- Что это за место?

- Пристанище Морриган. Ее владения.

- Она здесь?

- Да, - кивнул Бран. - Но сейчас не смотрит - спит.

- Морриган когда-нибудь спускалась на Землю?

- Почему ты не хочешь заняться сексом? Боишься своего дружка-Рэмбо?

- Рэмбо - выдуманный персонаж, не настоящий. Ты не ответил на мой вопрос.

Бран обнял меня.

- Поцелуй, и мы обязательно поговорим.

Я убрала его руку.

- Не стоит. Это скользкая стезя.

Он погладил меня по плечу:

- А ты меня все-таки хочешь!

- Может, совсем чуть-чуть.

Он лукаво улыбнулся.

- Но спать с тобой не собираюсь, - добавила я.

- Но почему?

Я вспомнила пляски Саймана на снегу.

- У меня есть друг, умеющий менять облик. Вообрази любое тело - он способен в него трансформироваться. Он звал меня в свою постель.

Бран нахмурился.

- Он может превратиться в девушку?

- Да.

- Хотел бы я на него взглянуть!

Мужчины остаются мужчинами, даже живя в тумане.

Стрелок уселся, снял тушку с огня и воткнул вертел в землю. Взмах ножа – и Бран протянул мне почти обуглившуюся ножку.

– Держи. Я накормлю тебя, раз ты взялась рассказывать байки. Не хочу показаться негостеприимным.

– Спасибо.

Я оторвала с ноги кусочек мяса и прожевала. Послевкусие оказалось сладким – кролик.

– Что с тобой, голубка? Бережешь себя для брака?

– Как-то поздновато, – хохотнула я.

– Тогда почему не хочешь поразвлечься со своим приятелем? Похоже, парень старается. Давно он за тобой ухлестывает?

– Около года. Просто меняет тела как перчатки, но я-то знаю, кто это, какой бы облик он ни принял.

– Бедолага не слишком-то тебе нравится, верно?

– Не нравится. Когда-то давно предложение могло показаться забавным, очутись на его месте другой человек. Но, в конце концов, я всегда помню, что не нужна ему. Он не способен разделить со мной радость, когда я счастлива, и даже если я окажусь на грани самоубийства, ему будет плевать. С таким же успехом можно трахаться с надувной куклой. Он и клюнул-то лишь потому, что я отказала.

– Все мужчины именно потому и клюют.

– Да, но его интересует только мое тело. Нормальные парни в итоге ищут общения.

– Нет, – покачал головой Бран. – Общения ищут девушки, а парни – постели.

– Тогда почему ты пригласил меня посидеть с тобой? – усмехнулась я.

– Считал, что сумею заставить тебя изменить мнение.

– Не сумеешь.

– Это ты так думаешь.

– Как давно ты вот так ужинал с кем-то?

– Не помню, – пожал плечами Бран.

– Так ты всегда ешь один?

– Да тебе-то что? – в его голосе прорезалась неприязнь.

– Просто любопытно.

Он пошевелил угли палкой. Я доела свою порцию и улеглась на спину, вытянув ноги к огню. День выдался долгий. Джули пропала, и до сих пор неизвестно, куда исчезла ее мать. Хоть Андреа не умерла...

Вдруг я поняла, что Бран на меня смотрит. Наши взгляды встретились, и он склонился для поцелуя, но я накрыла его губы ладонью.

– Не хочется бить тебя головой в третий раз. Поверь, если я передумаю, ты первый узнаешь.

Бран сел, схватил веточку и принялся крошить ее на мелкие кусочки, бросая их в огонь.

– Я тебя не понимаю! Раньше у меня не возникало проблем с женщинами. А теперь... Ты слишком прогрессивная!

- Сомневаюсь, что меня можно так назвать, – нахмурилась я.

- Именно так! Сейчас почти все дамочки такие. Прежде, если ты угощал девушку и беседовал с ней, как мы с тобой, это означало, что она согласится лечь под тебя. Иначе к чему напрягаться? А теперь вы стали дерзкими. Нацепят обтягивающие тряпки, а спать с тобой ни за что не станут. Им хочется общения. Да о чем там разговаривать?!

Я уселась, обняв колени.

- Бран, я ведь тебе даже не особо нравлюсь, да? Как мой друг не нравится мне.

- С чего ты взяла? – он уставился на меня.

- Возникло такое ощущение. Словно ты пытаешься забраться ко мне в трусики только потому, что я женщина, и ты не знаешь, на что я еще гожусь. Я тебя не так уж и привлекаю.

Он вздохнул и на сей раз по-настоящему посмотрел на меня.

- Ты права. Пойми меня правильно, у тебя классная фигура и все такое. Пожелай ты раздвинуть ноги, я бы не отказал, но мне случалось укладывать в постель девчонок куда красивее.

- Так и знала, – кивнула я.

- Что меня выдало?

- Поцелуй.

- Я целуюсь как ненормальный! – возмутился он.

- То был поцелуй разочарованного мужчины с уязвленной гордостью. Без пыла, – я вручила ему очередной пруттик. – Поговори со мной. Притворись, что я путник, заглянувший на огонек. Готова поспорить, гости к тебе редко заглядывают. Ты ведь живешь в тумане?

- Выхожу поразвлечься во время Вспышки, – он широким жестом обвел озеро и лес. – Охочусь, рыбачу. Игра никогда не заканчивается. Хорошая жизнь.

- Значит, ты можешь попасть в реальный мир только во время Вспышки?

- Да.

- Но она случается примерно раз в семь лет. И все эти годы ты сидишь здесь в полном одиночестве?

Бран свистнул. Из темноты выбежал лохматый черный пес и шлепнулся к его ногам.

- У меня есть Конри.

Огромная собака перевернулась на спину и задрала лапы, подставляя живот. Бран послушно почесал Конри.

- Когда становится скучно, я ложусь спать. Иногда на несколько лет, пока она меня не разбудит.

Я дала псу косточку. Он аккуратно взял ее у меня из рук и принялся глотать. А я-то считала одинокой себя. Но у меня имеется возможность выйти куда-то и перемолвиться с кем-нибудь словечком.

- Ты провел здесь много времени, но говоришь без акцента.

- Это мой дар красноречия! Один из трех, что она мне дала. Я могу говорить на любом языке, на каком только пожелаю. А еще я могу исцелять: мои раны быстро заживают. И я самый меткий: я попадаю туда, куда посмотрю. Четвертый дар – мой собственный, от рождения.

- И какой?

- Признай, что это был лучший поцелуй в твоей жизни, и я скажу.

- Прости, могу припомнить парочку получше. По крайней мере один – точно.

- И зачем я вообще трачу на тебя время?

Я покачала головой. Бран ненастоящий. Просто чья-то тень, никаких воспоминаний и отношений... У него нет ничего – только похоть, меткость да безумный взгляд.

- Откуда ты?

- Не помню, – признался он.

- Ладно, а из каких времен? Давно ли ты здесь?

- Не помню.

Я попыталась нащупать какую-то зацепку, то, что известно каждому.

- Как звали твою мать?

- Не помню.

Я посмотрела на звезды. Миссия с самого начала оказалась обречена на провал. Кого я обманываю?

- Блатин, – вдруг сказал Бран. – Ее звали Блатин.

Он схватил меня за руку и заставил подняться.

- Сейчас я тебе кое-что покажу.

По краю озера мы побежали к деревьям. Впереди показалась деревянная хижина, утопающая в зелени. От дома к воде вел причал. Бран потянул меня к крыльцу.

Мы вошли. В камине горел огонь. Справа у стены стояло простое ложе, слева – ряд сундуков. Стены украшала резьба – деревья, руны, воины. Множество бойцов в приступе боевой ярости: изображения выполнены в мельчайших подробностях. На столе лежал свиток с изображением старца с посохом в монашеском одеянии. Он сидел на камне. Подле в морских волнах резвились русалки. Пастырь...

Бран увлек меня к сундуку, а потом распахнул тяжелую крышку. Содержимое покрывало белое полотно. Стрелок сдернул его – внутри лежали человеческие головы.

- Господи...

Он вытащил мумифицированный череп за единственную оставшуюся прядь и вручил мне.

- Все они мои!

Заявляю официально: с настолько неадекватной версией приглашения «посмотреть гравюры» я никогда еще не сталкивалась.

Бран откинул крышку следующего сундука. Шлем кайзера времен Первой мировой соседствовал с мотоциклетной каской, украшенной языками пламени.

Да сколько же на самом деле парню лет?

Третий сундук: клинки. Турецкий ятаган, катана, сабля морского офицера с изящной гравировкой *Semper fidelis*.

- Это – ничто! – он швырнул голову к остальным и потянул меня к задней двери. От пинка створка распахнулась, и мы вышли на крыльцо.

За домом громоздилась гора выбеленных стихией черепов. Курган оцетинился копьями,

пробившими кости.

- Вот! - победно махнул рукой Бран. - Есть и другие. Ни у кого столько нет. Отец обделался бы, если б увидел.

С ума сойти...

- Я великий воин. Герой! Я выиграл все эти битвы, - лицо Брана светилось гордостью. - Ты тоже воин, понимаешь меня, да?

Столько жизней... Куча превосходила меня высотой.

- Сколько тебе лет? - прошептала я.

Он перепрыгнул через перила, взял какой-то череп и продемонстрировал мне.

- Мой первый!

На трофее красовался шлем римлянина.

Я не выдержала и села - это уж слишком. Бран опустился рядом со мной. Мы смотрели на курган.

Стрелок опустил голову, и я коснулась его запястья.

- Что с тобой?

- Все равно никто не узнает. Кроме тебя, моих трофеев никто не видел. Никто не узнает, что я совершил. Когда я умру, помнить меня будет лишь Морриган.

- Она не очень сентиментальна? - догадалась я.

Он покачал головой.

- Наша сделка оказалась обманом. Я спас ее птицу, и Морриган предложила выбрать награду.

- Что ты попросил?

- Кто-то другой попросил бы долгой жизни, сильных сыновей... Я захотел стать героем. Всегда иметь много выпивки, женщин и драться.

Череп в жутковатой тишине таращился на нас пустыми глазницами.

- Попроси ты сильных сыновей, она бы позаботилась, чтобы они в конце концов тебя и убили, - заметила я. - Ее не обыграть.

- Слабое утешение.

- Да.

Я потрогала римский шлем. Металл был холодным.

- В ту пору в мире не было магии.

- Она почти иссякла, - отозвался Бран. - Осталась лишь струйка. Я все проспал, а когда очнулся и прошел сквозь туман, в мире бушевал огонь.

Первая Вспышка... Сколько людей погибло за ту неделю!

- Маленькая девочка. Помнишь, как ты ее называл? Мышонок... Ей необходима защита. Я пытаюсь найти ее мать. Ведьмы сказали, что помогут, но пифиям нужна твоя кровь, чтобы исцелить одну из них. Если она выживет - это очень хорошо. Она имеет огромное значение для многих.

Он забрал у меня череп и поднес к своему лицу, уставившись ему в пустые глазницы.

- Мне-то что с того?

- Пифии переживут века, возрождаясь вновь и вновь. Если дашь им кровь – ковен сохранит память о тебе. Навсегда. Ты станешь настоящим героем, которого не забудут.

Повернувшись ко мне, он воззрился на меня бездонными глазами.

- Для тебя это пустяк. Но он действительно даст тебе все.

Туман рассеялся, и мы с Браном очутились на каменных плитах под сводом жилища пифий. Телепортацию явно переоценивают. С одной стороны, она мгновенно перемещает тебя в нужное место, с другой – пребывание в невесомости вызывает мерзкий приступ головокружения. К тому же пришлось крепко цепляться за парня, а тот не привык держать руки при себе.

Место обитания пифий озаряли фонари и факелы. Я сомневалась, что мы кого-то застанем, однако, несмотря на поздний час, все три osoby настороженно бодрствовали. Они и глазом не моргнули, когда мы материализовались посередине зала. Вероятно, нас ожидали.

Слева от них стояли четыре ведьмы. Две из них – примерно моего возраста, а две другие – постарше. Некоторых украшали татуировки вроде тех, что красовались на груди Брана. Неужели они из ковена Морриган?

Мой спутник, согнувшись, чихнул.

– Ненавижу чертову черепаху. – Он поднял голову и улыбнулся женщинам, стоявшим в стороне. – Дамы...

Две ведьмы помоложе, прежде казавшиеся ошарашенными, тут же принялись кокетливо улыбаться.

Я подошла к платформе и вручила теплую пробирку ведьме-матери. Она взяла ее.

– Кровь отдана по доброй воле. Он ничего не ждет взамен. Но я надеюсь, вы будете помнить его дар.

Пифии поднялись и, как одна, поклонились Брану.

– Видишь?! – ткнул он в их сторону пальцем. – Вот как женщина должна вести себя с мужчиной. В следующий раз, когда увидимся, сделаешь так же.

– Скорее ад замерзнет.

Пифии тем временем уселись на свои места.

– У нас сделка, – напомнила я.

– С такими, как ты, сделка ничего не значит! – сердито рявкнула старуха.

– Может, это просто интуиция, но кажется, я вам не нравлюсь.

Она впиалась когтями в подлокотники кресла.

– Мария, – шепотом окликнула ее дева. – Не стоит грубить. Пифии никогда не берут свои слова назад.

– Могли бы и сейчас навешать мне лапши на уши, но я никуда не уйду.

Дева указала на четырех ведьм, до сих пор стоящих в стороне.

– Они говорят от имени старшего ковена Морриган и будут нам свидетелями. Скажи, что ты хочешь узнать, и я открою тебе глаза.

– Итак, я подозреваю, что Эсмеральда захотела власти и основала собственный ковен, но ей не хватало знаний и подготовки. Возможно, ковен начал поклоняться Морриган, но потом, случайно или намеренно, Эсмеральда позволила Морврону присоединиться к их обрядам и взять верх.

Семь женщин уставились на меня, обстановка под куполом стала напряженной, но я продолжила:

– Возможно, во время Вспышки, когда магия особенно сильна, Морриган могла

приходить в наш мир. Для этого пользовались колдовским котлом. Морврана тоже обурежали желания, и он научил Эсмеральду, как сделать такой же котел – или заставил украсть его у настоящего ковена Морриган.

Либо я попала в яблочко, либо у четырех представительниц Морриган одновременно приключилось расстройство желудка: лица у них очень уж исказились и покраснели.

– Я считаю, что Морвран сговорился с фоморами, но не представляю зачем. Мне нужно знать, что случилось после проведения ритуала, что произошло с матерью Джули и для чего нужно монисто, которое носил мальчишка-шаман по имени Рэд.

– А где монисто? – внезапно оживился Бран.

– Тебе – не скажу.

– Почему?! – всплеснул он руками. – Вообще-то я на стороне добра!

– Откуда мне знать? Это вопрос доверия. Пока мне не объяснят, в чем дело, побрякушку никто не получит.

– Я объясню, – пифия-мать откинулась на спинку кресла.

Фреска над ней ожила. Черные линии зашевелились. Очертания Гекаты поблекли, а котел, напротив, стал четче.

– Пару поколений назад, в начале Сдвига, Морриган доверила своему ковену магический котел.

– Уж они о нем позаботились! – вставил Бран.

Пифия пригвоздила его взглядом:

– Умолкни.

– Мы не знали, – оправдываясь, начала одна из ковена Морриган. – Она не общалась с нами с момента последней Вспышки.

Пифия-мать взмахом руки велела ей замолчать.

– Котел для нее – способ попасть в наш мир. Магия его действует только во время Вспышки. Морвран жаждал его заполучить, чтобы тоже познать жизнь. Он заключил сделку с врагами Морриган, фоморами – морскими демонами. В обмен на поддержку Морвран обещал с помощью котла освободить их из иного мира. Они не боги – чтобы существовать у нас, им не требуется столько магии. Здесь фоморы станут его первыми приспешниками.

– Но я прикончила не меньше десятка. Сколько же их было?

– Нет, – возразил Бран. – Убить их могут только мои стрелы. Пока котел подпитывает магия Вспышки, они возвращаются к жизни. И чем ближе ривы к котлу, тем сложнее с ними совладать.

Отлично. Просто фантастика!

– А раньше ты не мог сказать?

– Это вопрос доверия, – отозвался он, передразнив меня.

Захотелось врезать ему как следует.

– Ладно... Но как фоморам удалось захватить котел?

Ведьма вздохнула, сложив руки на коленях.

– Веками его охраняли Псы Морриган, лишь они имеют над ним власть.

Псы на стенах безмолвно взвыли, задрав морды. Такие же, как Бран, – обманом

вырванные из мира людей.

– Ковен Морриган считал, что котел в безопасности, ведь никто, кроме Псов, не мог забрать его. Но они не знали, что давным-давно один из служителей сбился с пути.

Изображение собаки слева на стене вытянулось и приобрело облик мужчины.

– Он покинул Морриган ради женщины. Условия сделки вынудили богиню оставить в живых его самого и его потомство.

Кусочки головоломки сложились.

– Рэд! Мелкий ублюдок – отродье Пса...

Ведьма кивнула.

– Значит, мальчишка мог перенести котел. Его Рэд украл?

Ведьмам ковена Морриган определенно хотелось провалиться сквозь землю...

– Я видела отпечатки ножек котла. Он огромный. А у Рэда руки – вот такие... – я коснулась большого пальца указательным. – Как же он смог его уволочь? А вы как не заметили пропажу такой здоровенной штуковины?

– Мы привыкли, что он всегда на месте. Не сразу поняли, что он исчез.

– Его можно уменьшить, – вставил Бран, – чтобы он помещался в кармане.

– Или подвесить на ожерелье. Погоди... Ты сказал, котел поддерживает жизнь фоморов, значит, он у них. Что же на ожерелье?

Бран пожал плечами:

– Крышка. Мальчишка украл у ведьм котел. Я вломился к ним на вечеринку прямо посреди веселья, когда они закончили ритуал и из котла выбрался первый фомор. Но пока я выполнял обязанности героя, пацан скрылся с крышкой.

– А зачем она нужна?

– Она управляет котлом.

Теперь мне захотелось схватить его и потрянуть, чтобы вышибить остатки информации.

– Как именно?

– Кладешь одной стороной – получаешь котел изобилия, переворачиваешь – врата в царство мертвых. Когда первая партия фоморов прошла, я перевернул крышку. Он до сих пор поддерживает их жизнь, но отворить двери Морврану они не могут.

– А что случится, если вместо Морриган придет Морвран?

– Сделка проста, женщина, – скривился Бран. – Морвран получает жизнь и котел. Фоморы – жизнь и свободу. Если он пробьется, то выпустит в твой город полчища морских демонов. Они жаждут отомстить людям. Подумай головой, что будет дальше...

Я посмотрела на пифий:

– Он говорит правду?

– Да, – кивнула младшая.

– И последнее: зачем ты ворует карты?

– Котел должен стоять на перекрестке трех дорог, – вздохнул Бран. – Фоморы не могут уменьшить котел, поэтому им пришлось его куда-то тащить. Перекрестков трех дорог полным-полно, а котел изобилия не так светится магией, как тот, который нужен для оживления. Его трудно отследить. Я искал на всех перекрестках поблизости от ямы.

Звучало разумно.

– Отлично. Крышка у Стаи.

Бран усмехнулся:

– Плевое дело.

Тонкие струйки тумана задымились у его ног и рассеялись, а Бран остался на том же месте.

– Ты еще здесь.

– Знаю! – он качнулся вперед, туман за клубился и исчез. Снова и снова... – Что-то не так! – рывкнул он и указал на младшую из пифий: – Ты! Найди пастыря!

На лице девы забрезжила улыбка, подчеркивая ее хрупкость.

Сначала я решила, что она позабавилась над нелепым приказом, но взгляд ее вдруг остекленел, словно она смотрела куда-то мимо нас, в видимую ей одной даль. Пифия определенно наслаждалась своим даром. Она подалась вперед, сосредоточилась, улыбаясь все шире, и наконец засмеялась.

Под куполом восторженно прозвучал мелодичный голос:

– Нашла!

Храм содрогнулся. Заклубился пар, дальняя стена исчезла, показав ранний рассвет.

Под серым небом плыл туман, цепляясь за штыри, торчавшие из земли, заваленной металлоломом. На железнодорожных рельсах, изогнутых, будто какой-то великан пытался завязать их морским узлом, как на насесте нахохлилась стимфалийская птица.

Расщелина под Ульем.

Туман рассеялся. На куче ржавых бочек сидел пастырь Болгор. Слабый ветерок колыбал его рясу. Позади высился неповоротливый гигант, скрытый дымкой. Он держал крест. Полностью возродившийся Угад. Здорово, прикончу его еще раз.

Во мгле шагало нечто огромное. Под его весом металлический мусор трещал и хрустел. Вскоре показался и сам монстр. Высокий, с широченными плечами, покрытый стальными мускулами. Заросший серой шерстью в темную полосу.

Кэрран...

Что там творится?

– Сначала ты, – велел Царь Зверей.

В его пасти моя голова поместилась бы целиком, клыки были больше моих пальцев, но дикция оставалась идеальной.

Угад позади пастыря передвинул крест вперед и с глухим стуком воткнул в землю. На жерди был растянут кто-то маленький: тонкие ноги связаны, руки распростерты на поперечной балке.

Джули. Господи!

Схватив Брана за рубашку, я притянула его к себе.

– Доставь меня туда!

– Не могу, – огрызнулся он.

Сердце едва не выпрыгивало из груди. Глаза Джули были закрыты, а кожа бледная, как у покойника. Я бы отдала правую руку, чтобы оказаться там прямо сейчас.

Кэрран поднял лапу, демонстрируя качающиеся на когтях талисманы и браслеты.

- Что он вытворяет? - взвыл Бран. - Стой, ублюдок! Не-е-ет!

- Дитя за ожерелье, как договаривались, - сказал Кэрран.

Пастырь заговорил, и волосы у меня на загривке встали дыбом:

- Зря ты пришел в одиночку, животное.

Из-под горы хлама выскочили ривы и бросились на Кэррана. Они карабкались на него, падая друг на друга. В мгновение ока Царя Зверей скрыла гряда извивающихся тел.

Я сжала кулаки. Когда же он вырвется? Сражайся, вожак, дай сдачи!

Еще секунда, и он разбросает кучу нежити в разные стороны. Ну!.. У меня словно удавкой стянуло горло. Твари завизжали.

- Нет, нет, нет! Проклятье, сукин ты сын! Сделай что-нибудь!

Бран швырнул в видение арбалет. Тот пролетел сквозь картинку и ударился о стену.

Вдруг без предупреждения, без рыка, без единого звука на пастыря обрушился ягуар. Сверкнули острые клыки, и голова Болгора упала на грудь. Шея была разорвана. На миг Джим замер, наслаждаясь смертью врага, а затем погнался за Угадом.

Из тумана выскочили еще четыре зверя, кусая великана за ноги. Раздался волчий рык.

Из-под груды рив пробились две лапищи и раскидали тварей, а потом показался и Кэрран. Его шерсть была исполосована красным. Вот, значит, каков план: вожак понимал, что его подставят, и специально поддался - отвлек внимание на себя, выигрывая время, чтобы другие оборотни успели спасти Джули.

Ривы опять набросились на него. Он схватил одну из тварей, разорвал пополам и швырнул корчившиеся останки на землю. Гади́на растаяла. Лужа закружилась водоворотом вверх и вновь обрела форму ривы: целой и невредимой.

- Почему она не сдохла?

- Котел слишком близко, - сквозь зубы выдавил Бран.

Им не победить. В лучшем случае - удастся унести ноги.

Кэрран наотмашь ударил лапой другую тварь, расколов ее череп, как яичную скорлупу. Рива превратилась в лужу и за считанные секунды ожила.

- Хватит убивать их, придурок! Калечь, калечь их, идиот! - вопил Бран.

В паре десятков ярдов в стороне топтался и крутился в разные стороны Угад, кулачищами отбиваясь от оборотней. Они бросались на него и гнали его вперед, прямо на железные штыри. Великан развернулся, как дубинкой качнув огромным шипастым хвостом, и сокрушил им мохнатое тело. Перевертыш взлетел на воздух и ударился о заржавевший кузов разбитой машины. Оглушенный зверь скатился на землю. Угад прыгнул. Его чудовищная нога, будто в кошмарном сне, обрушилась на распростертого оборотня. Послышался хруст костей, брызнула кровь. Зверь пропал, и на земле остался растерзанный труп человека. Ярко-синие волосы перепачкались ярко-красным.

Я сжала кулаки - не могла остановить происходящее, вообще ничего не могла поделать, кроме как беспомощно наблюдать.

Ягуар прыгнул на голову Угаду. Отражая нападение, великан отбросил крест. Тот, раскачиваясь, закрутился на своей оси и начал падать. Джули висела на нем, как тряпичная кукла, которую вот-вот раздавят. Вперед скакнул изящный оборотень песочного оттенка и перехватил распятие в паре дюймов от железных зазубрин.

Андреа сняла Джули с креста.

Зеленые щупальца плетью хлестнули гиену, вспоров шерсть и кожу на бедре. В ране

показались мускулы – влажные, красные. Пастырь зашипел. Он снова возродился, и отрепья развевались на тощем теле.

Андреа метнулась прочь, но щупальца ее настигли. Она закричала, но продолжала бежать. Шаг, второй... Упала.

Прижала к себе Джули, впившись когтями в землю, и попыталась уползти в сторону. Щупальца беспощадно стегали ее. Андреа свернулась клубком, закрывая собой ребенка.

Волки вырвались от Угада и бросились к пастырю. Щупальца принялись бичевать их зелеными лентами. Раздались дикие взвизги боли. Угад колошматил себя по башке, стараясь стряхнуть ягуара, но попадал по собственным рогам. Громадный кот крепко держался на нем, вцепившись когтями. Массивный лоб великана заливала кровь. Джим впился сильнее, подбираясь к глазам. Монстр, обезумев, бросился прямо на стальные пики, раскрошив железо ногами.

Джим спрыгнул, а Угад напоролся на острие.

Ягуар неуклюже приземлился, поскользнулся и скатился по гофрированному листу металла, оставив за собой липкий кровавый след. Попытался встать, но не сумел.

Спину Угада пронзил багровый штырь, но великан поднатужился и снял себя с кола. Затем повернулся, не обращая внимания на зияющую дыру в груди, побрел к скрюченной Андреа и пнул ее. От удара та отлетела и рухнула на гору мусора. Монстр схватил Джули, и на его уродливой морде отразилось нечто вроде удовлетворения. А затем он осознал, что смотрит прямо на Кэррана.

Шаг за шагом, сражаясь за каждый дюйм, истекая кровью, Царь Зверей пробился к великану, вонзил когтистую лапу прямо в его рану и вырвал из грудной клетки Угада красный комок.

Пастырь воздел руки. Хламида порвалась, обнажив тощее, неуклюжее тело.

Щупальца обвили вокруг его плеч и резко рванулись вперед, схватившись за железные пики, после чего натянулись, и пастырь, перелетев через волков, упал на спину Кэррана. Ривы тотчас схватили льва за лапу, подставляя повелителю монисто, намотанное на запястье вожака. Ледяные глаза монстра полыхнули голодным огнем, рот распахнулся, острые зубы вгрызлись в конечность оборотня там, где висело ожерелье, разорвали шнур, и подвески полетели в стороны.

Кэрран закричал, и я вместе с ним.

– Идиот! – Бран хлопнул себя ладонью по макушке.

И вновь хлестнули щупальца. Теперь на лапе Кэррана зияла кровавая рана. Ну а пастырь ринулся к ангару. Три ривы последовали за ним, забрав Джули у Угада, а остальные твари повисли на ногах Царя Зверей. Великан смерил Кэррана бессмысленным взглядом, повернулся и поковылял за предводителем.

На рив бросились волки.

Кэрран отряхивался, как пес от воды.

Угад проломил тонкую стену, и в отверстии показалась куча деревянных ящиков.

– Нет! – завопил Бран.

Великан врезался в ящики своей громадной башкой. Щепки разлетелись во все стороны. На месте деревяшек обнаружился высокий, с меня ростом, котел. Бран, словно разъяренная собака, прорычал ругательство.

И вдруг громадным удушающим приливом хлынула магия. Ведьмы упали на колени. Видение пошло рябью, купол содрогнулся.

– Вспышка... – прошептала дева. – Вот она.

Сила обрушилась на меня, и мое тело впитывало ее. На сей раз обошлось без

головокружения, но и без передышки. Чистая энергия струилась сквозь мое тело.

Болгор завис над котлом, согнулся, разинул рот и изверг из себя поток жижи, в котором что-то сверкнуло. И это что-то ударилось о котел и превратилось в здоровенную крышку. Должно быть, фомор откусил ее прямо с ожерелья и проглотил.

К ним почти подобрался Кэрран, оставляя за собой тела покалеченных рив. Угад схватился за крышку и потянул, на его мощных ручищах вздулись мускулы. С гортанным рыком он рванул ее и открыл врата в иной мир.

Над котлом, точно грозовое облако, наделенное разумом, как на дрожжах вырос нарыв. Внутри его зародилась бурлящая тьма – громадная, уродливая, очертаниями похожая на человека. Из мрака вырвались две ладони, как будто готовившиеся к овациям. Спустя миг над краем показались ноги в черных сапогах. Через секунду появились и мускулистые руки: они были испещрены блестящими полосками шрамов и усеяны бородавками. Тьма отступила, как ручной зверек, желающий угодить хозяину, и взору предстала грудь в эмалевых черных доспехах, а потом и лицо.

Нос выдавался вперед, слишком длинный и плоский, как носовая кость на лошадином черепе или клюв, обтянутый тонким слоем плоти. На конце он сужался. Челюсть была снабжена двумя рядами крупных зубов. Один из резцов торчал, как у кабана, доставая до щеки. Белесые глазенки сидели глубоко под неандертальскими бровями. Между ними кожу прорезал хрящ – тонкий острый гребень, исчезающий в мясистом лбу.

Казалось, каким-то образом черепа человека и лошади слились в единое целое. Вытянутая личина, кости, обтянутые тонким слоем кожи...

Нет, существо не могло быть человеком.

Тьма позади монстра сгустилась и обрела форму, обратившись черными волосами и тысячей вороньих перьев, струящихся за его спиной, как мантия.

Морвран.

Он поднял руку и что-то произнес. На пальцах у него возник серый пузырь, который стал увеличиваться. Он поглотил длань Морврана, затем голову, и наконец – ноги.

Я боялась, что пузырь коснется и Кэррана.

Царь Зверей колебался.

– Беги, Кэрран! – крикнула я, зная, что слова до него не долетят. Пузырь уже поглотил и котел. Сердце сжалось. – Давай!

Вожак повернулся, подхватил с земли Джима и побежал.

– Андреа! – взывала я, но он не услышал.

Пузырь скрыл и пастыря, а потом тьма растаяла.

Спустя три часа мы с Браном мчались в крепость Стаи. Ведьмы одолжили нам лошадей, и мы гнали бедолаг, пока те не взмокли.

Брана переполняла ярость. Он проклинал меня, что сразу не отдала ему крышку. Потом Кэррана, что ее потерял. Морриган – что в наказание за провал отняла у него туман. Обругал всех фоморов, вместе взятых, подбирая самые изощренные выражения, пока они окончательно не утратили смысл. Я не произнесла ни слова.

Через полчаса он выдохся и замолчал.

– Серый пузырь – это защитный купол, – наконец сказал он. – Фоморы выбираются из котла только по одному. Морвран тянет время, чтобы собрать армию.

– Мы можем разрушить чары?

– Даже Кухулин не сумел бы через них пробиться, – сказал он и покачал головой. – Через пятнадцать часов заклятие спадет, и твой город утонет в крови. Мы с тобой едем по иному миру, потому что люди, живущие здесь, – он обвел рукой дома, стоящие вдоль улицы, – уже мертвы. Здесь город мертвецов. И все потому, что ублюдок полез спасать нищенку.

Но она – моя нищенка. Ради нее я бы тоже пошла с «Погибелью» наперевес прямо на полчища демонов.

При нашем приближении ворота крепости распахнулись. Во внутреннем дворе нас встречала целая толпа. Я поискала среди них знакомого персонажа.

Пожалуйста!

И наконец увидела. На спину Царя Зверей ниспадала грива волос. Я чуть не пропустила его, поскольку шевелюра уже утратила белокурый оттенок, а стала серой, как шерсть Кэррана в его зверином обличье Брана перекосило. Он спрыгнул с лошади и размашистым шагом направился к вожаку.

– Ты! Сукин сын!

Началось...

– Кэрран, не убивай его, это Пес Морриган. Он нужен нам, чтобы разобраться с котлом!

Я быстренько спешила и помчалась догонять Брана. Оборотни расступились, освобождая путь Царю. На руке у него белела повязка.

Бран пихнул Кэррана, но тот не шелохнулся.

– Ты отдал его им! Ради чего? Ради тощей девчонки с улицы? Всем наплевать, если она сдохнет! Из-за нее ты убил сотни. Почему?

Глаза оборотня сверкнули золотом.

– Я не обязан перед тобой отчитываться, – он оттолкнул Брана назад.

Тот попятился, и я его перехватила.

– Не делай этого, пострадаешь.

Он вырвался от меня и бросился на Кэррана. Царь Зверей зарычал, схватил стрелка за руку и швырнул через двор. Пес Морриган вскочил на ноги, издав нечеловечески жуткий вопль, звуковой волной ударивший по ушам.

Плоть Брана словно забурлила. Мышцы разбухли до неприличия, вены выпятились, как веревки, сухожилия завязались в узлы размером с яблоко. Он моментально вырос, локти и колени утонули в налившихся мускулах. Тело скрутилось в обратную сторону, будто в нем не осталось костей, и принялось раздуваться, деформироваться и плавиться, после

чего окончательно обрело фантасмагорическую форму. Под кожей, как маленькие машинки, катались, сталкиваясь, бугры. Левый глаз выпятился вперед, правый – утонул. Лицо вытянулось, обнажив зубы и громадный рот, подобный пещере. С кривых губ капала слюна. Единственный оставшийся глаз вращался в глазнице.

Бешенство героя! Ну разумеется. Четвертый дар – дар от рождения. Значит, он – воин, владеющий боевой яростью, как Кухулин. Могла бы и сама догадаться.

– Поиграем, коротышка! – бросил он Кэррану.

Царь Зверей развернулся и ударил Брана в уродливое брюхо. Тот ухватил жожака и швырнул в стену – как котенка.

В полете оборотень перевернулся и отскочил от стены. Стрелок приготовился прыгнуть, но в него врезался оживший кошмар – человек-лев. Такое и в бреду не увидишь. Зверь сбил Брана с ног. Кэрран с горящими яростью глазами зарычал. Пасть первобытного зверя распахнулась, трехдюймовые клыки едва не откусили стрелку нос.

Царь Зверей разозлился.

Бран отбросил льва ногами и вскочил.

– Давай, принцесса! Покажи класс!

Кэрран прыгнул. Стрелок махнул мясистой рукой, промазал и получил острыми, как бритва, когтями по ребрам. Бок располосовали – практически как грушу. Раны налились кровью и затянулись.

Оборотни бросились врассыпную. Бран вцепился в клетку, где раньше держали риву, и ударил ею Кэррана. Царь Зверей ее перехватил. Рана на лапе снова кровоточила, повязка давно потерялась. На спине Кэррана вздулись мышцы – он вырвал у противника клетку и отшвырнул.

– А ты лажаешь! – зарычал жожак.

Глаза его затопило золотом.

Они колошматили друг друга и пинали. Их целиком захватил безумный поединок. Брану удалось достать ногой Кэррана, и Царь полетел через двор. Ответным ударом он сбил противника с ног. Тот врезался в деревянный сарай у стены. Она не выдержала, и стрелок грохнулся в кучу обломков.

Кэрран нырнул за ним. Минутой позже очередная секция стены взлетела на воздух, усыпав землю осколками, и показался Бран, перемазанный своей и чужой кровью.

– Вот и все, на что ты способен? – Ответа не последовало, и стрелок снова сунул в дыру голову. – Где ты там...

И получил такой удар, что оказался на противоположном конце двора. Мне даже пришлось отскочить в сторону, чтобы меня не раздавили.

Бран врезался головой в клетку и отлетел.

В провале появился Кэрран. Полулев-получеловек с развевающейся серой гривой. Глаза превратились в огненные колеса, с гигантских клыков капала слюна. Рев сотряс окрестности.

Вскочив, Бран бросился в атаку. Кэрран отразил выпад, скользнул назад и застыл.

А потом они вновь принялись мутузить друг друга, скалить зубы и поигрывать мускулами.

Я повернулась и пошла прочь. Я с легкостью могла прикончить любого из них – уж слишком они были заняты. Ничто в мире не заставило бы их остановиться. Хоть голос сорви от крика, даже не заметят, будут драться, пока не вымотаются и не образумятся.

При этом собственные раны их обоих не слишком беспокоили.

Если Джим и Андреа живы – они в лазарете.

Не знаешь, куда идти, настойчиво топай вперед. Отличный лозунг. Целых десять минут я пыталась напрячь память и блуждала по лабиринтам коридоров и лестниц крепости, но в конце концов добралась до двери лазарета. Вскоре я нашла и нужную комнату. Внутри царил мрак, все светильники, кроме маленькой колдолампы, скорее всего ночника, были выключены. Мягкое голубое сияние очерчивало контуры моей подруги, застрявшей на перепутье между человеком и гиеной.

Я замерла в дверях, не в силах войти.

– Ты же понимаешь, что я тебя чую? – поинтересовалась Андреа. – У меня твоя сабля.

И она рукоятью вперед подняла «Погибель». Та все еще была в ножнах. Я уселась на край постели и забрала клинок.

– Даже спасибо не скажешь?

– Спасибо. Как ты?

– Я потеряла Джули. Она была прямо у меня в руках, и я ее потеряла.

– Видела. Ты старалась изо всех сил.

– Видела? Но как?

– Ведьмы показали битву нам с Браном.

Андреа вздохнула.

– Если бы у меня было мое оружие. Хотя пистолеты бы не сработали. Господи, мы просто по уши увязли...

– Ты выкарабкаешься?

– Переживаешь обо мне... Ни к чему. Я ведь звереныш, быстро иду на поправку. Вспышка разбушевалась, да и доктор успел применить магию. Завтра буду на ногах.

– А Джим?

– А который из них Джим?

– Ягуар.

– У него сильно повреждены мышцы. Связки прямо в клочья. Он в соседней комнате.

Я почувствовала себя мразью. Останусь здесь еще хоть ненадолго – закричу.

Андреа, закутанная в простыни, посмотрела на меня.

– План-то хорош. Кэрран их отвлек, задержал ненадолго, а мы должны были в это время схватить Джули. Но выяснилось, что твари недохнут, и мы облажались.

– Ты пыталась.

Я и того не сделала.

– Кейт, я знаю, о чем ты думаешь: если бы ты сама присматривала за девочкой, она бы не ушла с Рэдом. Этой неразберихи попросту не случилось бы.

Что?!

– Вовсе нет.

– Когда я сняла ее с креста, она звала своего парня. Ни ты, ни я не смогли бы разорвать их связь.

– Я тебя не виню и вообще – никого.

Разве что себя...

- Вы отправились туда, хотя шансы на успех были ничтожны, и почти победили, пока я заигрывала с Браном в тумане, - добавила я и встала. - Мне нужно повидать Джима, а потом я поищу гонца в орден, раз телефоны накрылись.

Андреа, вытаращив глаза, подняла голову с подушки:

- Зачем?

Из рассказа стрелка - после того, как у него иссякли ругательства, и он снизошел до объяснений, - я кое-что поняла.

- Бран сообщил, что серый пузырь, который создал Морвран, - это нечто вроде древних охранных чар друидов. Морвран тянет время, чтобы котел набил в пузырь побольше морских демонов. Когда тот лопнет, они вырвутся в Улей, а потом в Крольчатник. Нам нужны рыцари и парни из Подразделения сверхъестественной обороны.

У Андреа вытянулось лицо.

- Послушай, Кейт, все ушли, даже Максин.

- Куда они подевались?

- Экстренная ситуация, - глухо произнесла она. - На ликвидацию бросили всех рыцарей и оборонщиков.

- Андреа, меньше чем через двенадцать часов Атланта будет кишеть демонами. Они начнут убивать, жрать и выпускать в наш мир своих собратьев. Что за ситуация важнее этой?

Она поколебалась...

- Мне запрещено разглашать информацию. Есть один тип, его зовут Роланд...

Я едва сдержалась, чтобы не врезать по стене кулаком.

- И что такого важного он натворил? Принялся за постройку очередной башни? Она рухнет, как и остальные. Или у него глаз отрос и по этому случаю он решил устроить сражение, чтобы отпраздновать событие?

Андреа прикрыла свое полузвериное лицо.

- Откуда тебе известно, Кейт?

Что ответить?

- Мне по рангу не положено знать подробности насчет глаза и башен. Мне и сказали-то только потому, что оставили в капитуле. А ты - даже не рыцарь.

Как теперь все исправить? Я должна ее убить! Но я не могу - ведь Андреа моя подруга!

- После Вспышки ты сообщишь Теду о своем происхождении?

- Нет, - поморщилась Андреа. - Он вышвырнет меня вон. А кроме ордена мне некуда податься.

- У тебя свои секреты, а у меня - свои, - кивнула я. - Я ничего о Роланде не говорила, а ты не слышала, - и протянула ей руку. - Договорились?

Она колебалась лишь мгновение. Потом схватилась за мою ладонь своими пальцами и крепко сжала. Я с облегчением порадовалась, что они по-прежнему сильны.

- А я не звереныш. Договорились.

Джима я нашла в комнате по соседству. Он сидел на кровати, опираясь на подушку, и точил шлифовальным бруском короткий нож.

– Ты моя должница! – оскалился он и устрашающе зарычал. – Твоя приятельница – звереныш, а ты молчала. В результате выставила меня дураком, ни черта не смыслящим в собственной работе.

Я присела на краешек постели.

– Пошла вон с моей кровати!

– Как ноги? – вздохнула я.

– Док говорит, завтра буду ходить. – Джим наставил на меня нож. – Не меняй тему!

При обычном уровне магии исцеление от подобной травмы заняло бы, наверное, пару недель.

– Помнишь, как ты подселил кое-кого в верхнюю квартиру, чтобы шпионить за мной и Крестом?

Соглядатай слышал все, что происходило между нами.

– Ну и?..

– Мы квиты.

Джим покачал головой и вновь принялся точить нож.

– Ты еще здесь? – поинтересовался оборотень несколько секунд спустя.

– Уйду, когда поговорим. – Я встала. – Джим... Почему ты отправился с Кэрраном?

Он смерил меня тяжелым взглядом.

– Он обещал девочке, что она будет в безопасности. Альфа отвечает за свои слова, а Стая всегда поддерживает альфу. Вот как это работает.

Кивнув, Джим снова занялся заточкой ножа, давая понять, что беседа окончена.

Я хотела найти раковину и умыться. Каморка слева выглядела многообещающе. Я вошла. Внутри ванной не обнаружилось – да и вообще никакой мебели. Просто выход на квадратный балкон с наружной лестницей, ведущей налево.

Не успела дверь за мной закрыться, как снова с грохотом распахнулась. В проеме показался Кэрран. Он обратился в человека, но звериная сущность никуда не делась. Лицо вожака заливал пот. Царь вцепился в дверную раму так, словно на руках у него до сих пор были когти. Янтарные глаза горели дикой жаждой. Он скривился, зарычал и бросился мимо меня к балкону. Вырвался наружу, облокотился обеими руками на каменные перила и уставился вниз.

Ладненко...

Я вышла следом и встала рядом с Кэрраном. Лестница вела к парапету, соединяющему главное здание крепости с недостроенной башней. Когда оборотни все доделают, то просто обязаны будут переименовать свою резиденцию.

Крепость? Нет уж! Слово совершенно не годилось. Здание буквально умоляло о более подходящем названии. Например, «Роковая цитадель высших оборотней». И надо будет прибить огромную вывеску, чтобы подчеркнуть суть, на случай, если до какого-нибудь тупицы не дойдет сразу: «От Стаи – внешнему миру: мы вас на дух не выносим. Держитесь подальше!»

А поверх стены будет вышагивать Кэрран.

– Кто победил?

Ответ мне уже был известен.

– Я.

- Как?

- Швырнул его в малую водонапорную башню. Ему вода не нравится - сразу сдулся.

Он помолчал. Листья на деревьях трепетали от утреннего ветерка.

- Ну, теперь твой черед? Станешь рассказывать мне, какой я придурок? - спросил Царь.

От надрыва в его голосе у меня по спине побежали мурашки.

- Сначала надо удостовериться, что поблизости нет водонапорных башен...

Кэрран провел пальцами по каменным перилам. Будь у него сейчас когти - остались бы царапины.

- Ты вложила эту штуковину прямо мне в руку, а я ее потерял. Ни ожерелья, ни ребенка, двое моих ребят мертвы, трое в лазарете. Над расщелиной под Ульем растянuty охранные чары, и разведчики донесли, что там полно монстров. Успех по всем фронтам впечатляющий! Давай, добей меня.

- Я бы не задумываясь обменяла монисто на Джули.

Кэрран взглянул на меня. И через секунду я оказалась прижата к стене, а его зубы клацали в дюйме от моей сонной артерии. Он втянул ноздрями мой запах. Глаза Царя заливало расплавленное золото. В голосе звучала сдерживаемая буря.

- Даже зная, как все будет, я бы поступил так же.

- Я тоже. Отпусти.

Он разжал руки и шагнул назад.

- Если ты не можешь спасти ребенка, зачем это? - произнесла я. - Джули стоит того, чтобы ее спасти. Мне не нужна безопасность ценой ее крови. Я лучше сама сдохну.

Я оперлась на стену.

- Нужно было раньше сообразить. И оставить ее с тобой, - продолжала я. Из крепости мелкий ублюдок не смог бы увести малышку. Достало везде опаздывать на день.

Наши взгляды сошлись, и мы помолчали, объединенные горем. По крайней мере, Кэрран понимал меня, а я - его.

- Хорошая из нас вышла пара, - сказал он.

- Ага.

Во дворе мелькнул Бран, спотыкающийся на обломках водонапорной башни.

- Он тоже облажался, - кивнула я в ту сторону. - Как полный придурок! Куда он только не телепортировался в поисках котла! А тот был прямо под грудой ящиков. Где и следовало посмотреть в первую очередь. Парень с щупальцами и выводком полудохлых русалок нас уделал.

- Легко никогда не бывает, - пожал мускулистыми плечами Кэрран. - Хоть раз бы все прошло гладко! Но нет, правильного решения не существует. Поэтому я выбрал то, с чем смогу жить.

Мы оба знали: он винит себя за каждую царапину, которую получили его оборотни. Над верхушками деревьев преломился солнечный свет, затопляя мир вокруг, но нас заслоняла лестница, и мы остались в холодной голубоватой тени. Кэрран оттолкнулся от перил.

- Насколько я понял, серый пузырь в расщелине скоро лопнет?

- Если верить Брану - через пятнадцать часов с момента появления.

- Значит, около семи вечера. Вор...
- Бран.
- Плевать. Говоришь, он может закрыть котел... Что это даст?
- Что тебе известно?
- Все, что ты рассказала Андреа.

Я кивнула.

- Котел принадлежит Морриган. Морвран, тот еще урод, украл его и смог возродиться. Существо с щупальцами, ривы и великан служат ему. Это передовой отряд фоморов, морских демонов. Они-то сейчас и выбираются из котла. Если его закрыть – приток прекратится. А те, кто уже выбрался наружу, станут смертными. Морриган снова получит котел, положив конец Морврону и его чудо-палатке, где толпятся фоморы.

Кэрран обдумал сказанное.

- Поселенцы Улья передвигают трейлеры, чтобы не дать демонам перебраться через стены. Путь у тварей будет один: на юго-запад по дну расщелины. Расщелину Стая блокирует. Мы примем основной удар. Джим говорит, есть туннель, ведущий туда из Крольчатника.

- Да, в курсе.

- Пока демоны будут заняты нами, этот идиот с небольшой партией моих ребят использует туннель. Джим зайдет к фоморам с тыла. Если повезет, они его даже не заметят. Сумеет ли вор стерпеть и не взорваться от ярости, пока не доберется до котла?

- Не знаю. «Бешенство героя» не показалось тебе впечатляющим?

- Омерзительно, – скривился Кэрран. – Полная потеря контроля. Ни красоты, ни гармонии. У него глаз, как сопля, на щеке болтался. Нет – я не впечатлен.

- Могу попытаться убедить его не выпускать пар из-под крышки до поры до времени.

На мое остроумное замечание Кэрран реагировать не пожелал.

- Нет.

- В смысле «нет»?

- Ты с ним не пойдешь.

Я скрестила руки на груди.

- И кто так решил?

Кэрран принял высокомерный вид: мол, я – альфа и буду стоять на своем.

- Я.

- А решать не тебе. Ты мне не указ.

- Еще какой. Сражение может обойтись без тебя, а без меня и Стаи – нет. Поскольку я команду превосходящими силами, я – главный. А вся твоя армия – ты сама. Поэтому подчиняйся или проваливай.

- С чего бы это?

- Просто хочу, чтобы ты была на виду.

- Зачем?

Губа Кэррана задрожала, точно он собрался зарычать. Но лицо тут же расслабилось – Царь сумел взять себя в руки.

– Потому что я так хочу, – отчетливо произнес он тем терпеливым тоном, каким говорят с упрямыми детишками и несговорчивыми душевнобольными.

Я жутко разозлилась. Так и хотелось ему вмазать.

– Просто из любопытства: как именно ты собираешься помешать мне отправиться с Браном?

– Свяжу тебя по рукам и ногам, а рот заткну кляпом. И сверху посажу трех оборотней, которые до конца битвы не двинутся с места.

Хотела сказать, что он не посмеет, но глаза Кэррана убедили меня в обратном. Ничего я сейчас не добьюсь. Самое время испытать новую тактику.

– Отлично. Буду паинькой, но у меня тоже есть условие. Мне нужны пятнадцать секунд до начала боя. Я должна выйти одна – буду между твоими оборотнями и армией фоморов.

– Что тебе взбрело в голову?

Мне? Одна безумная идея у меня зародилась. Я задумала такое, от чего Грег и отец в гробах перевернутся. Терять-то нечего. Все равно мы умрем.

Я не ответила и посмотрела на Кэррана. Он или доверится мне, или нет.

– Я дам тебе время.

Мечи Стаи представляли собой плачевное зрелище. Что вполне объяснимо: оборотни в них не нуждались. Я перебрала все в оружейной и вздохнула. Мне необходим второй клинок, и Кэрран сказал, я могу взять любой, какой захочу.

С броней дело обстояло немногим лучше. Я обнаружила неплохую кожаную тунику со стальными стразами на стратегических местах. Она была черного цвета и мне подходила, а самое лучшее – посадка регулировалась шнурками, и, чтобы затянуть тунику, а потом раздеться, требовалась помощь. В настоящей битве мне участвовать пока не приходилось, однако я пережила несколько крупных побоищ и даже выбралась из парочки мятежей. Поэтому по опыту знала – я полностью растворюсь в бою и, сама того не заметив, скину защиту, чтобы дать себе свободу движений. Так что мне нужны были доспехи, которые сложно снять. Любые липучки исключались.

Я почти сдалась, как вдруг заметила его – однолезвийный меч, примерно двадцати дюймов длиной. Поразительно похожий на «Погибель», только пошире. Превосходно сбалансированный, сужающийся к концу, созданный из цельного куска упругой стали. На рукояти – гладкие деревянные вставки. Суровый и практичный. Отнюдь не средневековая копия, современный – серьезное оружие.

Взмахнула им пару раз, привыкая к весу.

– Два меча... – из дверного проема заметил Бран.

Припадок бешенства лишил его одежды, в итоге стрелок обрезал лоскуты и превратил остатки рубахи и штанов в импровизированный килт, выставив напоказ самую потрясающую в мире грудь.

Жаль, килт напомнил мне об убийце Грегга – тот его тоже носил...

– Ты умеешь орудовать сразу двумя?

Я достала из ножен «Погибель», бросилась к нему и обрисовала саблей классическую восьмерку вокруг его тела, а когда Бран попытался отразить удар, блокировала руку противника плоской стороной другого клинка.

– Неплохо, но ты промахнулась.

– Что-то хотел?

– Подумал, раз завтра мы можем умереть, давай устроим дружеский перепихон?

– Это я могу умереть. А ты исцелишься.

– Я не бессмертен, голубка, – покачал головой Бран. – Если мне достаточно быстро нанести сильный урон, я сыграю в ящик, как и все вы.

Я направилась к выходу. Возле двери обернулась...

Килт упал.

– Целую вечность его мастерил! – Бран поднял с пола лохмотья – те развалились прямо у него в руках.

Я успела разрезать ткань в трех местах.

Выйдя в коридор, я чуть не врезалась в Кэррана, сопровождаемого тремя оборотнями. Бран последовал за мной во всем своем нагом великолепии.

– То есть никакого секса?

У Кэррана окаменело лицо. Я обогнула его и продолжила путь. Стрелок погнался за мной, пытаясь обойти перевертышей.

– Убирайтесь! Не видите – мне нужно поговорить с женщиной?

Я совершила ошибку, оглянувшись как раз в тот момент, когда Царь Зверей потянулся к шее Пса Морриган. Усилием воли – должно быть, оно обошлось ему в целый год жизни, – вожак сжал пальцы в кулак и опустил руку.

Я хихикнула и пошла дальше. Вселенная доказала, что Кэрран не прав: человек, раздражающий его больше меня, существует.

Бран настиг меня на лестнице.

– Куда ты?

– На балкон. Хочу подышать свежим воздухом.

И, может, немного вздремнуть. Хотя спать мне как раз не хотелось. Во мне пела магия, желая высвобождения. Значит, так и будет, когда технология уйдет навсегда? Сомневаюсь, что сумею справиться с такой необузданной мощью. Приходилось сдерживать себя, а ведь я буквально неслась во весь опор на обезумевшей лошади, а поводья уже норовили выскользнуть из рук.

Бран размашистым шагом топал рядом со мной. Собственная нагота его совершенно не смущала. Я свернула в первую же попавшуюся комнату и достала из комода серые спортивные штаны. Их можно отыскать почти в каждом помещении крепости – людям, меняющим облик, удобно иметь под рукой смену одежды.

Я вручила брюки Брану, и он их натянул.

– Уже не в состоянии себя контролировать?

– Еще бы, – пробормотала я, прихватила подушку с одеялом и ретировалась на балкон.

Но Бран вышел за мной.

Не обращая на него внимания, я устроила на свежем воздухе импровизированную кровать и свернулась на ней калачиком.

Каменная кладка защищала меня от солнца, но видно было все: яркое небо, тронутое перьевыми кляксами облаков, зелень деревьев, шелестящих на ветру, стены, гладкие и теплые на ощупь. В воздухе разливался медовый аромат и легкое амбре хищников.

Я впитывала это...

Бран взгромоздился на перила.

– Какой-то уличный цыпленок из отбросов общества. А теперь ты отправляешься за нее воевать.

– Войны начинались и по худшим причинам.

– Не понимаю! – стрелок уставился на меня.

Как объяснить парню с отсутствующей системой координат понятие гуманности?

– Все дело в добре и зле. Ты должен решить, что это для тебя. Для меня зло – стремиться к цели, невзирая на средства.

– Лучше совершить меньшее зло, но предотвратить большее.

– Неужели? Послушай, допустим, ты спасешь многих ценой жизни ребенка. Но в этом ребенке заключен целый мир – для его родителей. Ясно? Ты полностью их уничтожишь. Большого зла для них просто не существует. Почему же это называется «меньшим»?

– Потому что теперь еще больше вас, идиотов, сдохнет.

– Идиоты вызвались добровольно. Мы сделали свой выбор. Я буду сражаться за жизнь Джули, и я хочу убить максимальное количество мерзких ублюдков. Они пришли в мой дом, пытались меня прикончить, распяли мое дитя. Я жажду мести. И наказание должно быть настолько суровым, настолько жестоким, чтобы следующие ушлепки, которые

придут на их место, испачкали штанишки при одной лишь мысли обо мне.

В ножнах задымилась «Погибель», чувствуя мой гнев. Обычно мне приходилось ее подкармливать, иначе лезвие истончалось и становилось хрупким, но магия оказалась настолько сильна, что клинка хватит на битву и еще на какое-то время.

Я приподнялась и показала на двор:

– Оборотни сражаются против угрозы. Они мстят за убитых товарищей. Защищают своих детей, ведь без них нет будущего. За что воюешь ты?

Бран взъерошил спутанные волосы.

– Будущего у меня нет. Я дерусь, потому что заключил с Морриган сделку. Без тумана я состарюсь и умру.

– А это так ужасно? Тебе не хочется жить? Настоящей жизнью.

– Пожелай я настоящей жизни, не стал бы просить сделать меня героем, – ухмыльнулся он. – Я хочу погибнуть сильным, с мечом в руке, пронзая им тела врагов. Так и должен умирать мужчина.

– Мой отец был полководцем у человека непревзойденной силы. Тот называл его Voron, то есть Вороном, поскольку смерть следовала за ним по пятам. Ни один меч не мог его одолеть. Останься он военачальником и поведи за собой армию, которую сам создал и тренировал, мир сейчас был бы совсем иным.

– К чему ты клонишь?

– Он бросил все ради меня.

Ради ребенка, в котором текла чужая кровь.

– Выходит, твой отец оказался дураком. Теперь я знаю, в кого ты такая.

Я прикрыла глаза.

– Тебя не переспорить. Дай поспать.

Он спрыгнул с перил, приземлился рядом и ткнул меня пальцами в плечо.

– Я пытаюсь понять.

Пришлось открыть глаза. Разъяснения морального кодекса – не мой конек.

– Представь, что за тобой гонятся волки. Ты бежишь по лесу, поблизости нет никаких селений. И вдруг ты натыкаешься на лежащего на земле ребенка. Спасешь его или оставишь хищникам на съедение?

В темных глазах Брана промелькнула тень сомнения.

– Брошу мелкого ублюдка, – провозгласил он, однако чересчур громко. – Он отвлечет зверюг.

– Но ты заколебался.

Он протестующе поднял руку, но я покачала головой.

– Я видела. На секунду задумался. Та же сила заставляет сражаться и нас. А теперь проваливай.

Я свернулась клубком и смежила веки. Ветер, убаюкивая, нежно овеивал мне лицо.

Пару часов спустя меня разбудил Дерек. Я взглянула на небо: солнце уже стояло высоко, наступил полдень.

Умирать не хотелось.

Дерек был мрачен.

– У Джима есть для тебя кое-что внизу.

Он проводил меня на первый этаж и открыл дверь. Я вошла в небольшую комнату. Джим ждал в кресле, проверяя большим пальцем лезвие уже знакомого мне ножа. Перед ним на полу сидел Рэд, покрытый грязью. Левый глаз заплыл великолепным фингалом. На шее красовался железный ошейник, от него к стене тянулась тяжелая цепь. Да поможет тебе Бог, если ты вздумашь обидеть Стаю. Чтобы найти тебя, им не нужен отряд К-9.

Я скрестила руки на груди и посмотрела на него. Мальчишке пятнадцать лет! Предательский поступок по отношению к Джули это не оправдывало, но мешало мне сделать то, что я обычно делала в подобных обстоятельствах.

Рэд покосился на меня здоровым глазом.

– Хочешь побить меня? Давай.

Я прислонилась к стене. Стоило мне шевельнуться, как он пригнулся, закрывая голову.

– Почему не рассказал о монисто?

– Ты бы его украла! – оскалился он. – Оно мое! Моя сила, мой шанс.

– Знаешь, что случилось с Джули?

– Знает, – сказал Джим.

– Ты хоть чувствуешь вину?

Он отодвинулся подальше.

– Что ты хочешь услышать? Я должен притвориться хорошим, расплакаться и сказать, что мне жаль? Я заботился о Джули. Приглядывал за ней два года. Она моя должница, понятно? Мне приставили когти к горлу, прямо вот сюда! – Рэд сжал шею чумазыми пальцами. – Сказали – отдавай девку или сдохни. Вот я и отдал! И вы, уроды, сделали бы точно так же. Будете стоять тут и пялиться на меня? Пошли куда подальше!

И он сплюнул на пол.

– Если тебя не волновала ее судьба, зачем ты попросил меня ее защищать?

– Это инвестиция, тупая ты шлюха.

Прямо не человек, а сгусток ненависти. Бей его, мори голодом или читай мораль – никакие наказания или наставления не заставят его понять, что он ошибается. С ним все кончено.

– Что ты собираешься делать с мальчишкой? – поинтересовалась я у Джима.

– Дам меч и выпущу на поле, – пожал плечами тот. – Пусть докажет свою крутизну.

– И ударит нас в спину.

– За ним присмотрят. Один раз мы уже его нашли, найдем и снова. А если он кого-то заколет, я спущу с него шкуру заживо. По кусочкам.

Джим посмотрел на Рэда и улыбнулся.

Большинство людей видело такую улыбку лишь однажды – перед тем как умереть от его руки. Желаемый результат был достигнут: мальчишка съежился и побелел – даже под слоем грязи стало заметно.

– Ты против? – осведомился Джим.

– Поступай как хочешь.

Во дворе взревели два огромных автобуса. Их двигатели работали на воде, насыщенной

магией. В том и проблема с подобными средствами передвижения: они были медленными, максимальная скорость составляла тридцать пять – сорок миль в час, а шум стоял чудовищный: мертвец восстал бы и принялся звонить в полицию.

Подумать только, я еду на битву на автобусе! У вселенной злое чувство юмора.

Показались и старые знакомые. Мьонг. А рядом Крест. Он выглядел неплохо: та же уверенная поступь, одежда, безупречная до последней складки. Привлекательный мужчина с рыжеватыми волосами и добрыми глазами.

Я смотрела на него и ничего не испытывала. Смущение ушло. Я освободилась.

– Кэрран пошел им навстречу. У них теперь нет обязанностей перед Стаей. Девушка не будет участвовать в битве, – скривился Дерек. – На месте альфы я бы заставил ее сражаться. И отпустил бы, только если бы она проявила себя в бою.

Крест придержал для Мьонг дверцу узкого серого автомобиля.

– А они уезжают – счастливая парочка, освобожденная от возмездия и спасения мира. Неужели тебя это не волнует?

Я улыбнулась.

– Дерек... В жизни нужно учиться многое принимать.

Мы обогнули автобус, и в меня ударила волна вампирской магии. Перед джипом Кэррана словно статуи сидели восемь вампиров.

Царь оживленно беседовал с девятым. Кровосос увидел меня.

– Кейт! – воскликнул он голосом Гастека. – Твоя способность оставаться в живых меня непрестанно удивляет.

– Что ты здесь делаешь? Почему ты не под замком в «Казино»?

– Элементарно, дорогая. Пришел поквитаться. Да и Племя не прочь понаблюдать за вампирами во время Вспышки: как реализуется их потенциал в обстановке, где они могут причинить неограниченный ущерб. Но в основном я хочу отплатить пастырю. Возмездие – весьма достойное занятие.

Взглянув на Кэррана, я поняла, кто будет сопровождать Брана в туннеле.

Расщелину заполнял пузырь – твердый, полупрозрачный. Поверхность испещряли тонкие трещины. Внутри скалились морды монстров. Рыла смяты, губищи сплющены – фоморы стояли плечом к плечу, плотно набившись в пространство, как мятные леденцы в упаковку.

К Улью мы подъехали на автобусах, а затем по тропинке спустились на дно ущелья. Кэрран привел сотню добровольцев.

Сотня перевертышей может долго блокировать расщелину, тем самым дав Брану возможность закрыть котел. Если они облажаются, никакая армия перевертышей ничего не исправит. Кэрран не хотел подвергать риску своих оборотней. Я бы взяла побольше воинов, но меня никто не спрашивал.

Тропинка привела нас по самому краю провала. Там, где он граничил с Ульем, тесно прижались друг к другу вспухшие трейлеры, отгораживая кромку. За фургонами ждали поселенцы Улья, вооружившись дубинками, топорами и клинками. Четверо проводников с огромными псами держали своих железных тварей на цепях толщиной с руку. За ними возвышались две баллисты.

Если демоны попытаются преодолеть усеянный металлическим мусором и утыканный пиками склон – мгновенно об этом пожалеют. Оборотни расчистили дно ущелья, и оно стало пригодно для битвы. Острые обломки сгрузили у края пузыря. Предполагалось, что они задержат фоморов.

Мы спустились в расщелину. Стая выстроилась в шеренги в сотне ярдов от пузыря. Вокруг каждого воина было свободное пространство – в битве необходима свобода движений. Мимо нас проскользнула группка женщин во главе со знакомой ведьмой – одной из предводительниц ковена Морриган.

Женщины были облачены в кожаные доспехи, металлические кольчуги, при себе имели луки и мечи, а лица – раскрашены синим. С мрачной решимостью они пробились к Кэррану. Поговорили с ним пару минут и взобрались на склон, занимая свои стратегические позиции.

Настал мой черед. Я направилась к вожаку.

– Пятнадцать секунд.

Его глаза сверкнули.

– Помню. Постарайся не умереть.

– Специально выживу, чтобы попозже тебя прикончить.

– Тогда увидимся утром.

Я отошла в сторону. Дерек расплылся в улыбке.

– Значит, ты будешь опекать меня во время битвы? – спросила я.

Он кивнул, улыбнувшись еще шире.

Великолепно!

С верхушки пузыря откололся бледный ошметок, смахивающий на грязный лед. С жутким свистом он сверзился вниз на дно ущелья, разбившись о ржавый хлам. Серость шипела, испаряясь без следа. Над полем битвы воцарилась тишина. Оборотни затрепетали в предвкушении.

Над нашими головами прогремел голос Кэррана:

– У нас есть дело! Сегодня мы отомстим! Чужаки пришли на нашу землю. Они пытали ребенка. Убили наших братьев. Никто не смеет причинять вред Стае!

- Никто! – взревели воины.

Царь указал на пузырь.

- Они – не люди. На их костях нет человеческой плоти.

Куда он клонит?

- Что случится здесь, здесь же и останется. Сегодня – никакого Кодекса. Вы можете дать себе волю!

Оборотни жили Кодексом. Фанатично ему следовали. Подчиняйся, исполняй, отвечай за свои действия. Всегда старайся. Контролируй эмоции и держи себя в руках. Кэрран позволил им единственное, чего они не могли иметь.

Глаза оборотней зажглись янтарем и налились кровью.

- Помните: умирать за Стаю – не ваша работа. Ваш долг – заставить тех ублюдков сдохнуть! Вместе мы их перебьем!

- *Перебьем!* – выдохнуло поле.

- Победим!

- *Победим!*

- Вернемся домой!

- *Вернемся домой!*

- Убьем, победим, вернемся домой!

- *Убьем, победим, вернемся домой! Убьем, победим, вернемся домой!* – скандировали они вновь и вновь, а голоса сливались в единый хор.

Еще одна часть купола свалилась на траву. Оборотни, как один, сорвали с себя одежду. Все вокруг хваталось за оружие. Повяло потом и железом, разогретым на солнце.

С оглушительным грохотом треснувшего льда серый купол развалился на куски, и я увидела тучу демонов. Они двинулись вперед и застыли молчаливой беспорядочной массой с вкраплениями зеленого, бирюзового, оранжевого. Картина чудовищная: прямо-таки старинное изображение ада.

- Начинаем! – рявкнул Кэрран.

Шеренги оборотней мгновенно стали покрываться шерстью подобно огню, бегущему по бикфордову шнуру. Звери и монстры разминали плечи, каждый щелкал пастью.

Вожак зарычал. Он возвышался над войском, точно восьмифутовый кошмар.

Позади орды фоморов на небольшой куче мусора стоял Морвран, вонзая в небо обоюдоострый топор. Твари завопили.

Им ответил рев сотни звериных глоток: выли волки, лаяли шакалы, хохотали гиены, шипели коты, визжали крысы – все разом, а над какофонией звуков раздавался неукротимый львиный рык.

Фоморы вдруг заколебались. Морвран вновь вскинул топор. Похоже, у него на все один жест: проделывать дырку в небе.

Первые ряды полчища двинулись вперед. Сначала медленно, с трудом, потом быстрее и быстрее. От нас их отделял покрытый металлическим мусором участок размером с футбольное поле.

От множества топчущих ног содрогнулась земля.

- Стоять! – проревел Кэрран.

Позади раздалось гулкое женское пение. Подчиняясь силе голосов, всколыхнулась магия. Земля задрожала, как гигантский барабан, в который били изнутри. Перед рядами фоморов прямо из грунта прорвались вьющиеся плети. Поползли к врагам, опутывая их ноги, связывая, опрокидывая навзничь. Демоны замешкались, пытаясь высвободиться.

Ведьма пронзительно завизжала. Ей ответили гортанные возгласы. Небо ожило блеском: в воздух взвились стимфалийские птицы и бросились на орду тварей. Свистели перья, им вторили вопли боли – острый словно бритва металл вонзался в плоть. Тут и там монстры обращались в жижу. Но котел их оживит. Бран, наблюдая за битвой из черепахи пифий, закричал: «Калечьте их, ну же!..»

Просто калечить демонов, выводя из строя, но не убивая, куда лучше, чем отправлять на перерождение. Мы должны отвлечь их внимание, оттянуть на себя, истощить ряды врага, чтобы позволить Брану пройти невредимым.

Фоморы выпутались и опять двинулись нам навстречу – бушующее море плоти, зубов и рогов.

Пора.

Легкой поступью я помчалась вперед, все дальше от линии оборотней. На меня надвигались фоморы.

Я сбросила щиты. Все поводки и цепи, муштру и страх разоблачения, что обуздывали меня, – я дала себе волю. Нужды скрываться не было. Во мне, кружа голову, струилась магия, одурманивая и чаруя, смешиваясь с моей жаждой крови. Должно быть, именно так чувствовал себя отец, ведя армию в бой. Меня взрастил военачальник Роланда. Я сбросила оковы – враги да склонятся передо мной.

Магия пела во мне. Опыаненная ее мощью, я отдалась ей без остатка и выкрикнула одно слово:

– *Осанда!*

Преклонись!

Сила хлынула как цунами. Земля содрогнулась – по ней разом ударили сотни коленей. Брызжа кровью, хрустя сломанными конечностями, фоморы падали, будто великан оставил среди их войска окровавленный отпечаток ноги. Собственную боль я едва замечала. Зато наконец меня перестало распирать от магии.

Увидев, как авангард корчится в муках на земле, орда замерла. На другом конце поля застыл Морвран. Я видела его омерзительную физиономию необычайно четко. Он потрясенно тарачился на поле боя. Я расхохоталась, глядя на него. Что, не ожидал?

– Подавай сюда свою армию, божок! Мой меч голоден!

Морвран дернулся, как от удара кнута. Я знала – он меня услышал. Топор взмыл и указал в мою сторону.

Морвран завопил, и орда вновь устремилась вперед.

Я еще смеялась – от быстрого расхода силы кружилась голова. Оборотни промчались мимо к искалеченным демонам.

Меня потрясли за плечо, и в поле зрения показался Дерек.

– Кейт! Завязывай!

Я вынула клинки. Ножны упали на землю, и я побежала.

Что бы здесь ни случилось, тут оно и останется.

Раздался грохот: две армии столкнулись, точно протаранили друг друга два огромных корабля. Первый демон замахнулся на меня синим топором. Походя выпотрошила его и двинулась к следующему.

Я резала и рубила, мои клинки жалили подобно паре стальных змей с голодными пастьми. Сколько бы они ни пожирали фоморской плоти, она не утоляла их голод. Я ничего не видела, не чувствовала. Все растворилось в запахе теплой крови, палящем солнечном зное и влаге моего собственного пота.

Фоморы наступали, окружая меня со всех сторон. Я бессмысленно убивала, уже не понимая, кого отправляю в глубины котла. Они были просто трехмерными фигурами, преградой на пути к Морврону, и я, как хорошо отрегулированный механизм, косила их, не задумываясь и не раскаиваясь. Каждое мое движение было верным, каждый взмах меча находил свою жертву. Меня охватило восторженное любопытство: врагов было много, и я надеялась, что они не закончатся. Ведь для того я и родилась.

Я могла бы убивать вечно.

Земля стала скользкой от жижи растаявших фоморов. Постепенно вокруг начало выстилаться кольцо трупов: мы переполнили котел, убивая больше, чем он мог возрождать.

Внезапно ряды фоморов распались – демоны побежали от моих ненасытных клинков. Передо мной раскинулось поле боя. Воины врезались друг в друга, бросаясь туда и сюда, линии нападения и защиты окончательно смешались. Обезумевшие перевертыши с глазами, багровыми от ярости, рвали монстров в клочья. Завывали ведьмы, разбрасывая заклинания и стрелы. В воздухе повисла кровавая взвесь. Бряцание мечей, крики боли раненых, вой оборотней и стоны умирающих слились в невыносимую какофонию. В небе горело беспощадное солнце, настолько жгучее, что кожа покрывалась волдырями.

Здесь творился ад, а я была его яростью.

Я подняла меч и убила снова – с улыбкой на лице.

Когда я опять посмотрела на солнце, оно зависло над горизонтом, заливая небо багрянцем. Пушные облака пропитались красным, как повязки на кровоточащей ране.

На гору трупов спикировала парочка вампиров.

– Гольф-три, на два часа – большая группа, раскидаем?

– Гольф-два, вас понял!

Упырь слева схватил монстра, раскрутил его и метнул, точно диск. Нечисть пролетела двадцать пять футов и приземлилась на великана с акульей головой. Резанули когти, фомор рухнул вниз.

Вампиры! Значит, Брану удалось...

Мимо пролетело тело. Повернувшись, я заметила Пса Морриган: гротескный, неимоверного размера, он пробирался по полю всего в нескольких ярдах от меня.

Чешуйчатый демон слева метнул в него гарпун. Тот пролетел по воздуху, ударил гиганта прямо в живот и отскочил. Чудовище, некогда бывшее Браном, перехватило оружие ладонью размером с лопату и рвануло за цепь. Сейчас начнется! Фомор подлетел к Псу, тот отбил его, как футбольный мяч.

Удар пришелся прямо в брюхо, и демон полетел дальше.

Фоморы обрушивались на него по четверо-пятеро зараз, а Бран разбрасывал их, будто стаю птиц, раскачиваясь взад и вперед, отрывая головы и топчa тела: ни дать ни взять малыш, беснующийся на поле одуванчиков. Он гонялся за ними, ломая спины и круша черепа, и верхняя часть его тела засветилась красным, словно затухающий уголек.

Что он делает? Он не должен впасть в бешенство, пока не доберется до Морврона. И тут, повернувшись, я узрела его – Великого Ворона, почти рядом со мной. Я радостно начала прокладывать клинками путь к нему.

Руки Морврона двигались, губы шевелились. Глаза не отрывались от Брана. Он накладывал заклинание.

Нет!

Я с криком бросилась на холм.

Штурм был стремительным и яростным. Морвран обрушился на меня сверху, двигаясь со сверхъестественной скоростью. Отпрыгнув, я налетела на него шквалом ударов, быстрее и быстрее, обходя его по кругу, сверкая клинками.

Давай ко мне, сукин ты сын!

Мимо – раз, другой, – просвистел топор. Я продолжала скакать вокруг увиливающего врага. Он продолжал сопротивляться и ускользать, но мои удары были точны – игнорировать тоже нельзя! Я следила за глазами Морврана, за его ногами, целила в лицо, чтобы не отвлекался. Он парировал удар короткого меча и ринулся на меня. Топор, отразив краем лезвия солнечный луч, описал широкую сверкающую дугу, яркую, как звезда.

Морвран ждал, что я отскочу назад, но я рванулась вперед, под рукоять топора, и ударила в горло.

Я была по-кошачьи ловкой, но почему-то промахнулась. Кончик «Погибели» прочертил красную линию на шее Морврана, и сапог противника врезался мне в живот. Мир затопил мутный туман боли. Я рухнула в грязь.

Через секунду враг оказался рядом. Между моими ногами в землю воткнулся топор.

Я перекатилась и прямо из положения лежа сделала выпад, вонзив оба лезвия в грудь Морврана. Сталь вошла легко, и он тут же превратился в облако перьев.

Я рубанула по ним, неразборчиво рыча, а перья упорхнули у меня между ног в просвет, расчищенный фоморами. Я погналась следом, но они улетучивались на глазах.

В мгновение ока Морвран снова обрел форму. В руках его опять сверкнул топор. Я бросилась к нему, но позади моего противника внезапно возник Бран. Голова Пса Морриган излучала белое сияние. Из десятка огромных ран на искореженном теле сочилась кровь, но исходящий от него жар сразу ее высушивал, превращая в коричневые полосы.

– Мо-о-ой чер-е-е-ед! – Браноподобное существо отвесило удар Морврану, но тот ускользнул.

Пес погнался за ним, в припадке ярости размахивая конечностями. Он вооружился огромным копьём, которое, наверное, забрал у кого-то из демонов. Топор Морврана, с жутким свистом вспоров воздух, расколол пополам копьё Брана и вонзился ему в плечо. Кровь брызнула струей. Пес молниеносно развернулся, вырвал у противника оружие и разломал рукоять.

Тело Морврана превратилось в ураган черных перьев. Смерч, закрутившись в обратную сторону, взметнулся вверх и застыл гигантской птицей. Вот и Ворон! Нас затопила холодная магия, безжизненная, как выплеснувшаяся из этой вороноподобной дыры в атмосфере. Кожу лизнул мороз.

Птичий коготь подцепил огромный бронзовый котел.

Бран собрал горсть железного мусора и метнул его вдогонку. Острые обломки попали в цель, с шипящим воем пронзив шею и спину Морврана. По крыльям каплями размером с кулак потекла темная кровь. От плоти демонической птицы отделились сферы и зависли в воздухе, переливаясь в свете заката.

Бран взмахнул другой рукой – пролетела искра и впилась глубоко в спину Морврана – то было его собственное топорщице.

Ворон закаркал. Из когтей, словно капля расплавленного металла, выпал котел. Разум пронзил вопль чистой ярости.

У подножия котла вздохнула земля, разверзлась, будто голодный рот, изрыгая на свет

новых фоморов.

Они толпой бросились на Брана.

Я врезалась в них. Рядом со мной оборотни рвали тварей на части, но нас было слишком мало, а их – много. Бран скрылся из виду – его погребла гора тел фоморов, но вдруг она распалась. Весь избитый и окровавленный, Пес поднял из грязи богато разукрашенную крышку. В гигантской руке она выглядела крошечной, не больше фрисби. А меня внезапно словно сплющило. Грудь сдавило, заныли кости. Оборотни и фоморы вокруг рухнули наземь, крича от боли.

Бран поднатужился – из его ран хлынула кровь – и с ужасающим ревом обрушил крышку поверх котла. Давление исчезло. Ухмыльнувшись, Пес опять открыл крышку и вместе с ней сгинул в дымке тумана.

Ясно. Вернул крышку Морриган и был таков.

А у нас – целое поле демонов, от которых еще предстояло избавиться.

– Кейт! – оклик заставил меня обернуться.

В тридцати ярдах поодаль стоял Дерек, показывая когтистой окровавленной лапой мне за спину. Там, совсем рядом, на воткнутом в землю кресте была распята она – Джули.

Прямо по телам я начала карабкаться к малышке. Неожиданно на меня упала огромная тень. Я успела поднять глаза – в меня целился жуткий клюв цвета полированного железа. Ворон! Морвран еще пребывал в своей летающей ипостаси. Фоморы зажали меня в тиски. Бежать некуда, что делать? Упав на колени, я приготовилась вонзить «Погибель» в птичьи кишки. Но огромные когтистые лапы уже схватили ее за крылья. Морвран замер, заслоняя солнце.

Кэрран рвал ворона с ревом, от которого содрогнулись фоморы.

– Давай! – кричал он мне. – Давай же!

Я принялась пробиваться вперед, кроша, рая, рубя мечами, не отрывая взгляда от Джули. Слева кучка фоморов расправилась с вампиром, оторвав ему конечности, и бросилась на меня.

– Убейте девчонку! – пронеслось над шумом битвы шипение пастыря.

Демоны сменили курс. От Джули меня отделяло два десятка ярдов. Я бы ни за что не успела. Вдруг в дымке тумана рядом с малышкой возник Пес Морриган. Он схватил крест и девочку и вновь растаял в воздухе.

Демоны взвыли от ярости.

С пустыми руками Бран, ухмыляясь, материализовался рядом со мной... И его грудь взорвалась – из раны показались зеленые щупальца. Меня залило кровью.

Глаза стрелка были широко открыты, рот распахнут.

– Бран!

Он шагнул вперед и повалился на меня, из его горла текла кровь, а позади торжествующе шипел пастырь. Перепрыгнув через Брана, я рубанула ублюдка по голове. Рыбы глаза с ненавистью уставились на меня, а потом череп Болгора покотился в грязь. Тело покачнулось. Я секла его саблей вновь и вновь, пока морской демон не развалился на куски.

Теперь-то ему никогда не подняться.

Дикий рев пронесся над полем битвы. Над бойней возвышался окровавленный Кэрран, потрясая головой огромной черной птицы, и кричал:

– Убивайте всех! Они смертны!

Перевертыши обрушились на фоморов. А я упала рядом с Браном на колени.

Нет... Нет, нет, нет!

Я перевернула его. Он глядел на меня темными глазами.

- Я спас ребенка. Я спас ее. Для тебя...

- Вызывай туман, черт тебя дери!

- Поздно, - прошептал он одними губами. - Сердце не заживет. Прощай, голубка.

- Не умирай!

Он просто посмотрел на меня и улыбнулся.

Внутри натянулась тонкая нить боли, готовая вот-вот лопнуть. Больно - так, что невозможно дышать.

Бран ловил ртом воздух. Его тело в моих объятиях стало коченеть, утекали последние капли жизни.

Нет!

Я схватила этот последний трепет. Всей своей силой, всем тем, что у меня было, держалась за последнюю частичку Брана, не позволяя ему уйти.

Вокруг пенилась магия. Я впитала энергию, направляя ее глубоко в плоть Пса, поддерживая его. Поток боли она пронеслась сквозь меня и растворилась в стрелке.

Не позволю! Он будет жить. Я не могу его потерять...

«Глупая девчонка! - раздался голос в моем сознании. - Тебе не победить смерть».

Еще посмотрим!

Искра жизни ускользнула глубже. Больше магии! Давай, Кейт!..

Завывал ветер, а может быть, это моя кровь гудела в ушах - я уже ничего не чувствовала, кроме боли и Брана.

Я потянула сильнее. Искра замерла. Веки Пса задрожали, рот открылся, глаза уставились на меня. Но я не слышала, что он сказал.

Сердце остановилось, и я отчаянно старалась заставить его биться.

Его глаза вновь затуманились. До меня донесся шепот, слабый, но отчетливый:

- Отпусти...

«Так обращают в нежить», - произнес голос внутри.

Глубоко в душе я понимала, что голос прав.

Я не стану тем, к кому питаю отвращение. Не уподоблюсь человеку, который произвел меня на свет.

- Отпусти меня, голубка, - прошептал Бран.

Я разорвала поток магии. Напряжение во мне лопнуло, как разорвавшаяся струна, и меня опять захлестнуло болью.

Искра жизни стрелка растаяла. Сила билась внутри - живой зверь, пойманный в западню и разрывающий меня на части в попытках высвободиться.

В моих объятиях лежал мертвый Бран. Из моих глаз хлынули слезы, потекли по щекам, унося с собой магию, и упали на землю. Она промокла, и что-то зародилось в ней, полное жизни и колдовской силы, но это было уже не важно.

Бран ушел.

И тут нутром я почувствовала врага. Это была демоница, готовившаяся всадить в меня клинок. Я плавно поднялась и сделала единственный выпад. Кончик «Погибели» уткнулся в грудь твари. Вспорол зеленую кожу, прошел плотные волокна мышц и мембран, царапая хрящ грудины. Под нажимом руки проник глубже и добрался до сердца. Мускулистый орган, как сжатый кулак, ненадолго воспротивился, а потом лезвие, омываемое кровью, вспороло мышцу. Я рванула саблю вверх и в сторону, разрывая сердце твари на части.

На меня брызнула кровь. Я чужая ее запах: она была теплой и липкой на моих пальцах. Глаза фоморки расширились. Из кобальтовых глубин на меня смотрел страх. На сей раз не будет никакого воскрешения. Я ее убила. Она уже была мертва и от осознания собственной судьбы испытала мучительный страх.

Мгновение длилось бесконечно. Я знала, что запомню его навсегда. Я поняла – не важно, скольких я убила и уничтожу до заката. Брана никто из них не вернет. Ни на секунду.

Я вытащила саблю из твари. Горе оседлало меня и пришпорило, отправив в бой. Я в бешенстве носилась по полю. Расправлялась со всеми демонами, оказавшимися у меня на пути. Стоило им завидеть меня – они бежали, но я гналась следом и разила их, пока они не отняли жизнь еще чьего-то друга.

Наступила ночь. Фоморы были мертвы. Их трупы валялись вперемешку с останками нашей армии.

И оборотни, и обычные люди после гибели выглядели совершенно одинаково. Так много тел! И смертей. Еще утром говорили, дышали, целовали на прощание любимых. А теперь они лежат здесь... Ушли навеки, как Бран.

Я села рядом с мертвым стрелком. Его глаза были закрыты. Как я устала! Тело ныло в тех местах, о существовании которых я даже не подозревала.

Кто-то зажег погребальный костер. В надвигающейся тьме он полыхал оранжевым. Ночь запятнал густой жирный дым.

Это ведь я буквально за руку вытащила Брана назад, к роду людскому. К свободе воли и выбору. И привела его к гибели. Глаза его уже не горели пламенем. Он не подмигнет мне, не назовет голубкой. Я не любила его, потому что едва знала, но, господи, как же больно! Почему я убиваю всех, к кому прикасаюсь? Почему они гибнут? Я многое могла преодолеть, но смерть каждый раз укладывала меня на лопатки. Какая польза от магии, если ты не можешь ее победить? Что хорошего, если не знаешь, когда остановиться? Если умеешь лишь уничтожать и наказывать?

Кто-то подошел и подергал меня за рукав.

– Кейт? – произнес тонкий голосок. – Как ты?

Я подняла голову и взглянула на девочку.

– Кейт, – жалобно проскулила она. – Скажи что-нибудь...

В душе зияла такая пустота, что я заговорила с трудом.

– Ты настоящая?

Джули кивнула.

– Как ты сюда попала?

– Меня принес Бран. Я проснулась на берегу озера. Повсюду валялись трупы, а еще там была женщина. Бран освободил меня, дал нож и доставил сюда, – она показала в ту сторону, где наша армия перед битвой формировала строй.

– Я сражалась, – добавила она и кивнула на окровавленный клинок.

- Дурочка, - злиться сил не хватило, и голос прозвучал ровно. - Столько людей умерло ради твоего спасения, а ты помчалась прямо на бойню.

- Я видела, как ривы пожирали мамино тело. Я должна была... - Она уселась рядом. - Должна, Кейт.

Послышался слабый звон цепей, затем под чьими-то шагами хрустнуло железо. Сквозь дымку приближалась высокая женщина.

Она была почти нагой, прикрытой лишь доспехами из кожаных ремней и серебряных крючков. Ее, всю перемазанную свежей кровью, окутывало облако черных волос. Темно-красные ручейки смешивались с синими рунами, выбитыми на коже. Ее появление меня ошеломило: она оказалась студеной, суровой, жестокой, пугающей, словно волчий вой, раздавшийся в ночи на пустынной дороге.

- Вот она, - шепнула Джули. - Женщина с озера.

Глаза незнакомки сияли, пронизанные лучистыми искрами. Искры растеклись по радужке янтарем, и огромные очи вдруг стали всепоглощающими, всеильными...

Я увидела бездонный зрачок. И поняла - в нем можно утонуть и потеряться навсегда.

Теперь понятно, как выглядит глаз богини...

Она посмотрела куда-то за мое плечо и подняла руку. Звякнули цепи.

- Подойди!

Я узнала голос - его я слышала у себя в голове.

Из-под груды мусора выбрался Рэд. Я давно догадывалась, что он там. Когда битва почти закончилась, Рэд подкрался ко мне и затаился, пока я, онемев от горя, сидела возле Брана. Наверное, выжидал момент, чтобы всадить нож мне в спину.

- Рэд! - вздрогнула Джули.

Я схватила ее за плечо и удержала.

- Ты желал силы...

- Да, - с трудом сглотнул Рэд.

- Служи мне, и я наделю тебя силой.

Он задрожал.

- Ты принимаешь сделку?

- Да!

- Рэд, а как же я? - Джули вырвалась - я не слишком крепко ее держала. Для девочки настал последний шанс исцелиться. - Я люблю тебя, не покидай меня!

Мальчишка, отгораживаясь, выставил руку.

- У нее есть все, чего я хочу. У тебя ничего нет.

Он переступил через ноги Брана и потрусил рядом с богиней, как пес, которым и был. Круг замкнулся: от предка, вырвавшегося из оков Морриган, сквозь бесчисленные поколения, к потомку, добровольно надевшему ее ошейник.

Тело Брана еще не остыло.

Богиня не выказала никаких признаков скорби.

Я посмотрела на нее.

- Ты меня узнала.

Цепи согласно лязгнули.

- Когда мы встретимся в следующий раз, я его убью.

- Отвали! Она могущественна и защитит меня, – огрызнулся Рэд.

- Когда о ней только-только возникло смутное представление, кровь, текущая в моих венах, уже была древней. Загляни ей в глаза, если не веришь.

- Мы более не встретимся, – пообещала Морриган.

Позади нее стеной встал туман, скользнул по земле, лизнул ноги Морриган, закрутился вокруг Рэда и поглотил их обоих.

Обрушился техноприлив и сбил магию с ног. На поле битвы – среди мертвецов и ржавого железа – одиноко стояла Джули с окаменевшим от потрясения лицом.

Эпилог

Придя утром за телом Брана, ведьмы нашли его лежащим среди белых цветов. Они выросли в одночасье – сверкающие звездочки, с черной, как и глаза стрелка, сердцевинкой. К концу дня их нарекли колокольчиками Морриган. Из уст в уста разлетелся слух, мол, богиня столь убивалась из-за смерти своего воина, что ее слезы превратились в цветы.

Вранье! Я была там – сука не проронила ни единой слезинки.

Ведьмы похоронили Брана в Столетнем парке. Над могилой возвели каменную пирамиду. Мне сказали, что я могу приходить туда в любое время.

В течение следующих дней мы с Андреа не покладая рук работали. Составляли отчеты для ордена. Закрыли дыры, сгладили кочки, устранили несоответствия. В результате моя подруга предстала чистокровным человеком, а я – радостной наемницей.

Дело усугублялось тем, что несколько недель миру предстояло провести без магии, поэтому нам пришлось прибегнуть к традиционной медицине. У меня было с полдюжины порезов, пара из них – достаточно глубокие и вызывающие опасения, а кроме того, два сломанных ребра.

Андреа получила ранение в спину, которое в обычных обстоятельствах зажило бы подозрительно быстро. Но в период после Вспышки на исцеление потребовалось время.

Непривычная к боли, Андреа глотала таблетки горстями.

После ухода Рэда малышка замкнулась в себе, отвечала уклончиво и перестала есть. В четверг я отправила последний отчет – вместе с заявлением на отпуск посадила Джули в свою древнюю прожорливую «Субару» (я прозвала ее «Бетси») – и мы отправились на юг, в Саванну. Там находился дом моего отца. Андреа обещала уладить все дела с орденом, когда вернутся рыцари.

Путешествие длилось бесконечно. Я отвыкла от вождения, была вынуждена останавливаться для отдыха. Мы миновали поворот к дому и направились вниз по побережью к городку под названием Юлония.

Я припарковалась у ресторанчика «Пеликаний мыс». Хозяин был у меня в долгу, иначе обед оказался бы мне не по карману.

Заведение притулилось возле реки, прямо там, где пресная вода пробивала себе путь через тростники и илестые островки, вливаясь в Атлантический океан. Мы посидели в беседке у причала, понаблюдали, как катера (их хозяева обычно промышляли креветками) и рыбацкие лодки петляют по лабиринту низины, затопленной морской водой, а потом выгружают улов.

Затем мы пошли в ресторан и расположились у окна. Я отвела Джули к шведскому столу с морепродуктами. Столько еды за один раз малышка никогда в жизни не видела и лишилась дара речи. Я наполнила ей тарелку, прихватила напоследок крабовых фаланг и отвела к нашему месту.

Джули попробовала жареную креветку и тилапию с гриля.

Когда я занялась фалангами, малышка расплакалась. Она рыдала, жевала крабовое мясо, обмакивая кусочки в топленое масло, облизывала пальцы и всхлипывала.

На обратном пути она держалась очень угрюмо.

– Что со мной будет дальше? – наконец спросила она.

– Лето почти закончилось. Тебе придется отправиться в школу.

– Зачем?

– У тебя – дар. Хочу, чтобы ты училась и общалась с разными людьми – с твоими ровесниками и взрослыми. Так ты сможешь узнать, как они думают и себя ведут. И тогда

никто не сможет тебя использовать.

– Я им не понравлюсь.

– Ничего подобного.

– Это одна из тех школ, где дети живут?

Я кивнула.

– Мать из меня никудышная. Редко бываю дома. Я не тот человек, который способен позаботиться о ребенке. Зато я буду просто сумасшедшей тетушкой. Ты будешь навещать меня каждые каникулы. Запеку тебе гуся.

– Почему не индейку?

– Ну ее! Она суховата.

– А если мне там не понравится?

– Тогда я начну подыскивать другую школу, пока не найду подходящую.

– А если мне понадобится, я смогу пожить у тебя?

– Всегда, – пообещала я.

Спустя три недели я отвезла Джули в Академию искусств Мейкона. Магический дар малышки вкупе с моим скромным доходом легко позволили ей получить стипендию. Это было хорошее заведение, в тихом местечке, с приличным кампусом, который напоминал парк. Территорию ограждала девятифутовая стена с башнями, оснащенными пулеметами и арбалетами. Я познакомилась с каждым преподавателем. Все они показались мне людьми, не склонными терпеть всякие досужие глупости. Куратором у них была эмпат. Она поможет Джули исцелиться, лучше ее с этим никто не справится.

Домой я вернулась уже в темноте. Как обычно после Вспышки, магия на некоторое время оставила наш мир в покое, и путешествовала я на своей старенькой «Бетси», которая на полпути заглохла, хотя и была вполне исправна.

В итоге до крыльца я добралась вымотавшись как собака. Взобралась по лестнице, отперла дверь и обнаружила у порога букет красных роз в хрустальной вазе. Карточка гласила: «Мне жаль. Сайман».

Ворча себе под нос, я отнесла цветы и вазу в мусорный контейнер, снова поплелась к двери, полезла за ключом и поняла, что створка слегка приоткрыта.

Вытащила из ножен «Погибель» и толкнула дверь кончиками пальцев. Та качнулась бесшумно – петли хорошо смазаны. Из коридора было видно, что гостиную заливал мягкий желтый свет. Пахло кофе.

Кто вламывается в дом, зажигает лампу и варит кофе?

Я прокралась в гостиную с саблей наготове.

– Ты топаешь шумно и неуклюже, как детеныш носорога, – произнес знакомый голос.

Я прошла в комнату. На моем диване восседал Кэрран и читал мою любимую книжку в мягкой обложке. Волосы Царя Зверей вернулись к своей обычной длине. Лицо было начисто выбрито. Он совершенно не походил на жуткого монстра, который еще недавно стоял на поле битвы и размахивал головой несостоявшегося божка.

Я-то думала, он обо мне забыл. Что меня совершенно не огорчало.

– «Принцесса-невеста»? – произнес он, демонстрируя обложку.

– Что тебе нужно в моем доме?

Вломился внутрь и уютно устроился, будто хозяин.

- С Джули все хорошо?

- Да. Оставаться ей не хотелось, но она быстро заводит друзей, да и учителя, кажется, там здравомыслящие.

Я настороженно наблюдала за Кэрраном, не зная, какие у нас теперь отношения.

- Давно хотел сказать, но возможности все не было. Сожалею о смерти Брана. Он мне не нравился, но погиб достойно.

- Да. Соболезную вашей утрате. Многих потеряли?

Лицо Кэррана омрачила тень.

- Треть.

Он брал с собой сотню. Значит, не меньше тридцати не вернулось. Тяжесть их гибели давила на нас обоих.

Царь Зверей повертел в руках книгу.

- Ты владеешь словами силы...

Ого, а он в курсе. Мило.

- Присвоила парочку, - пожала плечами я. - То, что случилось в ущелье, - одноразовая акция. Такую власть мне уже не получить.

По крайней мере, пока не грянет очередная Вспышка.

- Интересная ты девушка, - заметил он.

- Ваш интерес должным образом отмечен, - и указала ему на дверь.

Он отложил книгу.

- Как пожелаешь.

Он встал и прошествовал мимо меня. Я опустила саблю, пропуская его, но он вдруг остановился в опасной близости ко мне.

- Добро пожаловать домой. Я рад, что ты вернулась. На кухне тебя ждет кофе.

Я так и разинула рот.

Он вдохнул мой запах, склонился ниже, словно собираясь поцеловать...

А я просто стояла как круглая дура.

Он ухмыльнулся и прошептал мне на ухо:

- Шутка.

А потом взял и ушел.

Боже правый...

Благодарности

Хочу выразить благодарность следующим людям:

Анне Совард, моему редактору, – за мудрость и советы, а главное, за веру в меня как писателя. Благодаря твоей помощи мои сумбурные записи превратились в книгу.

Рэйчел Ватер, моему агенту, – за неизменную преданность клиентам. Встреча с тобой – лучшее, что может случиться в карьере писателя.

Кэм Дафти, помощнику редактора в Ace Books и наверняка самой терпеливой женщине в мире, за помощь в редакции и за миллион других вещей. Я должна тебе шоколадный мартини.

Кристин дель Розарио, дизайнеру, – за великолепный макет книги и помощь в ее создании.

Джуди Мурелло, художественному редактору, – за захватывающий дизайн обложки, и художнику, *Чэду Майклу Уорду*, за ее воплощение.

Валери Кортес, рекламному агенту в Ace Books, – за неутомимое продвижение серии «Кейт Дэниелс».

Спасибо всем великодушным людям, терпеливо читавшим черновик. Вы помогли значительно улучшить эту книгу по сравнению с ее первоначальной версией. *Шарлин Амсден, Бьянке Брэдли, Сьюзан Э. Кэрноу, Шэннон Франкс, Элизабет Халл, Джеки М., Джилл Майлз, Риз Нотли, Лизан Палмер, Мэй, С. К. С. Пэрри, Г. Джулз Рейнолдс, Лиз Райан, Мелиссе Соумиллер, Соне Шэннон, П. Дж. Томпсон, Хейди Таллентин и Эмбер ван Дайк.*

И наконец, спасибо всем читателям серии «Кейт Дэниелс». Ваши письма помогают мне продолжать творить.

Примечания

Предположительная виновница Великого чикагского пожара – корова, разбившая копытами керосиновую лампу. Пожар произошел в октябре 1871 года и стал одной из самых масштабных катастроф XIX века. (*Здесь и далее прим. пер.*)

2

Wasp – арбалет, выпускаемый тайваньской фирмой Man Kung.

3

Арбалет изогнутой формы.

Паровой орган. Музыкальный инструмент получил название по имени древнегреческой музы Каллиопы.

Стимфалийские птицы обитали неподалеку от города Стимфала. Эти хищные птицы обладали медными клювами, крыльями, когтями и бронзовым оперением.

Незаконные поселенцы на чужой земле.

Знаменитое американское трио – комедийные персонажи.

Богиня войны в ирландской мифологии.

Блюдо кухни США – ассорти, в состав которого входят сосиски, отварной картофель в мундире, креветки, лук и кукуруза.

В поясе супергероя всегда хранился целый арсенал важных приборов и оружия.

Барбара Гордон – напарница Бэтмена.

Строка из «Макбета» У. Шекспира (пер. Б. Пастернака).

Андре Рене Русимов (1946-1993) – рестлер и актер, его рост составлял 2,1 м, а вес – 255 кг.

Доллар Сьюзен Энтони – монета номиналом в один доллар США, которую выпускали в 1979–1981 гг., а также в 1999 г. На ней изображена американская феминистка Сьюзен Энтони.

Фабио Ланцони (род. в 1959 г.) – актер, фотомодель. Этот мускулистый блондин с длинными волосами в 1980–1990 гг. был изображен на множестве обложек любовных романов.

«Мабиногион» – легенда о Бранвен, дочери Ллира.

Фамильяр – дух, призванный служить людям, практикующим магию. Фамильяр и его хозяин тесно связаны между собой посредством колдовских уз.

Изящный эвфемизм приглашения к сексу из тех времен, когда дама оставалась наедине с джентльменом.

Semper fidelis (лат.) – «всегда верен». Фраза, часто используемая в качестве девиза.